

5
1972

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

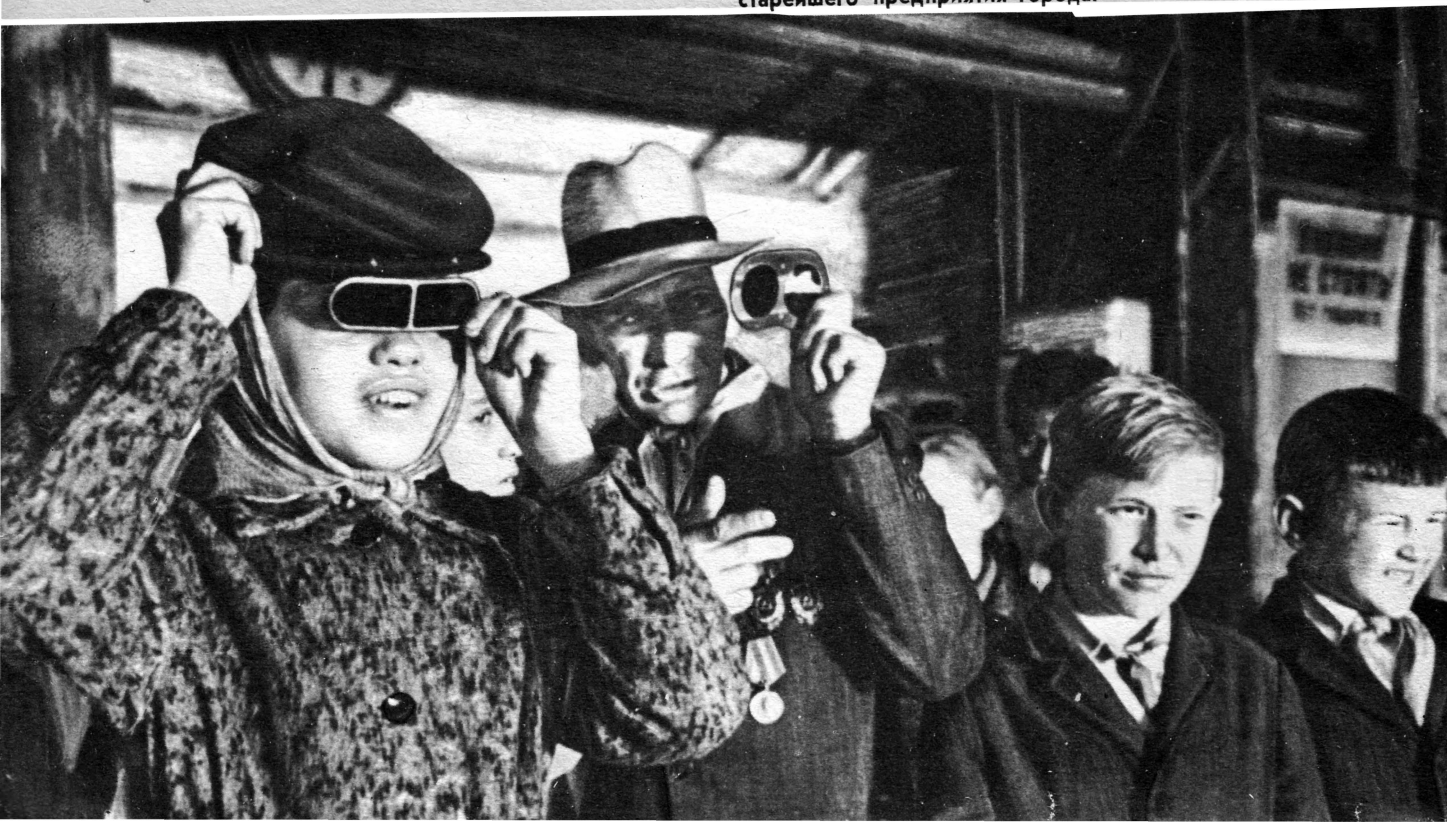

До 25 тысяч тонн металлолома ежегодно сдают промышленности пионеры Свердловска.

П И О Н Е Р С К А Я П Л А В К А

Фото И. Тюфякова

У мартенов Верх-Исетского металлургического завода, старейшего предприятия города.

Литературно-художественный
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества,
Орган Союза писателей РСФСР
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

Год издания пятнадцатый

В НОМЕРЕ:

В. Левин, Н. Ципис КТО УГНАЛ САМОЛЕТ?	2
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА	15
В. Машковцев СТИХИ	16
ПИОНЕРИИ — 50 ЛЕТ	18
Е. Марысаев ДИВНАЯ ПЛАНЕТА. Повесть	19
В. Панкратов ПОКА КИПЕЛА СТАЛЬ...	29
А. Брылин ПЕРВЫЕ ГЕРОИ ТРУДА	32
Ю. Шесталов ПОУЩЕЕ ДЕРЕВО	33
П. Могутин СВИДЕТЕЛИ ДАВНИХ МАЕВОК	37
А. Татаринцев ТОБОЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ	39
Л. Седов ФАКТОРИЯ НА МАТЮИСАЛЕ	43
И. Росоховатский ПУСТЬ СЕЯТЕЛЬ ЗНАЕТ. Фантастическая повесть.	46
МОИ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	58
В ОБЪЕКТИВЕ — МГНОВЕНИЕ!	60
Г. Машкин ШПИОН. Рассказ	61
Б. Рябинин СИЛЬНЫЕ — ВСЕГДА ДОБРЫЕ	67
О. Ожегов ГОРЬКА С МАЛОЙ ЯМСКОЙ	72
В. Павлинин, О. Капорейко ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	74
С. Федоров КОЛЛЕКЦИЯ ИНЖЕНЕРА	78
М. Гальперин, Л. Румянцев ПИОНЕРСКАЯ — ВЕСЕННЯЯ. Песня.	80

Обложка З. Баженовой.

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ **5**
1972

КТО УГНАЛ САМОЛЕТ?

Документальная повесть

В. ЛЕВИН, Н. ЦИПИС

Рисунки Н. Мооса

Я только что ознакомился с рукописью небольшой документальной повести «Кто угнал самолет!», воскресившей в моей памяти деятельность подполья в оккупированном Бобруйске. За хорошее и нужное дело взялись авторы — вернуть истории имя летчика, совершившего в первые месяцы войны такой же подвиг, как и Михаил Девятаев в 1945 году.

Узнать имя патриота, без малого 30 лет назад совершившего подвиг, не так просто, и

«Работая над статьей «Бобруйское партийно-патриотическое подполье», которая будет опубликована во втором томе Белорусской советской энциклопедии, мы просматривали отчет руководителя подпольной организации г. Бобруйска И. А. Химичева. Наше внимание привлекла одна строка отчета. Вот она.

«Угнан с аэродрома в советский тыл самолет».

Документальных данных об этом факте в отчете нет. На наш взгляд, было бы чрезвычайно важно установить имя патриота, совершившего этот героический подвиг. Мы обращаемся за помощью к вам, бывшие подпольщики Бобруйска, и к вам, красные следопыты.

А. ПЕТРАШКЕВИЧ,
ответственный секретарь Белорусской советской энциклопедии, кандидат исторических наук».

Эта заметка была опубликована на первой полосе белорусской республиканской молодежной газеты «Знамя юности» за 19 сентября 1968 года. Над заметкой стояла традиционная рубрика «Штаб «Разведчики».

Сам по себе факт угона вражеского самолета не единичный в истории Великой Отечественной войны. Достаточно вспомнить Михаила Девятаева, бежавшего из Германии на фашистском самолете-бомбардировщике «Хейнкель-111».

Это случилось в начале 1945 года. Переполюх после того, как пленный русский летчик угнал боевой самолет, у фашистов был невероятный. На место происшествия примчался собственной персоной рейхсмаршал Герман Геринг. Он учинил страшный разнос, срывал погоны с офицеров. Комендант лагеря военнопленных и несколько охранников были приговорены к расстрелу и тут же казнены.

2 Прошли годы. Герой жил в Казани, водил по Волге буксир, и никто, кроме близких, не знал о том, как он сражался в небе войны и в фашист-

мы, партизаны и подпольщики Бобруйска, будем глубоко признательны всем, кто допишет эту удивительную историю.

Авторы идут от факта к факту, от документа к документу, порою прибегая к вполне допустимому домыслу. На мой взгляд, рассказ о поисках героя с интересом прочтут как молодежь, так и люди старшего поколения.

Виктор ЛИВЕНЦЕВ,
Герой Советского Союза.

ском плену. И только через 12 лет после беспримерного подвига Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами страны маршал авиации К. А. Вершинин вручил Михаилу Девятаеву орден Ленина и Золотую Звезду.

Летчик, угнавший самолет из оккупированного Бобруйска, совершил свой подвиг в самом начале войны, в 1941 году.

Выбирать было не из чего: фамилия только одна — Химичев И. А., руководитель партийно-патриотического подполья в Бобруйске. От уральского журналиста Александра Шарапова, который вот уже несколько лет собирает материалы для книги о Бобруйском подполье, мы уже знали о том, что руководитель бобруйских патриотов живет в Свердловске. Заказали из Минска срочный разговор с редакцией свердловской газеты «На смену!». У телефона Шарапов. Объяснили ему ситуацию: надо связаться с Химичевым и выспросить у него все, что он знает о том летчике. Слышим: «Все понял. Сделаю! Позвоню сразу же».

С нетерпением ждали ответного звонка из Свердловска. К сожалению, к тому, что мы уже знали, Химичев ничего больше добавить не смог. Да, действительно, был такой случай. Это абсолютно точно. Но фамилию летчика он не знает. Не помнит точно и когда был совершен угон. И только одна, опять одна, новая фамилия... Молодец все же Саша Шарапов!

— Найдите Ли-вен-це-ва! — кричала телефонная трубка. — Химичев говорит, что он должен что-то знать. Ливенцев руководил одной из подпольных групп в Бобруйске.

Виктора-то Ильича Ливенцева мы, белорусские газетчики, хорошо знаем! Герой Советского Союза, председатель Республиканского комитета по физкультуре и спорту. Теперь — к нему...

Но Виктор Ильич был в это время в Мехико, на Олимпийских играх. Оставалось ждать. Вот

тогда-то и пришло письмо со штемпелем деревни Захарово Шумилинского района Витебской области от Игната Стефановича Пузикова:

«Уважаемый тов. Петрашкевич и редакция газеты «Знамя юности!» Прочитал я в газете вашу заметку «Кто угнал самолет?» Сообщаю, что самолет угнал советский летчик Цыганков Павел (или Иван Павлович). Немцы называли его «Цыганок».

Прежде он плясал для своих в училище, а потом на аэродроме под баян механика. Теперь пляшет под губную гармонику, иступленно и дико.

— Цыганочку! Дафай, дафай, рус!

Тонко пиликает губная гармоника. «Тоже мне инструмент!..»

Было в этом танце что-то от лихой, слегка скособоченной посадки рожденного в седле казака, и от плавной походки сибирячки, от напевности и душевной щедрости потомков Белой Руси.

Он плясал, и голодные, оборванные рабочие-пленные, и немцы из строителей, и пижонистые молодые офицеры летного состава, окружившие его, притопывали в такт писклявой гармонике, на которой наярывал солдат из батальона аэродромного обслуживания.

Он плясал. А Игнат Пузиков видел вовсе не танец, не его, Цыганкова, выделяющего колена. Неестественно вытянутые, раскачивающиеся на ветру ноги повешенных видел он... Колонну военнопленных, в которой шагал сам... Слышал тяжелое шарканье ног и короткие, заставляющие вздрагивать звуки выстрелов. Холодок смертельного ужаса пробежал по спине. Стреляли отсюда, сзади, где конвойные добивали упавших. И над всем этим звуки губной гармошки и хриплые голоса чужих солдат:

«Дойчланд, дойчланд юбер алес...»

Видел лагерь — тела вповалку, под дождем, в грязи, как мертвые...

Пляши, Цыганок! Пляши! Пусть потешаются арийцы. А эти колючие, злые взгляды своих, русских... Ну, что ж, они правильно делают, что ненавидят и презирают тебя за твоё служение, за эту рабскую покорность и унижение.

— Гут рус, гут, Цы-га-нок! — летчик протянул уставшему парню несколько сигарет.

— Ты есть артист экстра, — похлопал его рукой в блестящей перчатке. — Зер гут!

— Что вы, господин офицер, какой там артист! Я землю копал — землекоп я. Завсегда для вас рад стараться!

Они отошли вдвоем. Игнат Пузиков сел. Трава, пожелтевшая и сухая, уже еле прикрывала землю. Утром был на ней иней — началась осень с заморозками, хотя днем еще купались в Березине.

— Закурим, что ли, офицерских? Угощаю, — Цыганков криво улыбнулся. — С барского стола... Как думаешь, Игнат Стефанович, позовут сегодня?

— Так ведь чего ж не позвать — неделю целую зовут. Вначале нам, как всегда, картошку чистить.... А ты чего? Сегодня что ли надумал? — Пузиков инстинктивно перешел на шепот, хотя рядом, метров на сто вокруг, только они вдвоем да пожелтевшая трава.

— Я уже и вчера, и позавчера, и когда хочешь — момент бы выдался подходящий...

Подошел Василий. От него друзья не таились. За горькие дни неволи они уже присмотрелись к этому широкоплечему молчаливому здоровяку. Знали — не продаст. И потому сперва лишь намеками, а потом подробно все ему рассказали. В свое спасение Василий не очень-то и верил. Знал — всем троим на одноместном «мессере» не улететь. Он думал о том, что, доберись Цыганок к своим, удайся ему этот сумасшедший план — и мать, и жена будут знать, что не пропал он, Василий, без вести, а погиб, не сделавшись холуем. И потому первым делом он предложил обменяться адресами. Цыганковский он спрятал под стелькой в каблуке. «Калининская область».

— А как ты ихний самолет поднимешь? — спросил, наконец, Василий. — Техника незнакомая, ее изучить надо, пощупать своими руками...

— Я уже в кабину заглядывал. Думаю, смог бы взлететь! Момент бы только выбрать...

— Скоро у них обед, — сказал Василий. — Пошли, а то всыпят. Яму на полосе закопать надо.

Они встали и пошли: Пузиков колоть дрова для кухни, Василий к яме на полосе, а Цыганок к маскировочным сетям, где ему «по благу» — за его артистические упражнения — дали легкую работу: цеплять к веревкам ветки с листьями и подметать территорию стоянок.

Холодная и прозрачная была осень в том году. День выдался солнечный, и даль лесная пылала золотом и медью, а у самого горизонта землю подернула мягкая дымка. Стояла редкая для аэродрома тишина. И в этой тишине отчетливо и ясно звучали голоса немцев, шагающих к столовой, откуда доносился стук посуды.

И вдруг рев авиационного двигателя рванул тишину, заглушил голоса и, натужно вытянув высокую ноту, медленно, будто нехотя, ушел в бледное солнечное небо.

Запрокинув головы, все, кто был в этот час на аэродроме, следили за самолетом. Летчики, остолбеневшие на мгновение, бросились к своим машинам. Через несколько минут один за другим взлетели три «мессера».

...Игнат, не выпуская из рук топора, глядел в небо, и губы его неслышно шептали: «Дай тебе бог удачи...»

...Василия схватили у той самой ямы, которую он так и не успел засыпать.

— Ты знал, что он летчик? — набросились на него гитлеровцы. — Почему не сказал?

Они били его у этой же ямы, а он стонал, сжав зубы, и последнее, что ему подумалось перед тем, как потерять сознание, было: «А все же улетел Цыганок!»

Тогда же схватили и Игната Стефановича Пузикова. Он вспоминает: «Избили меня страшно, все допрашивали. Но я говорил им, что ничего не знаю».

Отправили нас с Василием в штрафную команду на железную дорогу. Василия там казнили, семь штыковых ран ему нанесли. Фамилию его я не помню, мне уже 66 лет, подробности забыл, вспоминать тяжело».

Да, и тяжело, и больно. Но письмо, которое Игнат Стефанович писал ночью, — когда тишина и никого рядом, — это не просто письмо. Это тот же долг, дань прошлому, такому возвышенному и трагичному.

И там, где-то далеко за этими строчками, в той дымке чистой и опустошенной осени со-

рок первого года — уходящий к солнцу самолет. Вражеский самолет, поднятый волею советского летчика.

И вот, наконец, мы встретились с Ливенцевым:

— Знаю я об этом случае. Когда было — точно не помню, но что осенью сорок первого — это верно. Фамилия Цыганков мне не знакома. Да и... Войдите мысленно в обстановку тех дней. Ведь ни имени, ни фамилии своей люди нередко не называли. Сами понимаете — конспирация. Так что фамилию Цыганков надо принять как возможный вариант. Поскольку он так выплывал перед немцами, молва людская могла окрестить его как угодно.

Знаете, что я вам посоветую? В четвертой клинической больнице у нас в Минске находится на излечении Ефросинья Карповна Чернецкая, бывшая связная нашего подполья. Постарайтесь с нею познакомиться. Она жила в доме одна со свекровью, и этот дом был удобным местом для явки. Через дом Чернецкой прошло много подпольщиков. Она и мне, и другим товарищам рассказывала, что бывал у них в доме один хлопек, который работал на аэродроме, и что парень этот якобы делился с ней мыслью об угоне фашистского самолета. Вполне вероятно, угнал все-таки.

— Еще может помочь Владимир Кириллович Яковенко, председатель «Белкоопсоюза». В Бобруйске он руководил одной из подпольных групп. Свяжитесь с Виктором Сикорским...

Круг людей, с которыми предстояло встретиться, расширялся. С одними — как это было с В. К. Яковенко — пришлось ограничиться короткими телефонными разговорами.

— Да, знаю о таком случае. Слышал. Но в это время я находился в отряде и ничего нового сообщить не могу.

С другими состоялись целые пресс-конференции. Вспоминали многие боевые эпизоды, но о самолете... Да, слышали, было такое, но...

К этому «но» приходилось привыкать.

В один из дней нас проводили в ординаторскую 4-й клинической больницы. Через несколько минут туда вошла невысокая худая женщина в больничном халате. Двигалась она осторожно, медленно села на стул. Познакомились. Ефросинья Карповна Чернецкая. Неужели сейчас, через несколько минут, мы услышим слова, подтверждающие письмо И. С. Пузикова, и можно будет посылать в архив Министерства обороны запрос о летчике Павле Цыганкове?

Она рассказывала обстоятельно, иногда замолкала надолго, вспоминая детали, отвечая на вопросы. Как-то незаметно в ординаторской собрались врачи... Вот он, этот рассказ, как мы его услышали.

«Березина от дома — рукой подать. Тот же дом, та же речка — ну все то же, только внешне. А на улицах солдаты в сапогах раструбом.

По ночам город становился страшным: гулко били в темноте выстрелы, собаки поднимали оголтелый лай, иногда слышался быстрый топот бегущего человека, и через минуту-другую — грохот солдатских сапог.

Бывшая лаборантка хлебокомбината, двадцатилетняя Фруза Чернецкая знакомой тропинкой

спускалась к реке. Вода плескалась у ног. Медленно, выпрямив уставшую после стирки спину, огляделась — слева за огородами купались немцы. Справа вдоль берега шел среднего роста человек. Фруза тоже решила искупаться и ждала, когда пройдет этот случайный прохожий. Купаться она любила.

Прохожий подошел, неожиданно присел на траву. Она хотела было с присущей ей прямотой предложить ему убраться и посидеть где-нибудь подальше, но что-то удержало ее.

— Купайтесь, я вам не помешаю, посижу просто немного, — сказал он. — Посижу и уйду.

И Фруза неожиданно для себя сказала:

— Нет-нет, вы не мешаете. Я пойду.

Парень встал.

— Знаете что, посидите немного здесь, а? Просто так, хоть молча. У меня никого здесь нет. Каждый свой родным сейчас кажется...

Так они и познакомились. Долго еще сидели, говорили, потом все же искупались. Худ этот человек был невероятно. И со свойственной женщине жалостью Фруза подумала: надо бы его покормить. Пригласила зайти в дом.

Потом он стал захаживать сюда чаще, помогал по хозяйству. Иногда ходили на Березину. Прошел месяц, он немного поправился, набрался сил. И как-то рассказал ей о том, что он летчик, в Бобруйск попал из окружения, лесами, долго пробирался к своим, потому так оголодал. Говорил он все намеками, часто недоговаривал. Получалось, что вроде и до войны служил он здесь, в Бобруйске.

— Ну, а дальше что делать будешь? — спросила она как-то у него.

— Дальше?

Он долго молчал. В тот вечер, помнится, так ничего и не ответил. Потом все же поделился с ней мыслью, которая, видимо, не давала ему покоя все эти долгие месяцы.

Да, он мог бы пойти в лес искать партизан. И уже искал. Но пока так ничего и не узнал. А время шло. И тогда он ухватился за эту мысль — аэродром.

— Хочу туда устроиться на работу и на их самолете... к своим!

Фруза была смелой женщиной, она доказала это потом, работая связной между оперативными группами Бобруйского подполья, и в фашистских застенках, когда ее пытали. Но в тот момент парень-окруженец показался ей чуть не сказочным героем.

— Помоги мне, Фруза! Может, у тебя кто знакомый есть на аэродроме? Расскажи обо мне, дескать, предан фюреру до гроба. Только не говори, что я летчик, — тогда все пропало.

Знакомых у Фрузы на аэродроме в то время не было.

Парень все реже стал приходить к Чернецким в дом, и как-то раз, улыбнувшись, сообщил, что уже работает на аэродроме.

Потом он совсем исчез. И вдруг месяца через два прошел по городу слух: кто-то на «мессершмитте» улетел к нашим.

В Музее истории Великой Отечественной войны заведующая партизанским отделом Раиса Андреевна Фатуймас выложила на стол полную копию уже известного нам отчета И. А. Химичева и прочитала в нем такую фразу: «Группа Глинского устраивала диверсии на аэродроме».

На том самом Бобруйском аэродроме! И вот мы в Бобруйске, на форштадте.

Форштадт — по-немецки означает пригород, укрепление. В старых городах какая-нибудь из дальних окраин всегда так называется. Вот здесь, на Бобруйском форштадте, дома, камни, люди были свидетелями подвига неизвестного советского летчика. К сожалению, домовых книг тех лет не сохранилось — сгорели. А камни никогда ничего не скажут. Оставалось одно — расспросить людей.

Федор Симонович, старожил Бобруйска:

— До начала войны у меня в доме жили два летчика. Фамилия одного из них Смольский. Незадолго до войны он женился. Второй летчик — холостяк, русоволосый. Фамилию его не помню.

Сергей Зиновьевич Кремнев, бывший редактор газеты 1-й Бобруйской партизанской бригады Ливенцева:

— О самолете слышал. В нашей партизанской печати мы об этом не писали, потому что газета «Бобруйский партизан» стала выходить с сорок второго года, а в листовках мы сообщали сводки Совинформбюро. Но я охотно включаюсь в поиск. Будем искать.

Искать. Пока что круг наших поисков замкнулся на Ефросинье Чернецкой.

...Возможно, он не долетел до своих, наравшись на стаю «мессершмиттов», а может, дойдя до линии фронта, самолет с вражескими опознавательными знаками был сбит нашими зенитками? Но тогда почему так категорично звучит донесение подпольщиков: «Угнан с аэродрома в советский тыл самолет»? Может, было подтверждение с Большой земли?

К своим! Неужели все это не сон? Гудит мотор... Жаль, рация не работает... На аэродроме сейчас, наверное, переполох. И уж, конечно, бросились догонять. Но минут десять у него в запасе есть... Он потянул ручку на себя, машина послушно полезла вверх. Вот и солнце — прямо по курсу, на востоке. Оно стало его союзником, оно било в глаза преследователям.

Высота нужна, чтобы, бросив машину полого вниз, как с гигантской горки, набрав сумасшедшую скорость, оторваться от них и уже низко, над самой землей, на бреющем полете пройти над не успевающими выстрелить зенитками в прифронтовой полосе, над линией фронта.

А там — свои... Оглянувшись, он увидел далеко позади себя в бледно-голубом небе три сверкающие в лучах холодного уже осеннего солнца точки.

Вот оно, начинается. Ну, держись! Хорошо, что пулеметы заряжены.

А впереди еще были длинноствольные зенитки прифронтовых полос — немецкой и нашей, барражирующие в небе истребители. И, если он доберется, — огонь охраняющих аэродромы орудий... своих орудий...

Их не так уж и много, этих писем, которых мы ждали. Каждое утро высматриваем в пухлой редакционной почте «свои» конверты.

Звонят из Академии наук. Советуют связаться с товарищами из Германской Демократической Республики. Коллеги с Белорусского радио предлагают свою аудиторию. Работники музея называют редкие издания по истории Великой Отечественной войны.

Но мы ждем писем. И когда приходят они — у нас праздник. Вот А. Кашевич из Мозыря рассказывает о группе десантников, высадившейся в Лельчицком районе и трагически погибшей от рук врагов. Евгений Забавский из Червенского района вспоминает: «Мне было тогда очень мало лет, но этот случай запомнился навсегда. Мы прятались от фашистов в Рованичском лесу. Вдруг загудело небо, и над полем закружились в стремительном вихре два самолета. Мы не сразу сообразили, что над нами идет воздушный бой. Потом самолеты снизились. Они кружили так низко, что едва не касались плоскостями верхушек деревьев. Внезапно один самолет взорвался, и обломки его рухнули на лес. Летчика взрывной волной выбросило из кабины, и жители нашли изуродованное тело. Его похоронили рядом с обломками самолета. До сих пор в деревне Красный Бор ходят слухи о том, что это был советский летчик, но пилотировал он немецкую машину». Возможно, предполагается Забавский, над деревней Красный Бор был сбит самолет, угнанный с Бобруйского аэродрома.

А вот письмо из Быхова от Филиппа Степановича Лысенко. Он сообщает, что осенью 1941 года, когда крестьяне работали в поле на уборке картофеля, они вдруг услышали рев мотора. Из-за леса показался небольшой самолет и резко пошел на посадку. Когда самолет плюхнулся на Контусову гору, все увидели, как из кабины вылез летчик и, прихрамывая, пошел в лес. Едва он успел скрыться за деревьями, над Контусовой горой пронеслось еще три самолета. Шли они в направлении Славгорода. Самолет, покинутый летчиком, так и остался на этой горе. Его растаскали по частям местные жители. Делали из алюминия ложки, миски. Все это Филипп Степанович слышал от сестры. «Как только кончится весенняя распутица, обязательно съезжу в родное село и обо всем, что узнаю, дополнительно вам сообщу», — заканчивает он свое письмо.

Письма что судьбы. За каждым из них — люди, живые и мертвые. Но вот что характерно: если рассматривать все эти письма в целом, то легко можно установить, что по нашей белорусской земле до сих пор ходят легенды о советском летчике-богатыре, летавшем на немецком самолете. А легенды, как известно, не могут возникнуть сами по себе — все они основываются на каких-то вполне реальных, конкретных фактах, которые подтверждены десятками ныне здравствующих людей, документами, архивными материалами.

На стол ложится новое письмо. Тон его категоричный, уверенный.

«Вам, наверное, интересно будет узнать, что самолет угнал пленный летчик Михолап, но его догнали немецкие самолеты и расстреляли в воздухе в районе Смоленска. О нем вам могут подробно рассказать его жена и дочь, которые живут в городе Бобруйске по улице Чонгарской, 174. Тимофей».

Кто такой Тимофей? Почему он не называет своей фамилии? Почему не написал на конверте обратного адреса? Но ведь конкретно указан адрес жены летчика.

Гадать и думать обо всем этом не было времени. Командировки в Бобруйск оформлены в тот же день. Ехали и думали с надеждой: может быть, через полчаса все сразу и решится? —

именно столько нужно «ЛИ-2», чтобы забросить нас из Минска в Бобруйск.

Невысокая, худая, не по годам подвижная, она открыла нам дверь, протянула сухую с синими прожилками руку.

Узнала, зачем приехали — заплакала... Нет, она не берется утверждать, что ее муж угнал с бобруйского аэродрома самолет. Но о своем Николае она расскажет.

Она говорила, и перед нами вставал образ человека, чем-то напоминающий сказочного богатыря, которого пули боялись и смерть не берет. Такие люди не уходят из памяти народной.

Летом сорок первого в районе Ярцево он выпрыгнул из горящей машины, почти бессознательно дернул кольцо парашюта. Потом он шел лесами да болотами, обходя стороной города и села, пока не добрался до Бобруйска, где жили мать и жена.

Нина увидела его на пороге, и ноги у нее подкосились.

— Не плачь, — принялся успокаивать ее Николай. — Ну, видишь — живой я. Осторожно, рука! И тихо — дочку разбудишь.

Отшатнулась жена, осторожно разрешила рукав пиджака и ахнула. Никому за это время не показывал Николай обгоревшую в самолете руку: поймут, что летчик. А народ всякий бывает. В ту же ночь Христина Афанасьевна пошла тайком к врачу Степану Луканскому, с которым до войны работала в санатории. То ли помогли лекарские снадобья, то ли могучий организм Михолапа победил страшные ожоги, — рука стала заживать. А летчик, не теряя времени, начал потихоньку искать старых друзей, уходил из дому и пропадал по нескольку суток. Яков Белобородов и Попруга работали на аэродроме, имели доступ к запасным частям самолетов. Однажды ночью, когда в доме уже спали, Николай тихо, но решительно сказал жене:

— Прости меня, Нина, ухожу. Не могу больше здесь оставаться. Вас погублю и сам не уцелею. Ты дочь береги, обо мне не беспокойся. Может, к нашим доберусь. Да, вот что: тут Попруга должен кое-какое железо принести. Пусть полежит. Только спрячь понадежней.

Откуда ей тогда было знать, что за железо и зачем оно в доме понадобилось. Помнила: был разговор у Белобородова с мужем о каком-то подбитом нашем самолете, что упал где-то у деревни Шпилевщина. Ходил Николай туда вместе с Яшей, двое суток пропадали. Помнит, как вернулись они, и Коля совсем повеселел, и однажды, обняв ее за плечи, тихо сказал:

— Из досок собью, а улечу к своим!

В одну из темных холодных ночей в дом Михолапов тихо постучали. Христина глянула в гладкую темень окна, что выходило на огороды, и увидела мужа. Он был весь мокрый.

— Переодеться надо. Я — через Березину...

Кое-как согретьшись в сухой одежде, еще постукивая губами о край горячей кружки, он спросил:

— Был кто из моих?

— Попруга. Принес мешок железа. Пусть, говорит, полежит у вас дня два. Я, мол, потом зайду.

— Хорошо, Ниночка. Хорошо. Только мне уходить скорей надо. Понимаешь, не повезло: видели меня, когда на берег выходил...

...Он был еще дома, когда в дверь стали ломиться солдаты полевой жандармерии.

Когда его, со связанными телефонным кабелем руками, вывели из дому, один из жандармов подошел к детской кровати, где лежала трехлетняя Лариса, взял девочку на руки:

— Похожа на отца, — и швырнул на пол. Христина выбежала на крыльцо и увидела, как Николай резко повернулся всем туловищем на крик ребенка, и проволочный жгут лопнул у него на руках. Но жандармы вновь скрутили ему руки.

На вторые сутки ночью Христине показалось, что кто-то скребется в окно. В то окно, с огорода. Она увидела черное, опухшее лицо мужа. Он прижал палец к разбитым губам.

— Открой окно. Не выходи. Бежал я. Ты меня не видела. Пришел, чтоб знала — жив. Уйду в лес...

— Коленька, что же они с тобой сделали! Руки...

— Это я проволоку рвал. Береги Ларису...

Последним видел летчика Михолапа Иван Илларионович Толкачев, к которому он зашел после встречи с женой той же ночью.

В 1944 году Христина Афанасьевна получила из Бобруйского военкомата извещение: «Ваш муж младший лейтенант Михолап Н. И. был убит в боях за социалистическую Родину». Это извещение датировано 16 сентября 1944 года. Где и как погиб летчик, об этом в извещении ничего не сказано.

Мы уходили по переметенной снегом Чонгарской, а на крыльце дома № 174 стояла невысокая плачущая женщина и смотрела нам вслед.

Письма и судьбы. Дороги поиска. Все это не так просто. И самые короткие дороги бывают трудны и длинны.

Вы помните строчки из письма, которое прислал нам Игнат Стефанович Пузиков?

«Отправили нас с Василием в штрафную команду на железную дорогу. Василия там казнили, семь штыковых ран ему нанесли...»

Неужели это он? Но ведь мы сидим в его доме в поселке Новый свет. Невероятно!

Сидим и слушаем...

Огромная седая голова, запорожские усы — сейчас такие мало кто носит. Руки, привыкшие к тяжести железа... Ими построены стены этого дома. Ими он ворочает многопудовые рельсы...

Ему за шестьдесят. Пойди придумай другую такую судьбу. Она сродни судьбе шолоховского Андрея Соколова. Мы беседуем уже давно. Вот он как-то неловко отвернулся, наклонил голову и запел песню друга своего, побратима.

А в глазах слезы...

— Павел умел петь. У меня порой сердце заходилось от песен его. В ушах они у меня, эти песни.

Он рассказывает, рассказывает.

А мы все еще не можем поверить, что это Василий.

Тот самый Василий.

...Это письмо прислала нам из Бобруйска бывшая подпольщица, а затем связанная партизанского отряда им. Чапаева 37-й бригады Жанна Иосифовна Харькина.

По заданию подполья Харькина была направлена работать на захваченный немцами аэродром, где ей удалось пристроиться на кухне.

«В первые месяцы войны, — вспоминает Ж. И. Харькина в своем письме, — в помещении

музыкальной школы лежали наши раненые летчики. Лежали на соломе, лишенные пищи и медицинского присмотра. Мы носили им еду, делали перевязки. Одному из летчиков я передала удостоверение спортивного общества на имя Цыганкова Павла Афанасьевича, своего товарища по подпольной работе, а позже партизана отряда имени Чапаева. Возможно, этим удостоверением и пользовался неизвестный летчик в плену. Попав работать на аэродром под фамилией Цыганков, он, возможно, и улетел к своим.

День, когда советский летчик угнал немецкий самолет, я хорошо помню. Это было в октябре 1941 года. Стоял солнечный яркий полдень.

...Жанна вернулась из города. Выложила из сумки на стол скудную снедь, добытую на «толчке», и уже стала снимать потрепанное пальто, когда со стороны аэродрома, что был рядом с домом ее, раздался рев моторов и лающие короткие хлопки зенитных выстрелов.

«Наши», — подумала Жанна. Они с отцом выбежали из дома, Жанна успела еще заметить, что у всех хат форштадта стоят люди. Они смотрели в солнечное небо. Они, как и Жанна, ожидали увидеть самолеты со звездами на крыльях. Их не было. А в синь, набирая высоту, разворачиваясь над аэродромом, где стояли — аккуратно, по-немецки, в линейку — «мессершмитты», «юнкерсы», разведывательные «рамы» и наши бомбардировщики, так и не успевшие взлететь в те страшные дни начала войны, — уходил самолет с черно-белыми крестами. Вот он, этот «мессер», прошел над летным полем и рубанул сверху, словно ножом, длинную пулеметную очередь. Несколько самолетов на земле загорелись. Люди стояли у своих хат, оцепенев от неожиданности, позабыв об опасности. Ликование и восторг пришли в их души чуть позже, когда они поняли, что сидел в этом самолете. Били зенитки, расцвечивая небо белыми облачками взрывов.

Один за другим взлетели еще два немецких истребителя.

«Погоня», — подумала Жанна. Самолеты уже исчезли в синеве, а на аэродроме началась паника... Бегали офицеры, из конца в конец летного поля носилась легковая машина, слышались какие-то команды, крики. Группа солдат тушила горящие самолеты. Потом приземлились те самолеты, что были в погоне.

— Потом, уже много лет спустя, когда я прочла в газете об угоне самолета, — рассказывает Жанна Иосифовна, — я и подумала: может быть, героем, угнавшим немецкий самолет, и был тот раненный в ногу пленный летчик, которому я передавала удостоверение на имя П. А. Цыганкова, потому и написала вам.

Мы просим Жанну Иосифовну описать нам внешность того летчика, которому она передала спортивное удостоверение, и сравниваем с портретом, который дали Игнат Стефанович Пузиков и Ефросинья Карповна Чернецкая... Нет, не совпадают приметы. Да и отчество не то. И вряд ли мог тот летчик, о котором рассказала нам Жанна Иосифовна, так скоро оправиться от раны.

Жанна Иосифовна огорчена. Мы — тоже.

Жанна Иосифовна, увидев его, порывисто встала:

— Ты узнаешь меня, Василь?

— Как не узнать!

— Василь, Василь, как же так... Столько лет

прошло... Мы в одном городе живем. Здесь же встречали партизан и подпольщиков были.. Собирались все... А ты не объявился... Не приходил...

— А что тут такого... Работаю я на чугунке. Рельсы да стрелки. Пути ремонтируем. Домой поездом езжу. Все некогда. День за днем. Суета.

Вот так неожиданно встретились через 28 лет связанная подполья Жанна Харькина и Василий Кучерук, один из тех, на кого опирались подпольщики в рискованной своей работе.

— Василь, а ты помнишь, как в сорок первом наш парень на немецком самолете улетел за линию фронта?

— Ну, как не помнить? Как секанул он из пулеметов по аэродрому! Как запылало вокруг! Потом спросил я у немецкого летчика, который вернулся из погони: «Пан, капут?» — Немец разозлился и как закричал: «Найн капут! Найн капут! Фарфлюхтер русише швайн!» Как понимает? Верно, ушел он к нашим, ушел, родимый. Два месяца мы жили, как братья. Он, еще один парень с Витебщины и я.

— А ты не помнишь, Василь, как звали того парня с Витебщины?

— Как же его звали? Постойте, постойте. Ну да... Игнатом он назывался. А фамилия его чудная такая... Пузиков!

Мы вскочили и уставились на него. И сразу же вспомнилось то первое письмо, первый отклик на наши поиски, письмо, автором которого был Игнат Стефанович Пузиков. «Отправили нас с Василием в штрафную команду на железную дорогу. Василия там казнили, семь штыковых ран ему нанесли...» И мы рассказали Василию Никитичу об этом письме.

— Да, Игнат прав. Меня действительно казнили. Сразу после того, как летчик улетел, нас всех, военнопленных, согнали в клуб. Какой-то oberst долго ругался, говорил про новый порядок и про то, что непокорных будут расстреливать. Потом нас по одному выпускали из клуба, а у выхода стояли солдаты с плетками и каждого избивали. На другой день всех построили и приказали: «Офицеры, шаг вперед!»

Никто не вышел. «Младшие командиры, сержанты! Шаг вперед».

Из колонны вышло несколько человек. Приказали им влезть в большие грузовики и увезли. Потом увезли нас. Думали — расстреляют. Оказались мы на каком-то железнодорожном разъезде. Заставляли работать от темна до темна. Избивали страшно. Посмотрите, — Василий Никитич отогнул рукав, — на моей коже места живого нет. Все в шрамах. Однажды меня избивали так, что я потерял сознание. Кололи штыками. Очнулся в какой-то крепости. Все военнопленные лежали вповалку. Когда поднялся на ноги, какой-то солдат из охраны подошел ко мне и сказал:

— Сегодня вечером всем будет капут.

Я стоял у выгребной ямы, и когда раздались первые выстрелы, упал в смрадную жижу. Не помню, как выбрался. Было темно, все уже кончилось. Снял одежду с убитого товарища, переделался и лег рядом. Притворился мертвым. Утром появились пленные, которые убирали трубы. Я незаметно присоединился к ним. Работал целый день. А к вечеру вновь оказался на аэродроме. Прежних офицеров да солдат там было мало.

— Василий Никитич, может быть, вы помните, как звали летчика, который угнал самолет?

— Павлом Цыганковым. А по отчеству — Иванович. Родом он из Калининской области. Извините, одну минуту. — Он порылся в кожаном сундучке и достал пожелтевший листок. Потом бережно двумя руками протянул его нам. С квадратного листка на нас глядело лицо молодого Василия, изображенное точными карандашными штрихами.

— Этот рисунок сделал Павел Цыганков, как раз в тот самый день, в октябре сорок первого года...

Их было трое. Трое из сотен, может быть, из тысяч военнопленных, которых фашисты заставили работать на себя. Но эти трое были как бы связаны одной цепью («На одной веревке спали»). В любое мгновение эта веревка могла задушить их. Они тянулись друг к другу, и друг без друга им было трудно. Они пилили дрова, мостили взлетную полосу, носили воду, таскали камни.

Пыхтел и тархтел старенький локомотивчик — «чудо техники» прошлого века, невесть откуда появившийся здесь. Рядом пленные устлали взлетную полосу чурками. Старательно, без зазоров подгонял Цыганков чурки одна к другой.

Сидели они в короткий перерыв на бревнышке, покуривая немецкие сигареты, заработанные цыганковскими песнями.

Вынув из кармана сухарь, тоже «подарок» немецких летчиков, Павел разломил его, протянув половину Василию. Сколько сигарет, сухарей, мисок скудной «пленной» похлебки делил он вот так на двоих, на троих.

— Вася, — Цыганков глянул на стоящие вдаль самолеты. — Вася, я ухажу...

Василий вскинул голову. Уходит! Друг, брат, которому поверял мечты о детях — своих сынах. Только сегодня Павел брил его осколком стекла. И вот...

— Куда, Паша?

Вместо ответа Павел достал из кармана кусочек бумаги, расправил его на фанерке и, быстро работая карандашом, в несколько минут сделал рисунок. С гладкого листа бумаги смотрел на Василия — Василий.

— Это для сыновей твоих от меня на память, — сказал Павел. — Ну, будь... если не свидимся.

Кучерук тогда же сделал внизу рисунка надпись — два слова: «Василь. Память». Он в тот же день хотел передать этот портрет на волю, чтобы дошел до семьи.

Теплый солнечный осенний день. Сколько таких дней прошло! Война, неволя, боль, поиски выхода... Но сегодня для Василия день был особый. Он смотрел вслед Павлу — тот шел легко, упруго, невысокая фигура его четко была видна на фоне желтеющей травы и голубого неба...

Спрятал Кучерук свой портрет и сам пошел на полосу.

А это уж после обеда было: видел Василий, как отошел в сторону стоянки Павел. Уверенно, словно приказали ему, направился к третьему от края самолету. Немцев не было, а если бы и были — приучил уже их Павел к себе: всюду ему позволяли бывать («Коменданте» — звали они его шутливо, со снисхождением). Прошли мгновения, которые стоили Василию огромного напряжения, и вот «мессер», тот, третий от края, взревев моторами, стал медленно выкатываться

на полосу. «Быстрее, Паша! Быстрее!» А самолет уже катился, набирал скорость по деревянному настилу. Все стремительней, уверенней становился его бег. Наконец, между колесами и взлетной полосой появился просвет — и рев мотора сразу стал глуше, надсаднее: Цыганков резко набирал высоту, делая разворот. Уже на большой скорости он прошел над стоянкой, и — посыпалась сверху дробь двух пулеметов... Хоть часть долга! «Паша! Паша! Да-а-авай!» — шептали губы Кучерука.

— ...В погоню за ним поднялись два «мессера», — рассказывает Василий Никитович. — Только, вроде, не догнали.

...Мы сидим пораженные и взволнованные. И лишь спустя некоторое время задаем вопрос Кучеруку:

— Когда же Цыганков успел освоить управление «мессершмиттом»?

— О, этот человек все мог, — с гордостью говорит Василий Никитович. — Ищите его — он не мог погибнуть. Такие не даются смерти.

Мы глядим на портрет, нарисованный Цыганковым. Василий... Молодой, чуть задумчивый — какой был он в те минуты — смотрит на нас. Рисунок, сделанный рукой Цыганкова. Рукой, которая несколько часов спустя взялась за штурвал «мессера», которая давила на гашетки пулеметов, обрушив огонь на аэродром, которая уверенно направила самолет к солнцу — на восток, к своим!

Двадцать восемь лет хранит этот драгоценный портрет Кучерук:

— Для сыновей...

Утро встретило нас на дороге к селу Захарово. Мелькнула колхозная рига. Дивчина у переезда объяснила нам, как лучше и быстрее найти хату Игната Стефановича Пузикова. А у нас в папке портрет Василия Кучерука, рисованный рукой Павла Цыганкова. Узнает ли Пузиков Василия по этому портрету? Как много от этого зависит! Еще раз замкнется круг, но уже не будет тайны.

Да, он узнал Василия Кучерука. И сразу нахлынули воспоминания тех далеких лет, встали чередой трудные страшные дни, люди, которых давно уже нет...

...Стоял сентябрь сорок первого года. Горький был тот месяц. Горечь отступления, утихающая канонада, откатывающаяся на восток, и зарево, встающее по ночам над горящим Гомелем. Окружение. Плен. Их согнали в большую колонну и погнали на север. Никто не знал, куда их гонят и зачем.

В конце сентября они оказались в Бобруйске. Тут же «цивильным» приказали стать отдельно.

Сосед, шагавший с ним рядом, сказал:

— Давай перейдем к гражданским.

Там, под Гомелем, они видели, как вывели из строя командиров, комиссаров с нашитыми на рукавах звездами и всех, кто не был пострижен под машинку, и тут же расстреляли.

Игнат колебался, потом сказал:

— На мне клейменое белье, обмотки. Все равно узнают, что солдат.

— Ну, смотри, решай сам. Я пойду к гражданским.

Игнат остался в колонне исхудавших, изголодавшихся людей в защитных гимнастерках. Они ждали своей судьбы.

Гражданских отвели в сторону. А их загнали в бараки, что стояли неподалеку от Березины, на территории, обнесенной колючей проволокой.

Небольшую группу военнопленных, чем-то провинившихся, по указанию конвоиров отвели на специальный участок штрафников. Все боялись этого участка. Знали: отсюда выход один — смерть.

Потекли томительные дни неволи. Уже в бараке он стал присматриваться к товарищам по беде. Выделялись двое — один богатырского сложения мужчина со щеточкой усов, а второй — подвижный кудрявый парень, умудрявшийся шутить даже в этой не очень подходившей для шуток обстановке. И так получилось, что их троих отправили на военный аэродром. Игнат, Василий и Павел работали на кухне, мостили взлетную полосу.

Первое время они держались осторожно, опасаясь друг друга.

Особенно не понравился Пузикову этот молодой, кудрявый, который всячески старался угождать немцам. Они даже звали его по имени, на свой лад переименовав русское имя:

— О, Пауль, гут! Зинг, Пауль!

И «Пауль» пел, плясал, рисовал их физиономии. Они были очень довольны.

Технари, обслуживавшие самолеты, стали брать его с собой, доверяли протирать плоскости машин, которые возвращались с задания. Зачем самим делать грязную работу, когда под рукой этот веселый русский?

Не знали ни технари, ни охранники, ни сам начальник шталага № 3 господин Рейнгард Георг Молл, ни его заместитель Карл Лангут, о чем думает этот парень, протирая плоскости «мессершмиттов».

Не знали об этом ни Василий, ни Игнат. Только однажды, когда Цыганков бросил незначай Пузикову, кивнув на самолеты: «Ничего сложного в них нет. Управление, как у наших», — стал догадываться Игнат о том, что задумал веселый «Пауль». Однажды, когда они вдвоем рубили чурки для взлетной полосы, Игнат незначай завел об этом разговор.

И Павел намеками дал понять, что он — военный летчик, что собирается улететь отсюда на одном из «мессеров», что им надо стараться выходить на работу всем вместе. Может, что и выйдет.

Не всегда им удавалось держаться вместе. Они-то держались, но это зависело не от них. И как-то Василь Кучерук шепнул Цыганкову:

— Если вытанцовывается что-нибудь, о нас не думай. Лети сам.

...В один из дней Василий закапывал яму на полосе, а Игнат рубил дрова. Что было дальше, вы знаете — в небо ушел самолет с черно-белыми крестами.

Игната Пузикова отправили в концлагерь под Белосток. Он совершил побег и оказался в другом лагере.

На наш запрос пришел из архива Министерства обороны СССР пакет с копией наградного

листа, в котором черным по белому было напечатано:

«Цыганков Павел Иванович... гвардии лейтенант... летчик 153-го гвардейского истребительного авиационного Сандомирского ордена Богдана Хмельницкого, ордена Александра Невского полка... год рождения 1920... русский... кандидат в члены ВКП(б) с 1942 года...»

Представляете, как забились наши сердца, когда мы пробежали глазами эти строки! Неужели — конец поиску?!

Увы, этот Павел Иванович Цыганков, как выяснилось позднее, в плену не был и вражеского самолета не угонял. Он сражался с фашистскими самолетами над прифронтовой полосой.

А вот еще пакет с документами, полученный из архива Министерства обороны СССР: копия наградного листа на присвоение звания Героя Советского Союза летчику Дмитрию Олейниченко, его автобиография, боевая характеристика, другие наградные листы. Но почему — Дмитрий Олейниченко? Читаем документы. И вскоре все разъясняется. Оказывается, 12 ноября 1941 года лейтенант Дмитрий Олейниченко буквально из-под носа гитлеровцев увел боевую машину. Правда, не «мессершмитт», а свою собственную, краснозвездную....

...То письмо пришло из Краснодара:

«Дорогие товарищи! Смотрел я передачу по телевизору, где вы рассказывали о летчике, угнавшем самолет у фашистов. И хоть с большим опозданием, но хочу по этому поводу сообщить вам следующее.

В 1966—1967 годах работал я директором столовой шахты № 40 треста «Востокуголь» в поселке Заречная. На этой самой шахте и был избран тогда председателем шахткома товарищ Лошаков. Знал я его и раньше. Однажды, когда мы вспоминали о войне, он рассказал нам случай из своей фронтовой жизни, о том, как угнал с вражеского аэродрома боевой самолет... Адрес, по которому надо искать его, следующий: Воркута, трест «Востокуголь», шахта № 40. Партком.

Прошу вас, ищите его: может быть, люди узнают еще об одном удивительном подвиге. С приветом Амелин О. А.»

Мы написали по указанному адресу и получили ответ: «Счастливы сообщить, что человек, которого вы ищете, действительно живет и работает в Воркуте на шахте № 40. Фамилия его Лошаков Николай Кузьмич...»

**Зам. секретаря парткома шахты № 40
Л. ЯРУНИЧЕВ.**

Военком Воркуты Чибисов выслал нам краткое личное дело Лошакова. В нем черным по белому было написано и скреплено печатью, что Н. Лошаков совершил угон вражеского самолета с аэродрома противника.

...Среди одноклассников Коля Лошаков слыл знаменитым рисовальщиком. Рисовал он друзей,

кубанские степи, а больше всего самолеты. Эти самолеты целыми эскадрильями возникали в его альбомах и тетрадах. Учитель рисования не раз ему говорил:

— У тебя, Лошаков, талант. Поступай в художественное...

Но так уж получилось, что все мальчишки его класса подали заявления в Краснодарскую авиашколу. И почти всех зачислили. Глядя на друзей, стал курсантом и комсорг школы Коля Лошаков.

В тот воскресный день учелты собирались в увольнение, когда черные тарелки репродукторов возвестили о войне. Семнадцатилетним мальчишкой это известие не показалось страшным. Они радовались, что сроки обучения сокращены, им хотелось в бой...

Стояли очереди у военкоматов, гудели поезда с новобранцами, а они учились летать. Тринадцать сержантов ВВС скрипели новенькими офицерскими ремнями, шагая по насквозь промерзшей реке к штабу. Получив назначение, устроились в палатках. По ночам грелись у костров, полыхающих на снегу.

Разговор с командиром был короткий:

— Срочно отправляйтесь на тыловой аэродром. Перегоните сюда самолеты и будете воевать здесь, под Ленинградом.

Пилотами новеньких, прямо с заводского конвейера боевых машин явились они в штаб Военно-Воздушных Сил Ленинградского фронта.

...Полыхал огненный май 1942 года. В авиационный полк прибыло пополнение. Безусые сержанты с завистью глядели на летчиков, уходивших в боевые вылеты. Смотрели и волновались, как перед экзаменом. Настал, наконец, их день, и это действительно был экзамен, с той только разницей, что там, в училище, грозила плохая отметка, а здесь — смерть. Николай летел в группе истребителей, готовый и к встрече с вражескими самолетами, и к стене огня зенитной артиллерии, и к тарану, если вдруг кончится боезапас.

Все оказалось гораздо прозаичнее. Это была работа, задание, которое нужно было выполнить — сбить аэростаты заграждения. Они сбивали эти чертовы аэростаты, и, уже возвращаясь домой, на свой аэродром, Николай почувствовал, как с плеч свалился груз безотчетного страха...

Потом были еще вылеты, и каждый раз, вылетая на задание, он думал только об одном: как лучше его выполнить и сохранить самолет.

В тот день на Ленинград двинулась целая армада вражеских бомбардировщиков. Против семидесяти фашистских самолетов оказались двадцать два советских ястребка. Ни один самолет с крестами в тот день к городу не прорвался. Девятнадцать стервятников было сбито.

В тот день он впервые ощутил окрыляющую радость победы, хотя самому сбить вражескую машину ему так и не удалось. С завистью смотрел девятнадцатилетний летчик на своего ведущего — Николая Устинова. Лейтенант получил в том бою несколько ранений, но не покинул ястребка. На изрешеченной машине не вышел из боя, дотянул до своего аэродрома.

Боевые вылеты. Их отчет кончился с того дня.

Сержанту Лошакову присвоили офицерское звание. Вместе с гвардейским знаком он получил свой первый боевой орден.

Вылетали ночью и днем, иногда по несколько раз за сутки. Спали у капониров. Истребители прикрывали Ленинград с воздуха, сопровождали

транспортные самолеты, штурмовали, вели воздушную разведку.

...Лошаков бежал к своему «Яку», торопливо застегивая шлемофон. Навстречу — техник:

— Лейтенант, самолет к вылету не готов. Пять пробоин, повреждены оба бака.

— Сколько тебе нужно?

— Минут сорок.

А вылетать надо было немедленно. Всего шестнадцать летчиков оставалось в полку.

Он побежал к заместителю командира полка:

— Товарищ капитан, моя машина к вылету не готова. Можно на вашей?

— Так она же утром не взлетела — отказал двигатель.

— Машину уже проверили. Все в порядке! — доложил подбежавший техник.

Минут через пять Лошаков уже догнал своих ребят, которые сопровождали штурмовиков, шедших на бомбежку немецкого аэродрома. Штурмовики сделали три захода на цель и легли на обратный курс. Только они ушли, как появились фашистские самолеты. Они рассчитывали на то, что у наших летчиков на исходе горючее и боезапас. Тогда ничего не стоит зажать их в клещи и хладнокровно расстрелять.

Николай увидел гитлеровские машины, встреча с которыми ничего приятного не сулила, и уже приготовился было отвернуть в облака, чтобы уклониться от боя, но в наушниках раздалась команда ведущего:

— «Месяц-46», атакуем!

И закрутилась в небе карусель: пятерка «Яков» против двенадцати истребителей врага. Два истребителя с крестами загорелись сразу же, подбитые Калмыковым и Барановым. Но что это? И Калмыков, и Баранов выходят из боя. И вот уже за третьей нашей машиной тянется черный шлейф. Внезапно Лошаков ощутил два сильных удара по корпусу своего самолета. Двигатель «закашлялся» и тут же заглох.

Николай не сразу понял, что сам ранен в руку и ногу.

Машина пылала как факел и, кувыркаясь, неслась к земле. Николай отстегнул ремни, и его вышвырнуло из горящего самолета.

Это был последний, 122-й боевой вылет летчика 14-го гвардейского истребительного полка девятнадцатилетнего лейтенанта Николая Лошакова. В тот день начальник штаба взял его по службной список, провел жирную черную черту, словно подводящую итог боевой работы молодого коммуниста, и написал:

«Гвардии лейтенант Лошаков Николай Кузьмич, уроженец села Малинино Тимошевского района Краснодарского края, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, 27 мая 1943 года погиб в воздушном бою за социалистическую Родину в районе станции Мга. Сгорел в самолете...»

Такое же извещение получили родители Николая. Только там еще была приписка, что посмертно их сын награжден боевым орденом...

Семнадцать дней провел Николай в особой камере, куда никто не заходил. Здесь не допрашивали, не мучили. Здесь убивали медленно и с особым шиком. Потолок, пол, стены, голые нары — все кишело клопами. Они набрасывались на жертву, заползали под бинты и разъедали раны — медленно высасывали кровь. Как он выжил в этом аду без пищи, без одежды, как ос-

тался человеком — трудно сказать. Семнадцать дней. Тогда о смерти он думал как об избавлении от мук. Обессиленного его, наконец, перевели в лагерь у города Острова. Военнопленный № 3264 попал на строительство дороги.

Много ли поработаешь одной рукой? Вторая была забинтована, и даже если бы рана зажила, он ни за что бы никому не позволил коснуться бинтов, в которые была замотана его кандидатская карточка — партийный документ. Дорога, которую они строили, вела к аэродрому. Аэродром был огромный — здесь базировались и военно-транспортные самолеты, и бомбардировщики, и истребители, и самолеты-разведчики.

Днем повсюду ходили патрули, ночью — усиленные, с овчарками и тяжелым оружием.

С просеки было хорошо видно, как взлетают и садятся боевые машины с белыми крестами на плоскостях. Николай жадно следил из-за кустов, как менялась охрана у капониров.

Однажды, воспользовавшись тем, что охранники отошли далеко, он сел на бровке у кювета и не заметил, как сзади кто-то подошел:

— Что, браток, хороши машины?

Он поднял голову и встретил пристальный взгляд широкоплечего высокого парня.

— Хотелось бы на такой машине домой?

— Кому бы не хотелось?

Парень еще раз внимательно взглянул на него и пошел к ангарам. Николай спросил у ребят, что это за человек. Те сказали, что парень — из аэродромной obsługi, по всей видимости, предатель, которому гитлеровцы доверяют, даже пропуск выдают. Работает заправщиком самолетов. Лошаков замкнулся в себе и ни с кем больше не разговаривал. Он понял одно: за ним теперь наблюдают.

Поскольку пленные работали в зоне проволочного ограждения, охраны около них практически не было. Через каждый час появлялся патруль, пересчитывал их и уходил. Фашисты считали, что пленные далеко не убегут, тем более, что за каждым можно послать огромную овчарку. Да и куда тут убежишь, если через каждые восемьдесят метров стояли вышки, с которых за пленными внимательно следили зрочки пулеметов. Впрочем, часовые охраняли не столько пленных, сколько сам аэродром.

Шестого августа пленных не вывели на работу. В этот день был объявлен траур: погибло несколько летчиков-асов.

Николай сидел на бревне и грелся на солнышке. Вдруг смотрит: идет к нему тот парень из аэродромной obsługi.

— Ну, как дела?

— Ничего. Греюсь вот.

И вдруг парень — словно обухом по голове:

— Скажи честно, друг, ты — летчик?

— А что, у меня на лбу написано?

— Вроде написано.

— Иди, доложи фашистам.

— Брось. Я вот думаю — как захватить самолет. Сам летать не умею, а возможность такая имеется...

Иван Денисюк — так звали парня — рассказал ему, что он — сержант бронетанковых войск, что давно задумал этот побег, ищет себе товарища, но пленных летчиков гитлеровцы близко к аэродрому не подпускают...

Не сразу поверил ему Лошаков. Но выбора у него не было.

И они стали готовиться к побегу.

Стоял яркий солнечный день августа 1943 года. С утра были полеты. Денисюк и Лошаков хорошо знали распорядок дня гитлеровских летчиков. После обеда, с 14 до 16 часов, они позволяли себе такую роскошь, как мертвый час. Вот на это время и возлагались все надежды.

Конвойный разрешил Николаю отлучиться. Николай пробрался в кусты, где его уже ждал Денисюк и еще двое военнопленных, что были включены в группу побега. Заняли свои места в кустах и стали внимательно следить за патрулями. Когда патрули разминулись, Иван подал сигнал. Лошаков бросился к ангару, подбежал к «Хейншелю» — бронированной машине, поблескивающей клепкой фюзеляжа. Это был самолет-корректировщик, подготовленный к вылету. По стремянке Николай забрался в кабину. Несколько минут ему потребовалось, чтобы рассмотреть приборную доску. Вдруг, интуитивно почувствовав на себе чей-то взгляд, Николай поднял голову и увидел маленького карликового пинчера — собачонку инженера аэродрома.

«Если собака здесь, значит, и хозяин рядом», — мелькнула мысль. Холодный пот выступил на спине. Значит, Иван — провокатор? Значит, он устроил ловушку? Николай отчетливо представил, как фашисты сгоняют пленных к виселице, и даже ощутил прикосновение веревки... Привел его в себя голос Денисюка, который сообщил, что инженер подходит к первому ангару.

— Ребята пошли навстречу инженеру, чтобы отвлечь его.

Лошаков выскочил из ангара, нырнул в кусты и стал наблюдать. К счастью, патрули ничего не заметили. Он видел, как в ангар вошел инженер, а потом вышел оттуда вместе с Денисюком, закурил сигарету, что-то резко сказал Ивану и направился к казармам летного состава. Денисюк подошел к Николаю:

— Ну что ж, давай еще раз попытаемся...

— Нет, Иван, хватит! Время истекает. Сейчас патруль будет пересчитывать пленных. Я пока сюда прохромал, сколько времени прошло. Назад надо топтать. Подождем лучшего дня.

Лошаков едва успел подойти к месту, где работали заключенные, как появился патруль.

На следующий день Иван Денисюк опять оказался рядом с Николаем:

— Сегодня будут тренироваться летчики, прибывшие из госпиталей.

— Слушай, Иван, а что если подойти к одному из них: уступи, мол, мне свое место, я потренируюсь?

— Брось штучки!

— На каких машинах они будут летать?

— На «шторхах». Машины четырехместные. Пять самолетов приказано заправить. Они будут летать с 16 до 19 часов. С семи вечера летчики уходят на ужин, а потом снова полеты.

В восемь вечера пленных уводили в зону. Обстоятельства складывались удачно. Самолеты уже заправлены и даже двигатели прогреты.

— Ты проследи, Ваня, чтоб самолет был заправлен полностью, по самую горловину.

— Добро!

В семь вечера, после того, как пленных проверил патруль, Лошаков снова попросился «до ветру». Старший глянул подозрительно, но отпустил.

В кустарнике Николая, как и накануне, встре-

тил Денисюк. Он принес с собой немецкую форму: пилотку и куртку с погонями обер-фельдфебеля.

— В прачечной раздобыл.

Самолеты садились, подруливали на заправку. Иван заправлял их основательно.

Пока Иван возился со шлангами, летчик из кабины не вылезал. Но вот баки наполнены, летчик снова запускает двигатель и подруливает к столовой. Как на такси. А Иван уже заправляет баки следующей машины...

Лошаков внимательно следил за всем, что происходит на аэродроме. В нужный момент он быстро натянул обер-фельдфебельскую куртку, надвинул на лоб пилотку и, стараясь не хромать, уверенно направился к самолету. Взобрался в кабину, быстро осмотрел приборную доску. Нащупал кнопку зажигания. Включил стартер. Замигала зеленая лампочка. Двигатель взревел, и сразу отлегло от сердца. Денисюк подскочил к машине.

— Быстро колодки из-под шасси! — скомандовал ему Лошаков. — В кабину! Ложись на пол.

Как на грех в это время навстречу зарулил самолет. Но отступать уже некуда. Лошаков дал газ, и машина покатила по дорожке. Разминувшись со встречным самолетом, он вырулил на стартовую полосу и остановился. Поднял руку, испрашивая у руководителя полетов разрешения на старт.

Стартер взмахнул клетчатым флажком...

«Шторх-1» долго не мог оторваться от земли, пока Николай не догадался, что руль глубины — с правой стороны. Но вот они уже в воздухе. Навстречу наплывает маленькая деревушка. Решил идти на бреющем полете, чтобы сбить преследователей с толку. И «Шторх» летел, едва касаясь брюхом верхушек деревьев. По вспышкам с земли — а уже стемнело — Николай понял, что бьют зенитные пулеметы. Развернулся снова и лег на курс, к станции Дно.

Больше всего он боялся, что могут сбить свои. Но свои почему-то не стреляли. Николай был уверен, что перелетел линию фронта, и не понимал, почему они не открывают огня. Он не знал, что после его взлета фашистское командование открытым текстом передало приказ уничтожить самолет типа «Шторх-1», так как он захвачен русскими военнопленными. Наши перехватили этот приказ и дали команду не стрелять.

Среди черной громады леса Николай едва различил небольшой пятачок. «Шторх» ткнулся в него и, пробежав десяток метров, замер.

Николай и Иван вылезли из кабины. Долго стояли, оглушенные тишиной.

Вдруг они услышали множество голосов. Прямо на них катилась толпа местных жителей. Кто в чем — как спали люди, так и выскочили из домов, услышав рев мотора.

А вскоре прибыл вездеход с группой офицеров. Лошаков пошел им навстречу, отдал по-военному честь. Потом стал разматывать бинт на левой руке...

Ну, а что же Павел Цыганков?

Пока мы не можем ничего рассказать о том, как сложилась его судьба. Военные историки по нашей просьбе ищут новые документы. Над документами фашистских архивов, оставшихся в Бобруйске, работает один из сотрудников Комитета государственной безопасности.

Некоторое время назад мы встретились в Берлине с известным немецким журналистом Вернером Бекманом и рассказали ему о случае угона самолета с бобруйского аэродрома.

— О Девятаеве знаю, а вот о Цыганкове — не слышал, — сказал нам Вернер. — Попробую через товарищев поискать в архивах, подключу к этому наших следопытов.

Кстати, по примеру советских комсомольцев Союз свободной немецкой молодежи также ведет поиск героев борьбы с фашизмом, организует походы по местам боев Советской Армии с гитлеровцами.

В доме Николая Кузьмича мы видели макет самолета «Шторх-1», на котором он улетел из плена. Оказалось, что макет совсем недавно подарили ему во время его визита в ГДР, куда он приехал по приглашению министра национальной обороны ГДР. Коллеги Вернера Бекмана нашли в архивах военных лет и объяснительную записку хозяина «Шторха-1», коменданта островского аэродрома барона фон Блюкгауза...

Из боевой жизни нашего главного героя летчика Павла Цыганкова нам известны лишь несколько минут. Минут, которые вместили в себя столько мужества и героизма, что кажутся просто фантастическими. И мы верим, что в один из дней придет к нам в редакцию средних лет человек. По армейской привычке приложит к фуражке руку и скажет:

— Здравствуйте. Я — Павел Цыганков. Тот самый...

И мы услышим от него волнующую повесть о войне, о жизни.

Следопытские дела

В декабре 1941 года гитлеровцы угнали из города Ельца на запад колонну советских пленных. Проследить их судьбу решили следопыты клуба «Неунываки» города Липецка. Они шли от села к селу, от деревни к деревне, искали людей, что-либо знавших о пленных.

На станции Красная Заря Орловской области поход неожиданно завершился. Местные жители видели, как февральской ночью сорок второго года сюда пригнали пленных и расстреляли в развалинах церкви. Сто восемьдесят человек. Всех погибших местные жители похоронили тут же около церкви в братской могиле.

Один из жителей станции вручил следопытам сверток с бумагами. Он рассказал, что сверток успел передать ему один из пленных, шепнув: «Буду жив — вернусь»... Так к ребятам попали документы комсомольца Дмитрия Омельченко из Глушковского района Курской области.

Потом удалось узнать, что жители села Малиново Орловской области помогли бежать из этой колонны трем пленным. Розыски привели к Григорию Степановичу Мельникову, живущему нынче на Кубани.

Следопыты клуба «Неунываки» продолжают восстанавливать имена расстрелянных пленных.

* * *

Комсомольцы Всесоюзного Московского заочного института текстильной и легкой промышленности прочитали в газете заметку о партизанке Елене Григорьевне Шерелец. Вместе с нею сражались с фашистами и двое ее взрослых детей. Они погибли за Родину.

Встречи и беседы следопытов с Еленой Григорьевной стали началом сбора материалов об истории отряда и его боевых действиях.

Благодаря поиску следопытов стали известны подвиги многих партизан, и двадцать семь человек Указом Президиума Верховного Совета СССР были награждены медалями «За отвагу».

Вскоре студенты занялись еще одним поиском.

По заданию ЦК Болгарской коммунистической партии и советского командования в Болгарию во время Великой Отечественной войны было заброшено девять десантных групп. Они вели борьбу с фашистами в самом логове врага.

Следопыты решили восстановить судьбу отважных десантников. Они связались с участниками событий, в том числе с болгарским генералом в отставке Кириллом Видинским, с Институтом истории Болгарской коммунистической партии, работали в архивах. Большую помощь оказали им работники Военно-морского архива СССР и ветераны Черноморского флота.

На основании данных, собранных комсомольцами института, Президиум Верховного Совета СССР наградил пять бывших десантников орденом «Красная Звезда».

* * *

В обвалившемся окопе за селом Коробки, недалеко от Каховки, школьники обнаружили останки советского воина и капсулу с запиской. Ее написал своей жене Яков Иванович Лысак, боец 51-й Перекопской дивизии. Ребята узнали, что в каховской степи осенью сорок первого года 51-я дивизия вела тяжелые бои с наступавшими фашистами, преграждая им дорогу в Крым.

Сельские следопыты обследовали все вновь посаженные лесные полосы неподалеку от Коробки и нашли еще несколько старых окопов с останками советских воинов. С помощью взрослых ребята захоронили их в братской могиле в центре села и воздвигли обелиск. Следопыты ведут поиски, чтобы установить имена погибших.

Л. ГУРВИЧ

Владилен МАШКОВЦЕВ

Серебряные провода

Над перелеском небо сине,
дожди грибные пролились,
гнездо воронье на осине
сидит взлохмаченно, как рысь.

На теплой глине
пляшут блики
узором волчьего следа.
И между сосен паутинки
висят,
как будто провода.

Через пространство,
через росы,
через веселый птичий гам
струится тихий шепот сосен
по серебристым проводам.

Но пробегает мимо ежик,
бездумно ягоды горят...
И слышу я один, быть может,
о чем деревья говорят.

Огни

над мартенами

Снег и звезды в законе,
ты, любимая, взгляни:
там гарцуют, будто кони,
над мартенами огни.

Там, как солнце раззолочен,
разливается металл,
там когда-то я рабочим
путь нелегкий начинал.

Не искал я теплый угол,
без работы жить не мог,
пулеметной дробью стучал
мой отбойный молоток.

Испытанья жизни жестки,
человек легко раним...
Но завод магнитогорский
был наставником моим!

Хлеб и соль,
большие судьбы
породнили нас навек,
и по стажу,
и по сути
я — рабочий человек!

Будут ливни, будут ветры,
может — будет вражий вой.
Мне не страшен
скрытый недруг
и открытый недруг мой.

Я храню пока молчанье,
но — притроньтесь к кумачу...
Я на огненной тачанке
по России пролечу!

За последним перекатом
яро вскинется рука,
брошу сердце я гранатой
в злое логово врага.

Снег и звезды в законе,
ты, любимая, взгляни:
там гарцуют, будто кони,
над мартенами огни!

Провожают жены сталеваров

Шаль набросит женщина устало,
сдержит вздохом трепетный рывок.
Провожают жены сталеваров
на работу
тропками тревог.

Будто мы с огнем играем в жмурки,
будто без аварий нет и дня...
Нет, не так уж часто металлурги
на работе гибнут без огня.

Может быть, не часто, но бывало,
трудно
бросить
женщине упрек.
Мать сынку поправит одеяло,
выйдет ночью
в темень, за порог.

Женские сердца, словно радары,
над Уралом ловят тишину...
Провожают жены сталеваров
на работу,
будто на войну.

Я корявую ищу

Помню, дед грозил крапивой,
чтоб не бегал за крапивой,
мол, с лица не воду пить,
и с корявой можно жить.

Я ходил, вздымая руки,
то оврагом, то тропой,
но у нас во всей округе
девки не было рябой.

Да, рябых найти не просто,
кто поймет беду мою!
Лет, наверно, сорок оспы
в нашем не было рябой!

Как же быть,
куда пойти,
где корявую найти!

Буду я всю жизнь дивиться,
ты зажгла тогда свечу,
ты сказала,
тронув спицу:
— Я корявой стать хочу!

В блажь девчоночью не веря,
думал — ты чудишь опять,
я сердито хлопнул дверью
и ушел спокойно спать.

Ах, любовь,
и что творишь ты,
где же грань добра и зла!
Раскаленной спицей трижды
ты лицо себе прижгла.

Мало это... или много?
Ты стояла на крыльце,
и кричали три ожога,
три рябинки на лице.

А к полудню с песней тихой
ты плела себе венки.
Но наивности великой
Оценить никто не мог.

Дед мой —
ус крутил спесиво:
де, пригож ты для любой,
сам и ладный, и красивый,
а вот снюхался с рябой!

У колодцев,
возле елок,
на крылечках у перил
о любви моей поселок
две недели говорил.

Бабы со смеху упали
на гречишной полосе:
— У твоей невесты, парень,
дома, видимо, не все!

Снова мне расскажут тропы,
прокурлычат журавли,
как девчонку до стыдобы
пересуды довели.

Может, смех острее жала,
языки — страшной огня...
Ты от злых людей бежала,
а сбежала от меня.

Заметает след в сугробах,
ливни хлещут по плащу.
Восемь весен на дорогах
Я корявую ищу!

Спойте мне, гусли

Вяч. Богданову

Плыву я в ладье по Славутичу,
клянюсь каждому камню.
Спойте мне, гусли, о русичах,
спойте о времени славном.

Поведайте, гусли, о Родине,
проплачьте
о светлых истоках.
Прокличьте высоко о пройденных
холмах
и ковыльных дорогах.

Чтоб над озерными чашами,
во поле между березками
в нашу годину зачали
песни пустые заморские.

И снова
заспугаются вербы,
будет на сердце спокойно.
Спойте мне, гусли, о верности,
спойте о храбрости воинов.

Поведайте, гусли вещице,
как в дальних набегах, охотах
славяне предателей вешали,
а трусов
топили в болотах!

КОЛХОЗ «ВНУЧАТА КРУПСКОЙ»

Теперь и не вспомнить, кому первому в Истобенской школе Вятской губернии в 1928 году пришла мысль организовать детский колхоз. В то время в селе еще не было коллективного хозяйства, и ученический колхоз создали для того, чтобы показать взрослым, насколько производительнее совместный труд.

В детский колхоз записалось около двухсот школьников старших классов и все учителя. Имя ему дали — «Внучата Крупской».

Новому хозяйству отвели двадцать гектаров пахотных и десять гектаров сенокосных угодий. Из реквизированного у кулаков скота ребята получили пять коров, двух лошадей, несколько свиней. Создали бригады: животноводческую, огородную, семеноводческую. Чтобы каждый ученик освоил все работы, бригады в колхозе были сменными. К каждой прикрепили учителя.

В то время Истобенская сельская школа имела сельскохозяйственный уклон, поэтому среди преподавателей были зоотехник, агроном и другие специалисты. Они-то и руководили работой ребят.

Юные колхозники разработали устав для своего хозяйства, каждый из них получил трудовую книжку. На день давался наряд в соответствии с возрастом и учебной программой. Нуждающимся ученикам предоставляли общежитие, выдавали обувь, одежду, питание. В пионерском колхозе была своя хлебопекарня и столовая. Работая

в колхозе, ребята научились убирать луговые травы машинами, кормить коров и телят по рациональным нормам, определять процент жира в молоке, применять минеральные удобрения, бороться с вредителями полей.

Члены колхоза «Внучата Крупской» вместе с взрослыми построили овощехранилище, восстановили пруд. Они были участниками районных сельскохозяйственных выставок.

В декабре 1930 года все хозяйство «Внучат Крупской» было передано вновь организованной в селе Истобенске сельскохозяйственной артели «Ленинская искра».

Бывший колхозник из «Внучат Крупской» Владимир Иванович Тиунов, ныне доктор ветеринарных наук, профессор Кировского сельскохозяйственного института, рассказывает: «У меня сохранились самые хорошие воспоминания о школьном колхозе. Он нам, мальчишкам 13—15 лет, помог несколько раньше стать взрослыми, самостоятельными. А это ведь мечта каждого подростка. Кроме того, он научил нас дисциплине, ответственности за порученное дело, любви к труду».

Колхоз «Внучата Крупской» помог ребятам определить дорогу в жизнь. Александра Королева стала зоотехником, Владимир Тупицын и Алексей Зыков — ветеринарными врачами. К сожалению, о многих членах пионерского колхоза мы пока ничего не знаем. Может быть, они откликнутся, прочитав эту заметку в «Уральском следопыте»?

В. ПЛЕНКОВ

К ТАЙНАМ ПРИРОДЫ

Так называлась конференция юных исследователей природы, которая проходила в начале года в Уфе. На нее съехались следопыты из семидесяти областей и автономных республик России. Ребята прочитали около ста докладов и сообщений.

Следопыты — друзья природы. Учащиеся Любино-Малороссийской восьмилетней школы Омской области, например, исследовали одну из больших стариц Иртыша. Много в ней было рыбы: водилась щука, карась, гальян, окунь, плотва. Но в последнее время рыбу стали хищнически вылавливать сетями браконьеры, приезжающие из соседних городов и районов. Ребята выступили на сессии

сельского Совета. Школьникам выдали специальные удостоверения на право контроля рыбной ловли.

А вот о чем рассказали ребята Псковщины. С давних пор считалось, что в Псковской области нет своей извести, так необходимой для сельского хозяйства. Учащиеся Пустошкинской школы опровергли это мнение. В походах по родному краю они обнаружили большие залежи извести. Сейчас в области уже ведутся ее разработки.

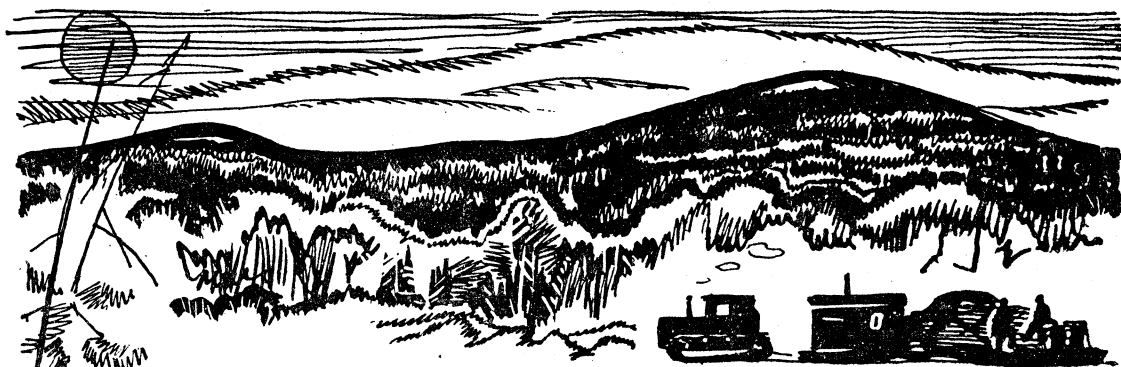
Единственный в республике Музей природы открыли юннаты средней школы поселка Эльгый Сунтарского района Якутии. Знакомясь с экспонатами музея, ребята теперь могут совершать «кругосветное путеше-

ствие»: здесь представлены многие виды флоры и фауны всех частей света.

Карты-схемы пещер Приморья составили следопыты Владивостока. Минеральные источники Вологодской области исследовали и описали учащиеся школы № 9 города Сокола. О своих фенологических наблюдениях рассказали на конференции члены общества «Глобус» Свердловского Дворца пионеров.

За активную следопытскую работу по изучению и охране природы десять юннатов награждены значком нашего журнала.

Е. КОСТИНА

Дивная планета

Повесть

Евгений МАРЫСАЕВ

Рисунки С. Киприна

Но Константин ошибся. Всклипывал Дмитрий. Он сидел на снегу, растирая варежками слезы. — Хотя бы девушки постыдился! — с досадой сказал Никита Иванович.

— Ни разу не видела, как парень плачет, — призналась Таня.

Дмитрий вскочил и, нелепо размахивая руками, закричал:

— Крышка! Точно говорю!.. Второй раз самолет тут не пролетит! Копыта отбросим! Волки сожрут!..

Он умолк, оглядывая бригаду потемневшими от страха глазами.

— Иссаж, Бульдозер? — спросил Славка.

Как малому дитяти, Константин объяснил Дмитрию, что во всем случившемся виноват его величество случай, что «отбрасывать копыта» никому не охота и что криком и паникой беды не одолеть.

Дмитрий слушал внимательно, потом спросил Никиту Ивановича:

— Иваныч, а не знаешь, как за всю эту кутерьму нам платить будут?

— За какую кутерьму? — не понял тракторист.

— Ну... за все наши мытарства. Без сна и отдыха полные сутки шлепаем, стало быть, по три смены вкальваем... Или не учтут это? Сами, мол, виноваты? А?

— Мы в пути, Дима, — серьезно ответил Никита Иванович. — А в пути всякое бывает. Одолеть путь — наша работа. В Талилине достанем трактор, запасемся продуктами, рацией. Вернем-

ся за волокушей и хоть с опозданием, но прибудем на точку... Вот вы из-за меня пошли на Талилин. А подумать — это единственно верное решение. Доберемся до Талилина — значит не сохрем главное наше задание...

И вновь дорога, и опять острые ледяные кристаллы, жалящие тело, и мутный от адской усталости разум, и голод, голод...

Пронесся жар-птицей северный день, и снова цветные звезды, и луна с русалочьими космами туманов.

Два желания — и каких малых! — было у Константина: насытиться и согреться. И чтобы тепло и неголодно было товарищам...

Что-то заставило Константина остановиться, замереть. Он напряг зрение, всматриваясь в склон сопки. Опять мерещится сохатый! Ветвистые рога, широкая грудь, окутанная клубами пара морда.

Но это было не видением, а явью. Сохатый фыркнул и тяжело побежал от людей. «Мелкашка» была у Савелия. Пуля, посланная вдогонку, попала в цель, потому что зверь вздрогнул, шархнулся в сторону. Через минуту он скрылся за сопкой. Мудрено из «мелкашки» завалить такую машину.

XII

Они питались ягодами, расчищая лыжей, как лопатой, глубокие снега. Эту мысль подал Савелий. Ягод было много в смерзшемся мху — и черника, и голубика, и брусника; их набирали в кружки и ссыпали в ведро с кипятком, подвешенное над пламенем. Кашица получалась вкусной,

Начало см. в № 3, 4.

кисло-сладкой, но если бы к ней был хотя бы маленький кусочек лепешки!

Ползая по расчищенной площадке в поисках ягод, Константин наткнулся на большой сморщенный гриб-боровик. Его тут же сварили и съели. Савелий отыскал во мху несколько замерзших птиц, маленьких, не больше воробья. Бедные птицы, спасаясь от голода и холода, зарылись в снег, но мороз добрался до них. Пичуг сварили. Мясо оказалось настолько нежным, что почти растворилось в кипятке, в бульоне виднелась лишь горстка мягких разваренных костей.

Уже второй день бригаду преследовала волчья стая. Однажды, когда взошло солнце, Константин увидел волков. Они вразброд, как ему показалось, бежали в расщелине, по лыжне, где бригада прошла полчаса назад. Он насчитал механически, как считают иногда прохожие пробагающие мимо автомашины, четырнадцать темных передвигающихся точек. Константин думал о Тане: опасения Никиты Ивановича подтвердились — обмороженный палец у нее чернел.

...Костер ярко полыхал, и вокруг на поляне плясали, метались тени. Медью отливали стволы лиственниц. Тракторист убедил Таню: отрезать палец необходимо, иначе она лишится ноги.

Таня лежала на спальных мешках, положенных друг на друга. Никита Иванович разбирал аптечку, раскладывая на чистом полотенце йод, бинты, вату. Славка грел в ведре воду. Савелий, работая топором, готовил чурбак — подставку для ноги.

Старый тракторист спокойно, не переставая, говорил с Таней.

— Это не больно, дочка, потому не по живому нож пройдет, а по мертвому, обмороженному. По той же причине и крови будет не много.

Дмитрий вздыхал, хмурился, обихаживал костер и молчал.

Никита Иванович попросил Костю снять с Тани валенок и обмыть горячей водой ногу. Руки Константина ходили ходуном, никак не могли даже как следует сжать валенка.

Это проворно сделал Славка. Он и ногу Тане помыл.

— Вода не очень горячая?

— Не очень...

Константин, сам того не заметив, далеко отошел от стоянки.

Когда он вернулся, все было кончено. Никита Иванович уже забинтовывал ногу и приговаривал:

— Молодцом, дочка! Мужика за пояс заткнешь, верно говорю. Лет пять назад, помню, плутали, одному верзиле такую же операцию делал. Благим матом орал, шестеро его держали, еле справились... Поплачь, поплачь.

Никита Иванович скинул валенок и снял со своей ноги теплейший шерстяной носок. Его он осторожно надел на забинтованную Танину ногу.

Что бы сейчас ни случилось, людям требовался сон. И бригада начала разгребать лыжами снег, устраиваться на ночлег. Константин отнес Таню к разрытому сугробу. Она была легкой, как пушинка. Он засыпал снегом мешок, сел в изголовье. Таня смотрела на Константина темно-блестящими при луне глазами. Он не знал, что ей сказать, как утешить.

Его позвал Никита Иванович. Тихо, чтобы не слышала Таня, посоветовал:

— Иди и спи. Разные ведь люди бывают.

20 Одни в таком состоянии любят, чтобы их успо-

каивали, для других это — острый нож. Уверен, что Тане сейчас лучше побыть одной. Не размазня она кисельная.

Но Константин не мог спать. Он присел на сухостое возле костра, рядом со Славкой. Тот тоже не ложился. Перед ним стояла включенная «Спидола». Батарейки сильно «сели», и приемник было еле слышно.

— Поздравить тебя, что ли? — спросил Славка.

— С чем?

— Через полчаса наступит новый год. Сам только что по «Спидоле» узнал.

Невесело наступает новый год. Не последний ли? Весело там, в теплых избах...

— Несколько дней прошло, а будто годы минули... — задумчиво сказал Славка.

— Держаться надо. Крепко держаться, — думая о своем, проговорил Константин.

— Это само собой... Таня ни разу не крикнула. Представляешь? А я даже уколов боюсь...

Константин забрался в свой спальник, положил рядом винтовку. Со стороны ущелья, по которому недавно шла бригада, донесся долгий вой. Волки будто жаловались на холод, на всю свою жизнь.

«Нынче небо какое-то странное», — отметил Константин. Луна без цветных колец, и малиновый обруч исчез. Звезды не цветные и совсем не яркие. Ему показалось, что в зените вспыхивают слабые розовые зарницы. «Мерещится от голода, — подумал он. — Надо спать». И забылся. И сразу, плавно извиваясь, спустилась откуда-то красивая, вышитая золотом скатерть-самобранка. Ах, чего только не появилось на ней! В резной фарфоровой чаше дымилась борщ, да такой густой, что половник в нем торчал стоймя. Ароматный парок поднимался от поросенка, зажаренного целиком. А в деревянной бадейке было полно сметаны... «Но скатерти такие бывают лишь в сказках», — удивленно сказал Константин. «Ешь!» — приказал кто-то невидимый, и Константин набросился на еду. Он рвал зубами податливое мясо поросенка и проглатывал, почти не жуя. Затем выпил полную бадюку сметаны.

Очнувшись, Константин почувствовал, что прикусил язык.

Потом приснился ему громадный пожар, очень странный. Без дыма. Он опять очнулся. «Все от голода», — стучала в висках одна и та же мысль. Но тут он вздрогнул, как ужаленный.

Неба не было. Не было ни звезд, ни луны. Он находился в центре громадного многогранника. Плоскость каждой грани наклонно тянулась ввысь и сходилась в центре в одну точку. Грани горели всеми цветами, существующими в природе, переливались диковинными оттенками: пепельно-голубыми, зеленовато-розовыми, мягким блеском морской волны. Мгновение — и грань меняла цвет или оттенок. Вот она коричневая, вот сиреневая, вот винно-красная, вот лазурная.

Не сразу Константин догадался, что это северное сияние...

Было совсем светло. Хорошо виднелся дальний хребет, скалы на дугообразной вершине его, похожие на сторожевые башни. И все — в переливах сказочного цвета.

Константин даже про голод забыл.захотел растолкать спящую бригаду. Разве можно спать, когда вокруг творится такое чудо?! Но тут же раздумал. Пусть люди спят. Завтра снова тяжелый переход.

Все еще любуясь полыханием неба, он с грустью подумал: пройдут три-четыре дня, и неужели навсегда канут, как в бездонную пропасть, и Таня, и эта пылающая красотища, Дивная планета?..

XIII

Таню везли на лыжах. Сзади ехал Славка, упираясь рогатиной в концы Таниных лыж, впереди — Константин. Он тянул лыжи за перекинутую через плечо веревку. Таня полулежала. Чтобы ей удобнее было, Савелий вырубил топором треугольный чурбак, на который она положила голову.

Везти Таню было нетрудно. Но на спусках Константину приходилось идти «лесенкой», при-

держивая Танины лыжи, чтобы не разогнались, не убежали вперед, не перевернулись.

Волчья стая преследовала людей на одном и том же расстоянии, не приближаясь и не удаляясь. С горбин в безлесных аласах волков хорошо было видно. В глубоких снегах они прыгали, как дельфины над водой, но не с дельфиньей легкостью, а тяжело, выбиваясь из сил.

Делали привал люди, как по команде, останавливались и звери. И только сегодня Константин заметил, что стая бежала не вразброд, как он думал раньше, а правильным треугольником, в середине которого находились три волка. Каждый зверь занимал свое точно определенное место в живом треугольнике. Впереди прыгал вождь, он был заметно крупнее остальных.

— Пока мы вместе,— успокоил Савелий,— волки нас не тронут.

Из-за сопки протрался мгlistый солнечный ободок, глянул на людей, как бы спрашивая: «Как дела, ребята? Живы еще?»

— А ты смерти нашей ждешь? — со злостью пробормотал Константин.

— Что спросил, Костя? — обернувшись, спросил Савелий, идущий теперь за головного.

— Ничего. Тебя подменить?

— Не устал пока.

Что-то большое и светло-коричневое покати-лось по снегу в промерзшей березовой роще, взмахнуло громадными крыльями. Глухарь! Константин выстрелил и раз, и другой. Пули не причинили глухарю вреда. Он мелькнул в перелеске и скрылся за сопкой. Константин погнался следом.

— Обожди, Костя, — сказал Савелий, и тот остановился. — Напрасно. Его сейчас не догонишь, за тридевять земель улетел.

— Позабыл тебе винтовку отдать, — виновато глядя на Савелия, сказал Константин.

— Едва ли и я бы попал. Одной-то пулькой...

И вновь сухие, оранжевые от солнца туманы, оцепенелая тайга, заваленная снегом, стальные морщинистые скалы.

Никита Иванович остановился и нагнулся, что-то высматривая на снегу.

— Ну-ка, ребята, гляньте, у вас глаза помо-ложе.

Константин присмотрелся. В тайгу убежали два еле видимых следа.

— Это лыжня, — убежденно сказал Савелий и измерил глубину пороши. — Человек прошел часов десять назад, не больше.

— Федор? — спросили разом несколько го-лосов.

— Ширина вроде бы наших лыж. Но, воз-можно, и не Федор.

— Значит, лесок близко! — обрадованно крикнул Дмитрий.

— Совсем не обязательно, — Савелий вздох-нул. — Бывает, что охотники уходят за сотни кило-метров...

По следам поехали резвее.

Следы нырнули в алас, обогнули сопку, углубились в бурелом. Они не петляли — верный признак того, что человек хорошо знал свой путь. Как назло, на землю хлынули сумерки, и сиреневая густота смыла следы.

Константин уже не различал следа, и над тайгой властвовал лунный свет, когда слева, на удобной для ночлега поляне, обозначился не-большой темный бугор, наполовину занесенный снегом.

— Обождите минуту, — сказал Константин.

Поляна и вправду оказалась стоянкой. Чер-ные, взявшие крепкой изморозью угли погас-шего костра, рюкзак, карабин, прислоненный к рюкзаку. Занесенный снегом бугор — спаль-ный мешок. В спальнике, скрючившись, лежал че-ловек.

«Охотник!» — подумал Константин и закри-чал ребятам.

— Сюда! Живо! — И затормозил спящего. — Проснитесь!

Спальный мешок тяжело покачнулся вместе с человеком.

— Это же Федор! — проговорил подъехав-ший Славка. — На рюкзаке не ремни, а кольца для застежек! И заплатка сверху!

Константин невольно отдернул руку от спаль-ника, Дмитрий схватил карабин, щелкнул затво-ром. Пояснил:

— На случай, если трепыхаться начнет.

— Не дури! — прикрикнул на Дмитрия трак-торист.

— Вставай, что ли! — Константин ткнул ку-лаком в спаль-ный мешок.

Федор не просыпался. Константин расстегнул две верхние пуговицы спальника, открыл лицо человека.

Да, это был Федор. Лицо его сплошь покры-лось изморозью. И только теперь Константин за-метил, что из ноздрей и полукрытого рта не шел пар от дыхания. Он ткнул пальцем в щеку Федора. Она была твердой, как камень.

Молча стояли люди над тем, кто так подло покинул их в трудный час. Ушел с продуктами, оружием. Здоровый, выносливый, опытный. И — погиб. Почему же они до сих пор еще жи-вы — голодные, измученные?..

— Надо похоронить, — прервал молчание Ни-кита Иванович.

Он вытащил из-за голенища охотничий нож, перевернул труп на спину и распорол до ног спаль-ный мешок. Замерзший Федор теперь от-крылся весь. В полушубке, ватных штанах, мохна-тых собачьих унтах.

Когда тракторист взялся руками за унты, Константин понял, что он хочет делать.

— Может, не надо, Иваныч?.. — неуверенно спросил Славка.

— Надо, — жестко ответил тот. — Ему-то те-перь все равно, а Танюша в своих валенках со-всем без ног останется. Если бы шла, а то ведь лежит. В унтах ей будет лучше.

— Я не надену... — сказала Таня и заплакала.

— Наденешь, дочка. Заставлю. И Федин по-лушубок наденешь.

Он попытался сдернуть унты. Бесполезно.

— Славик, Костя, поддержите-ка его.

Те ухватили Федора за плечи. Сильный ры-вок. Другой сильный рывок. Унты остались в ру-ках тракториста. Портянки не размотались — смерзлись.

— Дима, помоги-ка Тане обувку сменить. Те-перь, ребята, полушубок снимем.

С полушубком провозились дольше: Федор заснул, согнув руки в локтях.

Константин с неприязнью смотрел на нето-ропливые движения Никиты Ивановича, слушал его спокойные деловые распоряжения. И не сра-зу переломил себя, убедил — так надо. Против-но, но надо. Тане будет теплее. И лучше — не думать ни о чем.

Без кайла не вырыть могилы в вечной мерз-лоте, да и с кайлом сделать это не так-то просто. Поэтому расчистили снег, уложили на голую зем-лю скрюченное тело Федора и начали собирать камни. Благо их тут было много. Ударами березовых шестов отбивали камни от земли, друг от друга, сносили к поляне. Никита Иванович об-кладывал камнями тело бывшего бригадира. По-том могилу засыпали снегом.

Ни прощального слова, ни вдоха.

Страшно вот так погибнуть, еще страшнее — оставить после себя недобрую, тягостную па-мять.

Никита Иванович направился к рюкзаку Фе-дора, и это уже не показалось Константину ко-щунством. Рюкзак, быть может, таил в себе жизнь для каждого.

Револьвер тракторист сунул себе за пазуху.

— С этой штукой я вроде бы умею обра-щаться.

Карабин передал Савелию.

— Держи, эвенк, охотник с колыбели.

Потом вытряхнули на снег содержимое рюкзака.

Пачки патронов — для карабина и револьвера. С килограмм муки. С полкилограмма гречки. Две банки консервированных котлет. Плиточный чай. Все... Нет! Почти нетронутая фляга со спиртом. Спирт в мизерных дозах — жидкий хлеб.

И еще карта. И еще компас.

XIV

Зимовье — бревенчатая юрта с единственным узким, как щель, оконцем — появилось за сплошным ельником так внезапно, что люди вросли в землю и долго стояли неподвижно, не веря своим глазам. Но это был не мираж. Это была явь. Вот крепкие, в прожилках заиндевшего мха венцы, до середины заваленная сугробом дверь, выводная труба от печки. Людей нет — это видно, — но, может быть, там есть продукты?..

Эта мысль промелькнула у каждого. Торопясь, словно зимовье могло исчезнуть, бригада зашпешила к постройке.

Дверь долго не подавалась. Лед спаял ее с

косяком. Савелий разрубил педяной шов топором.

Внутри зимовья было еще холоднее, чем на улице. Скупое сочившийся сквозь оконце свет обозначил два ряда нар, «буржуйку», грубо сколоченную лавку, аккуратно сложенную полерницу дров. Все было покрыто изморозью.

Савелий отщипнул лучину и запалил ее. Язык пламени вырвал из полумрака заснеженные углы юрты. Высокий ростом Константин первым заметил: что-то белеет на верхних нарах. Это была старая пожелтевшая наволочка, приспособленная под мешок. Он поспешно развязал ее. Несколько коробок спичек, тщательно завернутых в полиэтиленовую пленку. Пачка соли. Толстая восковая свеча. Две дюжины лепешек, твердых и гремучих, как жесьть. Все оставлено по неписаному закону тайги.

Константин скинул рюкзак, расстелил на нижних нарах спальный мешок. Потом поднял Таню на руки и перенес ее на нары. Он поймал на себе Танин взгляд. Девушка слабо пожала его руку повыше локтя.

Надо бы всем вместе заготовить побольше дров, растопить «буржуйку», а уж потом лечь и впервые за столько дней отоспаться в тепле. Но не хватило сил.

Первым, расстелив спальник, на нары завалился Дмитрий. Через минуту юрту огласил мощный храп. Заснул и Славка. По-старчески кряхтя, до нар добрался Никита Иванович. Прилег, виновато сказал:

— Отдышусь сейчас малость, потом печку растоплю...— И заснул на полуслове.

Константин присел на угловые нары, наблюдая, как Савелий орудует возле «буржуйки», расщепляя топором полено. Движения его быстры и точны, будто и не было тяжелого пути. Вскоре в печурке затеплился огонек. Пламя разрасталось, и сухие дрова громко трещали. Савелий, прихватив топор, вышел на улицу. Раздались звучные удары топора. Константину стало совестно.

— Надо помочь,— сказал он себе, но поднялся не сразу.

Перед глазами запрыгали разноцветные круги, и он чуть не упал.

С охапкой дров в горнице появился Савелий, удивленно спросил:

— Зачем встал?

— Давай топор. Помогу.

— Да ложись ты, ложись!

Константин поблагодарил и опустился на нары. Савелий пошуровал поленом в «буржуйке», подкинул дров. Снова сбежал и вернулся с ведром снега. Ведро поставил на печку. Присел на корточки перед огнем и то ли задумался, то ли задремал.

«Буржуйка» гудела и скоро раскалилась докрасна. Стало непривычно тепло. Стены, потолок оттаивали, сочились крупными каплями. «Как хорошо, как хорошо»,— подумал Константин и вдруг будто в пропасть провалился.

...Он не помнил, сколько проспал. Очнулся оттого, что его кто-то легонько похлопывал по щеке. Как бы сквозь слой ваты донесся голос Тани:

— Вставай, Костик. Ты спишь уже тридцать два часа.

Что-то зашипело в той стороне, где стояла «буржуйка», и острый, дразнящий запах жареного мяса наполнил горницу. Пустой желудок будто иголками закололо. Только теперь Константин проснулся окончательно.

В пустой консервной банке, подвешенной к потолку, ярко горела свеча. Пламя освещало Танию. Она сидела на его нарах, вытянув больную ногу.

— Сейчас что? День? Ночь? — спросил он охрипшим голосом.

— Ночь,— ответила она.

У плиты орудовал Савелий. Казалось, он и не ложился спать. Никита Иванович, Славка и Дмитрий чинили рюкзаки, крепления лыж, одежду. Чуть слышно говорила «Спидола». Напрягая слух, Константин разобрал слова:

— Сегодня в девять часов тридцать минут утра в Советском Союзе произведен очередной запуск искусственного спутника Земли...

Впервые за много дней ели в тепле. Савелий разлил всем по кружке необычайно вкусно пахнущего бульона. В бульоне плавали блестящие жиры. «Откуда?» — удивленно подумал Константин: сало давно кончилось.

— Да это же куропатка! — воскликнул Никита Иванович.

Савелий деловито вытаскивал со дна ведра на острие охотничьего ножа дымящуюся от пара птичью тушку.

— Откуда? — оторопел Дмитрий.

Разрубая точными ударами ножа птицу, Савелий как бы мимоходом ответил:

— С карабином прошелся.

— Да когда же?

— Когда вы спали.

Он отвечал так, будто ему вовсе и не составляло труда убить птицу. А Константин слышал, что белая куропатка хитра и осторожна. Он живо представил, как Савелий, раскопегарив «буржуйку», ушел в тайгу и неизвестно сколько бродил, пока не спугнул куропатку. Она будто дразнила его: подпустит на выстрел — и тотчас взлетает, а влет бить пулей очень трудно...

Покончив с едой, Дмитрий взял топор и склонился над Таниными лыжами, озадаченно почесывая затылок. Потом выдернул из венца несколько гвоздей, служивших вешалкой, отыскал среди дров крепкое полено и стал обтесывать его топором.

— Что ты хочешь делать, Дима? — спросила Таня.

— Когда ты сидишь на своих санках, локти ведь висят? Висят,— ответил он.— А я упор для локтей сделаю. Удобней будет.

— Как это? Непонятно.

Таня, осторожно ступая пяткой на больную ногу и держась за нары, заковыляла к нему. Но не успела она сделать и двух шагов, Дмитрий крикнул:

— Зачем встала?! Ноги лишиться хочешь?! Дура!..

Таня села на нары, растерянно хлопая глазами, пролепетала:

— Я не дура, Дима...

— Самая настоящая! — проворчал Дмитрий.— Думаешь, кончилось все?!

...Бригада сидела молча. Никто не решался спросить: а что дальше? От одной мысли, что надо вновь идти на дикий мороз, ночевать в сугробах — от одной этой мысли становилось страшно. Но что же делать? Теплом сыт не будешь. А продуктов нет.

— Будем собираться? — тихо спросил Савелий.

— Надо идти,— пересиливая себя, сказал Никита Иванович.— Куковать здесь не след. Должны дотянуть.

XV

С чего бы вспомнился этот, казалось, навсегда забытый случай?..

В прошлом году, в летние каникулы, Константин, как и многие одноклассники, на два месяца устроился грузчиком в речной порт, чтобы потом съездить на Черное море. Мать и отец отговаривали, предлагали деньги, но ему хотелось поехать к морю на свои, кровные.

В речном порту разгружали баржи со всякой всячиной: продукты, мануфактуру, мебель, цемент, пиломатериалы. Работа «лошадиная», как говорили пожилые грузчики. После смены, как мышь, весь мокрый, в глотку кусок не лезет, только пить подавай. Но Константин все же легче справлялся с работой, чем трое его напарников, одноклассников. Те уходили со смены, еле волоча ноги.

Бригадиром был Терехов, здоровенный краснорожий детина лет тридцати пяти, отчаянный сквернослов и грубиян. Своих подчиненных он вроде бы за людей не считал. Для бодрости хватив хмельного, эдаким хозяйчиком, надсмотр-

щиком расхаживал по дебаркадеру, покрикивал на грузчиков, пересыпая речь ругательствами. Особенно не взлюбил Терехов трех узкоплечих мальчуганов, товарищей Константина. Заметив, что кто-то сел раньше положенного перекура перевернуть дух, чуть ли не с кулаками набрасывался на него:

— Ты, гнида африканская! В срок баржу не разгрузим — я из-за тебя премиальных лишусь?! Константин не переносил несправедливости.

Таким уж уродился.

Вначале, наблюдая за Тереховым, Константин сдерживал себя. Но однажды один из новичков, спускаясь с трапа, уронил ящик, и несколько банок с консервированным компотом разбились. Терехов так толкнул парня, что тот упал на доски дебаркадера.

Константин вплотную подошел к бригадиру.

— Зря вы руки распускаете. Совесть-то есть? Он ведь в десять раз слабее вас.

Терехов исподлобья глянул на него. Сказал без злости — с удивлением:

— Мне замечания делать?! Сопляк!

— А вы — пропойца.

Обменявшись «комплиментами», разошлись.

Константин после смены уже шагал домой, когда его нагнал бригадир. Он заметно покачивался, но глаза смотрели трезво.

— Я ведь тебе башку за «пропойцу» оторвать могу. Но ладно, живи, прощаю... Теперь ответь, крепко подумавши: кто ты есть, чтобы старшему замечания делать? Кто ты есть супротив меня, а?..

Тогда Константин принял этот вопрос за пустую болтовню пьяного и ничего не ответил бригадиру. А сейчас, сидя у пылающего костра, задумался.

Действительно, кто он? Кто он «супротив» этого звереподобного Терехова? Константин жил и никогда не задавал себе такого вопроса.

Ну, как тысячи других, окончил школу. Как тысячи других, провалился на экзаменах в институт. И все? Биография уместилась в двух строках. Не густо.

Растрезвонил всем: еду в авиационный, буду студентом МАИ! И действительно, ему очень хотелось туда попасть. А как готовился, если честно? «Костя, выходи, айда купаться!» — и привет учебникам. Лень-матушка!

Да и других недостатков хоть отбавляй: замкнутость, излишняя, не по годам, рассудительность. Об этом как-то говорил Славка, и он, верно, прав.

Легко, не в полную силу жил. И, пожалуй, на вопрос бригадира Терехова: «Кто ты супротив меня?» — не имел бы права ответить: «Я — человек!»

Сейчас, отогревая у костра онемевшее тело, глядя, не мигая, в огонь, Константин смотрел на себя как бы со стороны. На того Костю, что остался в прошлом...

Часовую стоянку разбили над обрывом. Проглотив скудную порцию еды, вдоволь напившись кипятку, расстелили вокруг костра спальные мешки и тотчас уснули мертвым сном. Спали раза по три в сутки, чтобы хоть сном поддержать себя.

Дневальным оставили Константина. Он сидел возле пламени, опершись о ствол карабина.

Дмитрий лежал на спальнике рядом. Глаза его были открыты и уставлены в одну точку на небе.

— Спи, Дима,— сказал Константин.

— Да не спится...

В тайге громко хрустнуло, и Константин мгновенно вскинул карабин. Но то лишь толстая ветвь обломилась под тяжестью льда, словно срубленная топором. В такую стужу это не в диковинку, дерево промерзает насквозь; случается, что и высоченный сухостой падает, если склонит его намерзший снег.

Дмитрий даже бровью не повел на хруст обломившейся ветви; глаза по-прежнему были устремлены на небо.

— Не думай ты ни о чем, спи,— сказал Константин.

— Голова не пятка,— пробурчал Дмитрий.— Она на то и дадена человеку, чтобы думать.

— Что верно, то верно...

Константин уже клевал носом, чутко прислушиваясь однако к шорохам тайги, когда вдруг тихо, как сам с собой, заговорил Дмитрий:

— Почти девятнадцать лет на свете прожил, а что от меня люди хорошего видели? Только пакостил всем, как щенок паршивый. Мамане, вам... тебе хотя бы, Костя... Слышь?

— Слышу.

— А разве для пакостей человек рождается? Нет. Для хорошего. Правильно?

— Верно, Дима, верно.

Даже прописные истины доходят до иных с большим опозданием.

— Раз ты человеком зовешься, то и жить по-человечьи должен...— продолжал Дмитрий и неожиданно спросил: — А у тебя девчонка есть... ну, по которой сохнешь?

— Есть...— не сразу ответил Константин.

— Я это так спросил. Знаю, что есть. Эвон она, рядом спит.

— Тише ты!..— Константин даже испариной покрылся.— Свихнулся, дурень? С чего ты взял?..

— «С чего, с чего...» С того, что ты на Танюшку-то смотришь, как собака на хозяина. Вот в точности, как Рекс на тебя смотрел.

— Тише!..

— Да и все это видят, неужто не замечаешь? А за Славку не бойся. Третьего дня ему так и сказал: если начнет над вами насмехаться — морду разобью. Насмехаться здесь не след... У меня там, в деревне, осталась. Надей звать, председателя дочка.. Поначалу я ее вроде не замечал, за пацана считал, потому как бедовая очень, с нами, парнями, по ночам в хозяйские огороды лазила яблоки воровать. Ну, взяли меня. Письма получал от мамани только, а все корешки будто в воду канули. И вдруг — от нее. Не тоскуй, мол, всяко в жизни случиться может, сделай для себя надлежащие выводы. И припомнил я тогда, что коса-то у нее до пояса, светлая да толстая, как рука моя, а глаза... что васильки во ржи. Как раньше-то я такую не замечал! Убей, не ведаю. На других девчат смотреть тошно, они Надюше-то в подметки не годятся.

Закряхтел, поднимаясь со спальника, Никита Иванович, долго смотрел на циферблат часов. Поднял на Константина безбровое рубцеватое лицо, укоризненно спросил:

— Дневальный, что подъем не трубишь? Не дело, брат... Марш-бросок, ребята, живо в строй!

Открыла глаза, приподнялась Таня и как-то по-особенному посмотрела на Константина. Неужели не спала, все слышала?.. От смущения Константин начал было надевать чужие лыжи.

— В Москву, говорю, ездила в институт по-

ступать,— вдруг зашептал Константину на ухо Дмитрий.

— Кто? Какой институт? — спросил Константин.

— Да Надюша моя. Агрономом хочет стать. Но не удалось на сей раз.— Помедлив, добавил: — Оно, конечно, нехорошо, что не удалось. А мне-то, признаться, любо: летом в деревню приеду, а она там... Другие, говорю, в подметки ей не годятся, любую за пояс заткнет. Не веришь?

— Не верю,— тихо ответил Константин и украдкой посмотрел на Таню.

Ночевали в центре громадного аласа, ярко облитого луною. Это Савелий предложил выбрать для стоянок замерзшие озера: зверье боится открытых мест.

Никита Иванович, Дмитрий и Таня уже спали, вернее, дремали, борясь с голодом и стужей, другие заготавливали дрова. За сухостоем ходили далеко, по пояс увязая в сугробах. Один заход, второй... «Баста. Сейчас лягу, и пропади все пропадом. Поймите, нет сил...» — говорил в Константине явственный голос. Но вот, сбросив с плеча дерево, обратно, в тайгу, направлялся Савелий, за ним ковылял Славка, и кто-то невидимый, вла-

стный заставлял и Константина шагать за товарищами.

— Хватит,— сказал Савелий, когда дровяной штабель вырос в рост человека.

Пожалуй, главным в бригаде теперь был этот маленький эвенк, похожий на подростка. С любым вопросом обращались к нему. В каком месте надо спуститься с горы, чтобы не быть погребенным под снежным оползнем? Кора какого дерева может пойти на заварку? Что из скудных запасов лучше есть утром, что в обед и на ужин? Савелий, казалось, знал все.

Туго пришлось бы бригаде без эвенка...

Лезть в обледеневший, колом стоящий спальный мешок не было никакого желания; расстелив спальник возле костра, Константин прилег на нем, с наслаждением вытянул руки к огню. То же самое сделали Славка и Савелий.

Так лежали долго, думая каждый о своем, пока Славка, повернув к эвенку черное от морозных ожогов лицо, прямо, в лоб, не спросил:

— Ответь без вранья: выживем или погибнем?

— Я не думал об этом,— неохотно ответил Савелий.

— Ну, загибаешь! Не криви душой, не маленькие. Тебе-то лучше знать. Сколько еще протянем?

— Да что ты пристал! — в голосе Савелия зазвучало странное, такое непривычное для него раздражение.

— Иваныча мне жалко...— тихо произнес Славка.— Такую жизнь старикан прожил и так глупо погибать. Да и за себя обидно. Кабы раньше знала, что судьба этакую свинью подложит, по-иному бы жил... Вот узнают скоро в Уруне: сыграл в ящик парень, по имени Славка. Напомните, люди скажут, чем он знаменит? Не тот ли Славка, который избил рубил? Нет, не тот. Может, тот, что грузчиком был, тяжелые ящики ворочал? Тоже нет. Ошибаетесь, мол, граждане. В лучший мир отошел тот Славка, что каждый вечер в клубе ошивался. Ну, скажут тогда, невелика потеря...

— Заткнись! — грубо потребовал Константин.

— Говорить, молчать — какая теперь разница?.. Стоит ли идти куда-то, если впереди костлявая мадам с косой поджидает, как покойник Федя говорил?..

— Не стоит.— В голосе Савелия зазвучало уже не раздражение — гнев.— С такими мыслями не стоит. Ты как сохатенок, которого волки нагнали: от страха ложится и голову в снег зарывает. Жить тебе не хочется.

— Сказанул!

— Не обижайся. А я вот знаю: буду идти пока не упаду. Упаду — поползу!

Кто-то ехал к стоянке по замерзшему озеру — явственно слышался шорох снега под лыжами, натруженное дыхание.

— Сюда! Сюда!.. — закричал Константин и опустил карабин.

Человек подъехал к костру. Отблески пламени вырвали из темноты крепко сбитую коротконогую фигуру с карабином за плечом, кобурой на поясе. Фигура была очень знакомой. Человек освободил лицо от обледневшего шарфа, и Константин ахнул, выронив из рук оружие: Федор!

— Ведь ты замерз, Федор!..

— Замерз! А что делать? Волки-то, которые за вами шли, возле каменной хоромины моей залегли. Стерегут. Ждут, когда встану... А я ведь хитрый, я обманул их и к вам. Все ж таки — люди... Руки-то у меня шибко замерзли...

Он протянул скрюченные пальцы к щеке Константина, ожег ее холодом.

Константин в ужасе отпрянул. И проснулся. Это ствол карабина ненароком прижал он к щеке.

А Федор лежал далеко отсюда, навечно укрытый тяжелым каменным одеялом.

Мертвые не воскресают.

XVI

Минуло еще четверо суток, прежде чем их обнаружили с самолета.

Случилось это около полудня, когда сквозь дымные туманы едва затлел костерной головешкой солнечный ободок.

Для людей, измученных морозом и голодом, потерявших надежду, что их найдут, что их ищут, появление зеленого «Антона» было неправдоподобием, чуть ли не нелепостью. В первое мгновение никто даже не замахаля руками. Лишь остановились и глядели на машину.

Всякое мерещилось Константину за эти дни. Задрал голову, он как бы сквозь слой воды разглядел самолет, подвешенные под зеленым брюхом его широкие короткие лыжи, услышал мощный рев и... принял все это за галлюцинацию. От слабости он сел в сугроб. И уже не устыдился своей немогости: привык к ней.

Дмитрий первым замахаля руками. Правда, тогда, когда самолет уже скрылся за огромным лысым гольцом.

Но пилоты успели заметить людей, потому что раздался нарастающий рев мотора, и Константин увидел «Антон», появившегося уже с другой стороны гольца. Самолет пронесся над самыми головами и покачал крыльями. Сделал круг и снова пронесся над бригадой.

— Указывает направление, где делает посадку,— сипло сказал Никита Иванович.

Сам еле держась на ногах, он помог подняться все еще сидевшему в сугробе Константину.

Странно, бригада не бросилась навстречу самолету, а медленно, пошатываясь, двинулась к месту предполагаемой посадки. Очевидно, все, как и Константин, до конца еще не осознали, что муки позади, что так вот сразу, с неба, обрушилось спасение. «Выжили»... — шевельнулась мысль у Константина.

Не верилось, не верилось...

Гул мотора затих за скалою. Разум говорил: самолет приземлился. Сердце кричало нелепое: самолет улетел, не заметил!

Они уже подходили к скале, когда из-за нее выбежали два молодых парня, два рослых розовощеких молодца в собачьих унтах, перетянутых кожаными ремнями, меховых летных костюмах и расстегнутых шлемах.

— Заждались, заждались вас, друзья! — пробасил один.

— Самолет рядом, в аласе,— сообщил другой.— Столько дней вас искали!

Один подхватил на руки Таню, другой пошел рядом с Константином, придерживая его за локоть: при появлении пилотов он опять сел в снег и один, пожалуй, уже не поднялся бы.

В заснеженном аласе, задрал нос, словно приплюхиваясь, стоял «Антон».

Спускаясь вниз, пилот, который поддерживал Константина, спросил:

— Хоть и не время, но скажи, пожалуйста: где вас черти носили? Все самолеты с пяти аэродромов в воздух подняли.

— На Талилин шли. Так нужно было,— еле ворочая языком, ответил Константин.

— Направление-то верное. Но дошли бы? Знаешь, сколько до Талилина километров?

— Не знаю. Не хочу знать.

— Ну, извини...

— Алик,— обратился к товарищу другой пилот, который нес на руках Таню.— А этот олух Лаврецкий еще два дня назад болтал, что дальнейшие поиски считает нецелесообразными.

— Лаврецкий есть Лаврецкий. Я б ему не то, что летчиками командовать,— тачку возить не доверил...

Пилот Алик легко, без лестницы, вспрыгнул в открытую дверцу «Антон». Товарищ передал ему Таню, и он исчез с нею в темноте багажного отделения. Через минуту Алик вернулся и спустил лестницу. Но неожиданное счастье и вправду может лишиться сил. Никто, даже Савелий, не смог взобраться по лестнице.

Пилотам пришлось буквально затаскивать

людей в самолет, как мешки с мукой. Один снизу подавал, другой — принимал.

Константина подняли последним. Алик просунул ему под мышки руки, оттащил подальше от входа, положил на что-то мягкое, похожее на спортивный мат.

— Спасибо... — тихо сказал Константин.

— За что, чудак? — искренне удивился пилот.

Пилоты исчезли в своей кабине. Они вернулись в багажное отделение через несколько минут. Алик нес бутерброды, его товарищ — термос и железные кружки.

Алик раздал каждому по бутерброду. Одна порция оказалась лишней.

— Обождите... вас разве шестеро? Нам говорили, что заблудилось семь человек.

— Было семеро, — коротко сказал Константин.

Пилоты молча наклонили головы и отвернулись, чтобы не видеть, с какой жадностью люди набросились на еду.

В термосе оказался душистый горячий кофе.

— Дайте еще, — попросил Дмитрий.

— Не дадим, — смутившись, отказал Алик.

Нас врач предупреждал.

— Через двадцать минут будем в Талилине, там вас по всем правилам накормят, — сказал другой пилот.

Никита Иванович и Константин переглянулись. Двадцать минут на «Антоне»! Каждый подсчитывал, сколько же километров осталось до Талилина. Выходило никак не меньше шестидесяти. И это по прямой, не обходя ущелий и гор! Что было бы, если...

— Что сейчас гадать, — словно читая мысли ребят, махнул рукою Никита Иванович. — Все позади.

Константин полулежа поглядывал то на своих товарищей, то на пилотов, суетившихся возле спасенных. Глаза были на мокром месте.

Он думал о своих друзьях, не предавших друг друга в трудную минуту, о пилотах, которые искренне удивлялись: за что их благодарят?

Да, все было позади...

— Иваныч! — окликнул вдруг Славка тракториста. — Что ж, теперь другая бригада место для ГЭС искать будет?

— С чего ты взял? — негромко ответил Никита Иванович. — Вот оклемаемся маленько и двинем, как я говорил.

Константин переполз к Тане. Она сидела возле иллюминатора, положив больную ногу на какой-то ящик. Глянул на ее почерневшее лицо и сказал:

— Знаешь, что мне пилот сообщил? Чернота от обморожения скоро проходит. И не заметишь. Она здешние, им можно верить.

Он врал: никто из пилотов ничего подобного ему не говорил. Таня поняла это и слабо улыбнулась.

— Давай-ка, Костя, посмотрим лучше в иллюминатор и помолчим.

Затархтел мотор, и самолет мелко задрожал, разворачиваясь. Потом мотор взревел, «Антон» возбужденно покачивался, как бы готовясь к прыжку. Рванулся вперед. Подпрыгнув раза три-четыре, он оторвался от земли и взмыл над сопкой.

Солнце еще не ушло за скалы. Но надвигались сумерки; тайга, камни, снега горели разноцветьем, и видимое пространство походило на громадное лоскутное одеяло. Вон оранжевый лоскут, вон зеленый, розовый, голубой...

— Сегодня не надо будет разжигать костер, — произнес Константин.

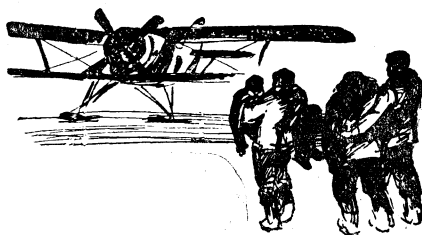
— А я, между прочим, тоже с вами поеду, — не поворачиваясь к нему сказала Таня. — Теперь то мы и есть бригада, а не просто разные люди.

— Тебе поправиться надо.

— Я быстро поправлюсь.

На небе зашевелились звезды, прихорашиваясь к ночи, и яркая луна поплыла над Дивной планетой, словно любуясь ее безмолвием и снегами.

Но разве это безмолвие, когда неугомонный «АН» трещит на всю тайгу? Разве это безмолвие, когда люди и без слов понимают друг друга?

ПОКА КИПЕЛА СТАЛЬ...

Сталевар Анатолий Морогов стоял у пульта управления печью. Еще минуту назад он был спокоен. Все шло вроде бы хорошо, и я уже собирался задать ему свой первый вопрос, но тут вдруг плавку «подорвало»: в ванне мартена взбурлила сталь. Нижние слои шихты всплыли на поверхность, и тогда обнаружилось, что прокипел металл плохо — на поверхности плавали большие глыбы извести и агломерата.

— Кислород! — крикнул Морогов подручному.

Легкий поворот рычага на пульте — и в металл из-под свода мартена опустились формы. Сразу же в печи встало на дыбы пламя, сталь забурлила. Через пять минут комки шихты расплавились, и ванна подернулась ровной рябью, словно это кипела не сталь, а прыгали по луже дождевые пузыри. Плавка снова пошла спокойно.*

Анатолия Дмитриевича Морогова я знаю более 20 лет. Мы учились с ним в одной школе ФЗО, вместе пришли в первый мартеновский цех Нижнетагильского металлургического комбината, около 10 лет работали в одной смене и даже на одном блоке — наш заливочный кран обслуживал девятую печь, где работал Морогов. Хорошо помню тот день 1960 года, когда Анатолию, двадцатисемилетнему сталевару, было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Это событие нас взволновало не меньше, чем самого Морогова.

— Скажи, Анатолий Дмитриевич, ты с самого детства мечтал стать сталеваром?

— Откровенно говоря, нет. Я родился и вырос в деревне. И, как водится, с малых лет приохотился к земле. Сперва помогал женщинам на току, потом работал на тракторе.

Двое моих дружков, Валентин Глазков и Геннадий Ошуев, — они были на год старше меня — уехали в Нижний Тагил, поступили там в школу ФЗО. Окончив ее, пошли работать в мартеновский цех.

Однажды они приехали в отпуск. Конечно, сразу стали рассказывать о своей «огненной» профессии. Ну, кончилось тем, что я тоже решил поступить в школу ФЗО и стать сталеваром.

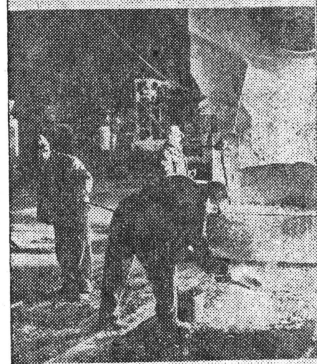
— И когда ж тебе вручили сталеварский жезл!

— Подручным я работал три года, но сталеваров подменял уже через год после того, как пришел в мартеновский цех. Если говорить о профессиональной учебе вообще, то этот процесс идет и сейчас. Я стараюсь брать все лучшее, что вижу у товарищей, они заимствуют мой опыт. Предела в совершенствовании мастерства я не вижу.

В 1961—1962 годах, когда я работал мастером печей, я как бы сверху взглянул на свою профессию. Ведь когда работаешь на одной печи, то часто не видишь, не замечаешь, что делается у соседа. Многое мне в то время дало «руководство» такими сталеварами, как Владимир Гусельников, Яков Кальниченко, мой однофамилец Геннадий Морогов. Гусельников и Кальниченко — сталевары грамотные, и я многому научился у них. Геннадий Морогов — вели-

На снимках: Анатолий Дмитриевич Морогов. Заливка чугуна.

кий труженик, и мне не стыдно было учиться у него целеустремленности, хотя я уже и был в то время Героем Социалистического Труда.

— Ну, а если бы ты пошел не в сталевары, а, скажем, в токари — сумел бы стать Героем!

— Я предан своей работе. Говорю это не для красного словца. Должность сталевара беспокойная, трудная. Но в то же время, на мой взгляд, у нас, в мартеновском, самый подходящий «климат» для проверки людей на рабочую зрелость, на прочность, что ли...

Я не терплю половинчатых людей. Сердце у человека одно и уж если отдано какому-то делу, так должно быть отдано до конца. Стал ли бы я Героем на другой работе? Не знаю. Может быть на другой работе потребовались бы какие-то другие человеческие качества. А есть ли они у меня? И потом это зависит еще и от коллектива, где трудишься, от всей окружающей обстановки.

— Какие качества, на твой взгляд, больше всего нужны сталевару!

— Как и во всякой работе — целеустремленность. Каждый человек должен знать свои возможности и силы. И дело его совести определить ту предельную высоту, до которой он дотянется. Иначе можно проболтаться где-то посередине, так и не ощутив твердь сделанного. Каждый из моих товарищей по-своему настойчив, любит дело. Но двух одинаковых печей у нас в цехе нет. Они одинаковы по техническим данным, но у каждой свой «нрав». Одна идет горячее, другая плавит медленнее. Это зависит от многих причин. И у каждого сталевара свои приемы, свой подход к работе. Часто случается, что сталевар чем-то рискует. Риск продуманный и обоснованный в нашем деле необходим. Когда я закончил ФЗО, то работал подручным в бригаде у Василия Варивода. В него я был влюблен в полном смысле этого слова. Чем он меня привлекал?

С ним было легко работать. Он был внимателен к нам, молодым. Но еще больше тянуло к этому сталевару потому, что он был отзывчив на новое, верил в науку и смело шел на рискованные эксперименты, углубляя и развивая скоростной метод сталеварения лауреата Государственной премии Петра Болотова. Но риск этот опирался не на ухарскую бесшабашность — «пан или пропал», а на многолетний опыт целой плеяды сталеваров-скоростников, на знание всех тонкостей технологии. Он был способен в нужный момент принять единственно правильное решение и «вытянуть» плавку на самом низком или самом высоком пределе. Короче говоря, у Василия был тот драгоценный дар, который мы, сталевары, называем «чувством металла». Он мог по сливу определять температуру стали, содержание углерода и фосфора в ней. И всегда безошибочно.

Многие мои товарищи и я часто экспериментируем. Любой эксперимент ложится на плечи сталевара нелегким бременем. И здесь прежде всего нужны увлеченность, без которой немислим любой поиск новых путей в работе, и особая восприимчивость ко всему новому. И потом надо просто не бояться работы, даже тяжелой и рискованной.

— А если бы тебе пришлось начинать свой путь заново!..

— Сразу бы пошел учиться в техникум. В свое время я этого не сделал, думал, что успею. Правда, я закончил трехгодичную школу мастеров, но не получил полной технической подготовки. Мой товарищ Василий Сафонов, с которым мы начинали работать на комсомольско-молодежной печи сталеварами, окончил техникум и сейчас работает мастером печей. Правда, и я нередко подменяю мастеров, но все-таки пробел в знаниях дает себя знать. А сейчас наверстать упущенное трудно.

— Как ты представляешь свою профессию в будущем!

— Совсем недавно зашел к нам в цех директор комбината Геннадий Елизарович Овчинников. Поинтересовался нашими заработками. Мой товарищ, сталевар с семнадцатого марта Василий Дегтярев, сказал: «Зарботки неплохие, да вот молодежь не идет к нам рабо-

На снимках: Первый подручный сталевара Валерий Лобарев и сталевар Анатолий Басов со своим учителем Анатолием Мороговым. Плавка идет к концу. На смену.

тать. Который уж месяц мучаюсь — не могу себе подручных подобрать. Посмотрите: много ли среди нас безусых? Я больше двадцати лет у печи, скоро на пенсию, а кому печь оставить?»

Этот разговор во многом знаменателен. Было время, когда высокие заработки и романтика огненной профессии привлекали в цех молодежь. Теперь этого мало. Молодым людям не нравится наша спецодежда — она груба, неуклюжа, тяжела. Подручные не хотят по старинке заправлять печь вручную лопатами, убирать шлак. И во многом они правы. Время теперь такое, что и условия труда, и рабочий костюм, и вся обстановка, в которой трудятся сталевары, перестают быть делом второстепенным.

Директор с нами согласился и сказал: «Давайте вместе думать, как исправить положение, предлагайте, спорьте, деритесь за свою профессию, наконец».

И мы на своей печи составили план на пятилетку, который предполагает не только повышение выплавки стали, но и механизацию трудоемких процессов, повышение культуры производства.

Думаю, что уже к концу этой пятилетки на мартеновских печах будет высокий уровень механизации, а в будущем, вероятно, отпадет надобность и в лопате. Трудно представить, конечно, сталевара в белом халате, но и это не исключено.

— Много твоих учеников работает в цехе и на заводе! Как они продвигаются по «служебной лестнице»!

— Трудно ответить вот так прямо. Многие ребята, которые сейчас работают в цехе — Василий Пантелеев, Виктор Солдатченко, Федор Звонков, Василий Мионов, Анатолий Басов, — в разное время работали со мной в бригаде первыми подручными. Путевку в жизнь они получили на нашей печи. Сейчас Федор Звонков — ведущий сталевар цеха, орденом Трудового Красного Знамени награжден Василий Мионов. Самый последний мой ученик Анатолий Басов, работает на соседней печи. О нем могу сказать, что он один из лучших сталеваров-комсомольцев.

— Твое увлечение, как проводишь свободное время!

— По этой части я человек, может быть, неинтересный. На рыбалку не езжу, спортивный болельщик из меня плохой, хотя раньше «ббаловался» штангой. В свободное время люблю почитать. Предпочитаю русскую классику.

— А кем бы ты хотел видеть свою дочь!

— Галина сейчас учится в 10-м классе. Ну, прежде всего, хотел бы видеть ее человеком трудолюбивым, независимо от того, какую она изберет специальность. Мать настаивает, чтобы она пошла по ее стопам — в медицинский, но Галина и слушать не хочет. Она собирается в институт народного хозяйства, хочет стать экономистом. Мне ее выбор больше по душе. Конечно, любая работа по своему интересна, необходима обществу, и я не буду возражать, если дочь изберет какую-то другую специальность. Главное, на мой взгляд, — выбор должен быть один на всю жизнь.

* * *

Пока мы разговаривали, подошла к концу плавка. Анатолий Дмитриевич часто отходил к печи, наблюдал за приборами, руководил доводкой металла. Все он делал обстоятельно, но быстро, вдумчиво анализировал весь процесс.

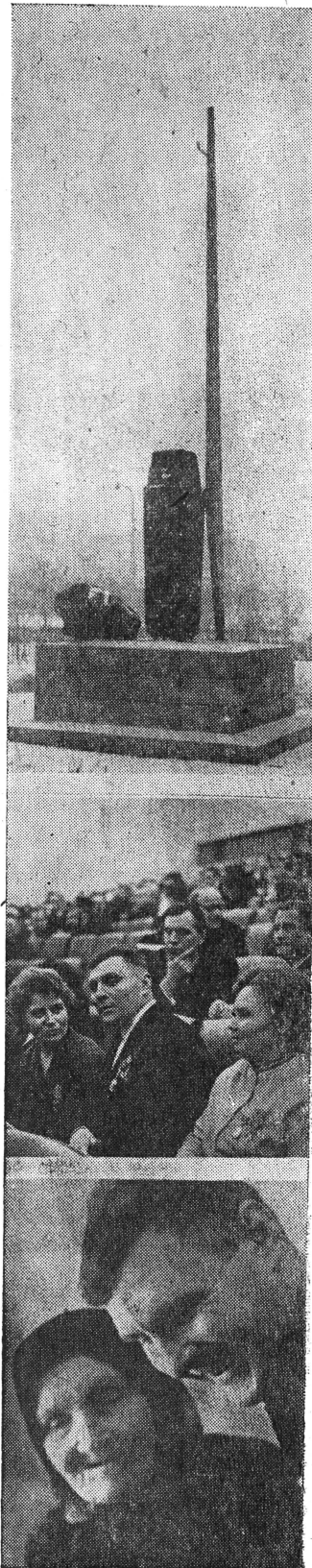
Пошла сталь. Огненная струя хлынула в ковши. Под сводами цеха занялась алая заря.

— Извини, — сказал Морогов. — Сейчас заправка начнется. Минуты не будет свободной.

Интервью вел В. ПАНКРАТОВ

На снимках: Монумент в честь 100-миллионной тонны стали, выплавленной тагильскими металлургами. На совещании передовиков производства Свердловской области. А. Д. Морогов с матерью Александрой Ивановой.

Фото А. Нагибина.

ПЕРВЫЕ ГЕРОИ ТРУДА

До утверждения звания Героя Социалистического Труда в нашей стране в 1927 году постановлением Центрального Исполнительного Комитета Совета Народных Комиссаров СССР «за особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы и проработавшим в качестве рабочих или служащих не менее 35 лет» присваивалось звание — Герой Труда. Этого звания было удостоено 1014 человек.

Но еще раньше звание Герой Труда присуждали профсоюзные съезды.

В Свердловском краеведческом музее есть экспонат — грамота Героя Труда забойщика Бурсунской шахты Егоршинских угольных копей. В ней говорится: «Принимая во внимание многие заслуги Хисматулина Тахвантуллы, закаленного многолетним трудом, исключительную преданность его интересам горного производства, делу социалистического государства, непоколебимую в

самые тяжелые дни пролетарской революции и годы разрухи, материальных лишений и недостатков, тов. Хисматулин Тахвантулла служит примером для всех окружающих.

Второй Уральский областной съезд Союза горнорабочих¹ постановляет: утвердить товарища Хисматулина Тахвантулла в звании Героя Труда».

В 1928 году после сорока семи лет работы под землей Хисматулин вышел на пенсию. Сохранился рассказ старого шахтера о себе, опубликованный 7 ноября 1933 года в газете «Егоршинский рабочий». Он обращался к сыновьям: «Слепой неграмотный был мой ати (отец), слепой неграмотный был ваш ати. Я не знал скамейки в школе. Я учился в пастухах у муллы. Я научился только грамоте обушка. Вы другой народ. Вас научили всех понимать большие книги. Вы видите свет, вы видите

весь мир. Прочитай же ты, дорогой Нургалей (один из сыновей Тахвантуллы, в то время красноармеец. — А. Б.) мою Красную книгу. Твой ати заслужил ее. Твой ати был хорошим шахтером. Покажи свои книги, Нургалей!..»

Еще до революции много пришлось Тахвантулле пролить пота на шахтах Урала. На егоршинских коях встретил он весть о революции.

Работать в ту пору было трудно. Слесарный и горный инструмент за годы первой мировой войны не обновлялся, не хватало горных ламп, сеток, стекол и даже фитилей к ним. Тяжело было с продовольствием. Но егоршинские шахтеры трудились самоотверженно.

В 1921 году, во время тяжелого топливного кризиса в стране, сколотил Тахвантулла на Бурсунской копи артель. В нее вошли братья Скутины и Гайфудинов Минша. По всем уральским коям шла о них добрая слава.

¹ Съезд состоялся в июле 1925 г. в г. Кизиле.

А. ЕРЫЛИН

Искусство

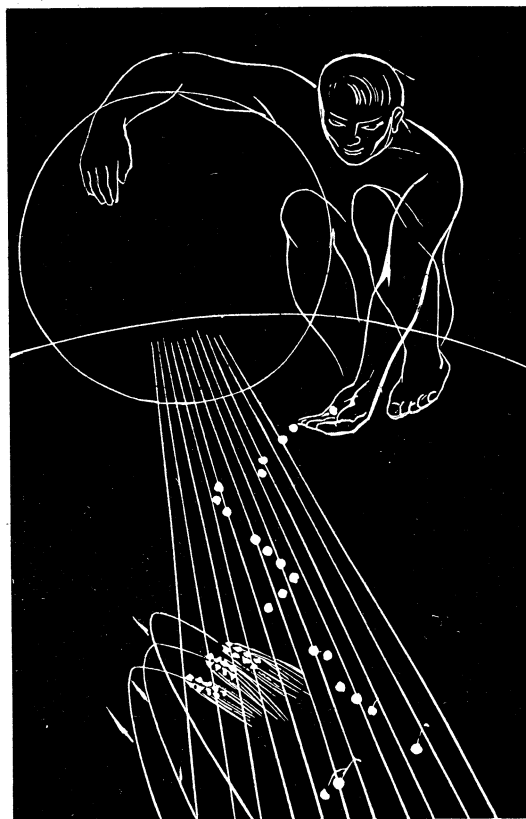
советских республик

С. КРАСАВСКАС

ЧЕЛОВЕК

Л и т о в с к а я С С Р

УТРО

В КРАСНОДОНЕ

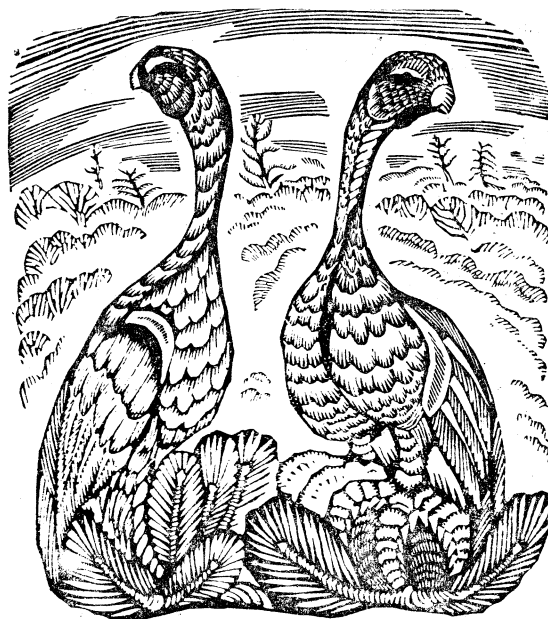
В. МЕШКОВ

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Юван ШЕСТАЛОВ

Гравюры Г. Райшева

— Моя загадка: по дереву красная лисица бежит.

— Это огонь. Какой манси не знает. Вот он несется вверх по чувалу¹.

— А и правда: языки огня похожи на лисиц. Скачущие лисицы. Красновато-золотистые.

— Хорошо у чувала: огонь не прячется.

— А у нашего учителя печь каменная.

— Не каменная, а кирпичная. Кирпич люди сами сделали, а камень на берегу речки валяется. Дикий он, как и деревья.

— Моя загадка: какая печь лучше?

— Это кому как: русским, наверное, белая печь, она не дымит, как чувал. А нам, манси, наверное, без чувала плохо будет.

— Почему?

— Огонь спрячет свой танец. Глаза радость потеряют. И загадки загадывать, может, не захочется... Моя загадка: а почему одна сторона чувала почти до потолка открыта?

— Разве это загадка? Думать-то здесь над чем? Наверно, потому чувал открыт, что от него светло в юрте. Без огня ночь стояла бы.

— Моя загадка: в углу дремучего леса стоит чаша со строганиной из нельмы, со строганиной из осетра.

— О, это то, что кушает чувал. Вот они валяются, твои стружки. Сытым будет чувал. Много ты настрогал.

— Моя загадка: хорошей ли едой питается, плохой ли едой питается, а в свой дом заходит.

— Так это нож заходит в ножны. Что ты строгаешь?

— На черный лук натянута острая костяная стрела. Отгадай!

— Костяная стрела... Наверно, это клюв. А какой птицы — не знаю.

— Тогда еще: мужчина в черном кувсе¹ за ночь облизит верховья семи лесных речек, собирая камешки.

— А, глухарь! В его зобу бывают камешки. Как надуешь этот зоб — прозрачный, легкий шар получается. А камешки внутри глухо позванивают.

— Я глухаря и вырезаю.

— А я знаешь кого?

— Пока не знаю. У тебя ведь еще ничего не получилось.

— Тогда моя загадка: в дремучем лесу серебряная дубина валяется.

— Любой манси знает такую загадку. Медведь.

— А я не такого хочу вырезать. Не дубину, а страшного, черного, как коряга. Под ветвями притаился он. Вот-вот набросится. Увидишь и задрожешь, как голый на морозе. Стра-а-ах!.. Сам дрожал. От коряги убежал, думал — медведь...

Похрустывал под лыжами снег, сыпался радужной пылью с отяжелевших веток снег, тенями деревьев разрисован солнечный снег. Но не его сегодня видел Петр Ефимович Шешкин. Коряга, выглянувшая из-под зеленовато-заснеженных ветвей ели, ему напомнила детство, вечера у чувала, приятеля, который любил задавать причудливые загадки. А, может, сейчас мир этих

¹ Чувал — очаг, примитивная печь из обожженной глины.

¹ Кувсь — меховая рубашка с капюшоном с мехом наружу.

загадок стал казаться причудливым? Книги сельской библиотеки, которые он все перечитал, может, изменили этот волшебный мир мансийских сказок и загадок, который когда-то казался таким привычным и обыкновенным.

А теперь в жизни будто загадок и не стало. Все ясно, просто, гладко, кругло...

И он, Петр Шешкин, вырезал много фигур. Простым перочинным ножом ковырялся, охотничьим резал. Из осины вырезал, из ели пробовал. В дереве продолжали драться россомахи и волки, рычали рыси, хозяевами тайги старались быть медведи, поднимали рога лоси, слепыми оставались большеглазые филины, рвались в небо орлы.

В дереве оживали рыбаки, добывающие рыбу из-под льда, охотники, сдающие шкурки пушистых соболей, оленеводы, пасущие стада оленей. Но тот причудливый мир словно растаял. Может быть, это оттого, что жизнь манси теперь становится другой, не похожей на древнюю? И это правда. Но ведь тайга-то осталась. На заре так же токуют глухари, режутся белки на ветвях, храпят в берлоге медведи. И таежные речки все так же бегут к Оби. А великая Обь плавню, не торопясь несет свои воды на север, к самому Ледовитому океану. И рыбы плещутся, как много веков назад. А бобры валят столетние кедры и строят хаты, сооружают плотины, купаются в своем «море». Бобры (о, какой у них ворсистый, золотистый мех!), они снова появились в таежных речках. Они так же, как прежде, катаются с гор, ловят в прозрачных струях юрких рыб. И медведь не ушел из тайги. Куда ему, зверю, уходить? И хотя манси уже не считают его хозяином тайги, но все же медвежий праздник справляют. Правда, не всюду, а лишь в глухих таежных деревнях.

В деревне Ломбовож, где живет Петр Шешкин, можно и сейчас побывать на представлениях, загадочных и таинственных, где сказка и жизнь слились, играя одну игру. Это не праздник медведя, а народный театр. Своеобразный театр. Большое искусство народа. Об этом еще Лев Толстой говорил: «И недавно я прочел рассказ о театре у дикого народа вогулов. Одним из присутствовавших описывается такое представление: один большой вогул, другой маленький, оба одеты в оленьи шкуры, изображают — один самку оленя, другой — детеныша. Третий вогул изображает охотника с луком и на лыжах, четвертый голосом изображает птичку, предупреждающую оленя об опасности. Драма в том, что охотник бежит по следу оленьей матки с детенышем. Олени убегают со сцены и снова прибегают. Такое представление происходит в маленькой юрте. Охотник все ближе и ближе к преследуемому. Олененок измучен и жмет к матери. Самка останавливается, чтобы передохнуть. Охотник догоняет и целится. В это время птичка пищит, извещая оленей об опасности. Олени убегают. Опять представление, и опять охотник приближается, догоняет и пускает стрелу. Стрела попадает в детеныша. Детеныш не может бежать, жмет к матери, мать лижет ему рану. Охотник натягивает другую стрелу. Зрители, как описывает присутствующий, замирают, и в публике слышатся тяжелые вздохи и даже плач. И я по одному описанию почувствовал, что это было истинное произведение искусства».

А вот каким бывает этот праздник охотников сейчас:

— Пух! Пух! Пух! — раздаются выстрелы.

— Пух! Пух! — говорят ружья.

— Сколько выстрелов?

— Семь.

— Значит, низвели Его.

Медведя не называют медведем, а величают иносказательно: Он. И не говорят убили, а «низвели». Услышит медведь — обидится. Зачем обижать родственника? Манси и ханты думали, что медведь предком людей является. Только он живет в лесу. Поэтому называют его Вортолнунт — в лесу живущий, значит.

Сейчас никто не верит, что от медведя произошли люди. Но старая традиция еще осталась. Хорошо ли, плохо ли, кто знает. Только встречать медведя интересно не одним детям, но и взрослым. И как же не интересно, если в снежки играют даже старики. И снегом моют друг друга и водой опрыскивают. И собаки лают, носятся радостные, как и охотники.

Снимут с медведя шкуру и самый искусный мастер делает чучело медвежьей головы. Поставят голову медведя на «священный» стол, заиграет пятиструнный санквалтап, залыется волшебными звуками многострунный торыг — и в пляс идут ноги. И не узнаешь, кто плывет в огненном танце, молодые ли, старые ли, потому что все в берестяных масках.

— У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу! Что вы делаете? — кричит на весь дом одна берестяная маска.

— Мы медвежий танец пляшем, — тянет в лад музыке другая.

— А это что за зверь?! — говорит первая.

(Те, что в масках, медведя могут называть не только Он).

— Если ты не знаешь — посмотри на стол!

— Твой зверь плохой, черный.

— Наши звери хороши. Сочино я песню о твоём звере, взобравшемся на стол. Твоего зверя застольного буду «колоть» словами.

— Умеешь — так пой!

И «берестяной нос» — как называют маску — поет хулу на медведя:

Его руки —

лопаты, которыми женщины копаются

в потушем костре;

Глаза — круглые берестяные чумики

с черной водой...

Но хозяин священного стола не обижается. Ведь говорит кто? Не человек, а берестяная маска. У ней нет лица.

Осмеивают всех, не одного медведя. Лишь бы слова были яркие и ум острый.

В дом, полный людьми, вроде бы влетает птичка.

— Чайка! — узнает кто-то.

Птичка хватается со стола сияющую серебром чашу, прячет ее за пазуху и мчит в танце.

За ней едет богатырь. Он одет в лисьи и соболи мехи. А конь у него деревянный. А бубенчики — настоящие, звенят.

— Мирсуснэхум! — говорят люди. — Он гонит чайку, дерзнувшему украсть народное счастье.

— Когда прошла чайка? — молвит он человеческим голосом.

— Семь дней тому назад проходила мимо нас чайка, — отвечают ему люди.

Мирсуснэхум подпрыгивает на одной ноге, напевая:

Золотую чашу,
из которой питается народ мой,
Похитила чайка.
Конь мой, с пестрыми боками,
Зверек мой, быстрее, быстрее!
— Когда прошла чайка? — опять спрашивает.
— Вчера прошла, — говорят сидящие на полу.
И опять едет, пляшет, напевая:
Как сохнувшая таежная речка,
Живот моего народа высох.
И сердце жаждет пищи.
Богатую чашу с народной пищей
Своровала чайка.

Немного едет — видит белую птицу. Дого-
няет. Бьет. Чайка падает. А Мирсунсэхум заби-
рает сверкающую чашу.

— Вот ваша чаша! — говорит он народу, бро-
сая чашу людям. И удаляется в огненном танце.
Не бессмысленна эта сценка!

Сама жизнь играет на этом празднике. По-
тому у зрителей так сияют глаза, и лукавая
улыбка не сходит с лиц, а иногда вырывается и
печальный вздох.

Таков древний праздник манси и ханты.

Похрустывает под лыжами снег. И тайга
хрустальная, кажется, навстречу Петру Ефимо-
вичу шагает. И мысли бегут и бегут, как в ста-
рых мансийских загадках. Вот скатится он к бе-
регу таежной речки, где глухари любят по утрам
разрывать снег и собирать камешки. И — хочешь
не хочешь — снова загадка: «Мужчина ростом с
палец и небо подпирает, и землю подпирает»...

А отгадка простая: Петр Ефимович подой-
дет к ловушке, сделанной из двух бревнышек.
Слопцом зовут ее. Вытащит из-под упавших бре-
вен глухаря, и будет подпирает небо, то есть
поднимать бревнышки. Будет подпирает зем-
лю — потому что бревна одним концом на зем-
ле, другим концом на двух кольях держатся, ко-
торые тоже в земле. Зайдет под эти бревна глу-
харь, тронет веревочки — бревна и упадут.
А Петр Ефимович придет, и опять глухарь на
ужин попался. Для Петра Ефимовича охота и ры-
балка — главное занятие, ими он живет.
А скульптуры — это так, для души. Самодеятель-
ным художником называют Шешкина. Хорошо!
Но надо бы и больше!

Лыжи катятся — и мысли катятся. И жизнь
древних загадок оживает. Петр Ефимович ее
уже видит. Вот так бы и надо ее вырезать. Чтоб
дерево пело свою деревянную песню. И жизнь
вставала, такой же волшебной, как в бронзовых
отливках, изображающих загадочных зверей с
оскаленными пастями, с поджатыми лапами и вы-
тянутыми хвостами...

Собака или рысь, волк или бобер? Сразу не
скажешь, кого изобразил древний мастер, не
проявлявший никакого интереса к живым, реаль-
ным формам.

Подобные загадочные слитки из бронзы
были найдены на территории Ханты-Мансийско-
го округа еще в конце прошлого века.

А летом 1968 года археологический отряд
Московского государственного университета во
время раскопок на территории Ханты-Мансийско-
го округа нашел клад — 92 бронзовые
отливки. Как считает Вадим Старков, руководи-
тель этих раскопок, эти фигурки, пролежавшие
в земле более двух тысяч лет, не украшения, а
произведения ритуального искусства...

Эти фигурки, поражающие нарочитым схе-
матизмом, изображают прапредка умершего,
его тотема.

По преданьям ханты и манси, у каждого
рода свой тотем — одно из реально существую-
щих животных. Согласно этим представлениям,
«душа, дыхание» в этом изображении продол-
жает жизнь, обретает бессмертие.

Мастер вынимал из глиняной формы эти
стремительные, оскаленные, готовые к прыжку
изображения и бережно нес к родовому святы-
лицу, где охранялись тотемы. Он был спокоен —
его род не умрет. И как считают исследователи,
«эти находки показали, что археологи стодкну-
лись в Приобье не с какой-то отдаленной
ветвью скифского искусства, не с изделиями ма-
стеров, лишь копирующих случайно попавшие
к ним изделия, но с высоким и самобытным ис-
кусством».

Своеобразное видение мира живет в за-
гадках, орнаменте, в наскальных надписях совре-
менных манси и ханты...

Не забыли современные художники ориги-
нальный опыт, зоркий глаз предков.

Может, Петр Шешкин и вырежет такую
скульптуру. И после местной олимпиады пове-
зут ее в Ханты-Мансийск, потом в Тюмень, а потом
до самой Москвы. Было же так и раньше.

Дерево оживет, запоет свою древнюю, ман-
сийскую песню, так же как у первого хантый-
ского художника Геннадия Райшева. Линогравю-
ры и картины Геннадия Райшева на зональных
выставках не раз получали высокую оценку.

Книги, оформленные им, радуют красо-
чностью, своеобразием рисунка.

Райшев свободно владеет искусством при-
чудливого северного орнамента. Но если бы
экзотическим орнаментом органичивалось твор-
чество художника, было бы это печально. Рай-
шев современный человек. Он знает и Шекспи-
ра, и Толстого, и Пикассо. Жизнь нашего века
кипучая, сложная. Уложится ли она в древнюю
загадку и орнамент? Нет! Райшев лишь отталки-
вается от «видения мира» своих предков и ищет
свои пути отображения многогранной жизни со-
временного мира.

Олимпиада... Новый праздник ханты и манси.

Олени летят — оленеводы на праздник спешат.
Праздник по-мансийски, как и по-хантый-
ски, — день святой. Опаздывать нельзя. А оле-
неводам ехать и ехать! Сто километров — как к
соседу в гости сходить, двести километров — как
в лес по дрова съездить, триста километров —
прокатиться на утреннюю охоту, четыреста ки-
лометров — это уже расстояние.

А стойбища оленеводов и за пятьсот кило-
метров от селений бывают. Потому олени в
снежном вихре летят. Потому оленеводы так на
олимпиаду спешат.

Без оленей олимпиада — это уже не празд-
ник. Не будет оленьих гонок — это уже не олим-
пиада.

Прыжки через нарты шустрых прыгунов,
меткий полет змеи с костяной головкой, леткий
полет тынзяна — веревки — и олень пойман —
это уже праздник!..

Какая олимпиада может обойтись без стрель-
бы из лука, без состязания на охотничьих лыжах!
И рыбаки будут на олимпиаде, и лесорубы, и
звероводы, и доярки.

Не было в Сосьве стерляди — появилась сейчас эта рыба с очень нежным мясом.

— Откуда появилась?

— С Оби приплыла.

Стерлядь чистую воду любит, а Сосьва еще чистая. Особенно приток ее, Ляпин. По-мансийски его зовут — Саке, то есть бусинка. Ляпин — речка с прозрачной, как бусинка, водой. Потому, быть может, и появилась в ее хрустальных струях рыба стерлядь.

Есть стерлядь в реке Сосьве — река еще чистая. Хорошо! Приехал рыбак в поселок Сосьву, на олимпиаду — хорошо! Весело будет! Совсем весело!

Струны санквалтапа звенят, звенят. О начале праздничного вечера кричат, кричат.

Санквалтап — это пятиструнный инструмент, похожий на лодку. Нарыс-юх зовут его ханты. В переводе значит «поющее дерево». Похож на лодку, но плавает он не по воде. В душу людей его звуки плывут.

Санквалтап звонкий, певучий. Звенит санквалтап. Неужели это опять медвежий праздник?

Дом большой, медведь в таком не праздновал. И не лучины горят в доме, и не луна серебряным кольцом сияет, а радостное электричество.

И люди сидят не на полу, а на скамейках. А в первом ряду — женщины. Я их знаю. Это лучшие доярки. Не шаман впереди сидит, а труженицы. Женщины рядом с мужчинами. Это не медвежий праздник!

Струны санквалтапа звенят, о начале нового праздника они кричат.

Впрочем, праздник начался раньше, еще когда золотое солнце вставало. На берегу Сосьвы начался он.

Там состязались сильные и ловкие: кто больше нарт оленьих сможет перепрыгнуть, кто дальше всех закинет топориче и хорей скользкий, кто проворнее всех оленя заарканить сможет, кто быстрее всех проедется на шкуре, а кто на обыкновенной оленьей нарте, кто метко стреляет не только из мелкокалиберной винтовки, но и из древнего лука. И во многом другом состязаются на берегу Сосьвы участники нового праздника Севера — олимпиады.

А когда по небу поползут светящиеся жуки — звезды — продолжение состязания в музыке, танце, слове.

Ломбовожские девушки споют мелодичную песню о Ленине, охотник из Няксимволя спляшет танец «За соболем», рыбаки с Оби спляшут огненный хантыйский танец «Куриньку». Доярка из Кимкясуя прочтет стихи мансийского поэта на своем языке, а хантыйский поэт Микуль Шульгин прочтет свои стихи. Может, отсюда и начнется его путь к победе на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности.

Может, с этой олимпиады он увезет стихи об оленеводах, которым не страшны ни мороз, ни вьюга, и даже в холодном чуме с улыбкой смотрят на жизнь.

Народы Севера смогли освоить эту суровую землю, воевали с морозом, голодом, с болезнями, искали и находили счастье в вечных касланиях. А сегодня новое каслание у народов Севера, новое счастье, новые огни и песни.

Прочитайте стихи молодых ханты-мансийских поэтов Романа Ругина, Прокопия Салтыкова, Владимира Волдина, Андрея Тарханова — и вы поймете многое.

Может быть, кому-то покажется, что в первых произведениях молодых поэтов Севера слишком много солнца, радуги, восторга. Это, наверно, не случайно. После долгой полярной ночи, когда даже слезы замерзают, долгожданное весеннее солнце кажется особенно ласковым и ярким. И поют ему гимн не только пробуждающиеся реки, распускающиеся листья деревьев, голосистые птицы, но и люди.

А может быть, песня сегодняшнего дня, творимая самой жизнью, красноречивей любых легенд, а факты и цифры сильнее поэм? Может быть, и так. Ведь теперь многое нам кажется обыкновенным, давным-давно вошедшим в жизнь. Слово все это было века.

Кен-кенын,
Кенын, кенын,
Кенынгына,
Кенынгына...

Это уже играет журавль. Звенящее дерево, поющее дерево, похожее на многострунную арфу — торыг. Тронешь струну — проснется ветер, травы зашелестят. Тронешь вторую — приснится озеро, серебряным плеском волны заплещут. Третью тронешь — зазвенит, закурылет небо голосом журавлиным, залется лебединой песней. Только осталось мало исполнителей. И не случайно лишь самый седой манси мог прикоснуться к священным струнам торыга. Поплыли волшебные звуки, вновь заиграл загадочный мир.

Но в такт крылатым звукам летела не птичка, и не человек плясал, а деревянная кукла. Ожило дерево. Оно носилось в огненном танце. Откуда у жителей ледяного севера, у таежных манси, у обских ханты южный темперамент?! — воскликнут любопытные.

Дерево поет, дерево танцует. А люди смотрят и наслаждаются сказочной музыкой, огненным танцем.

Совсем как на медвеьем празднике. На советской сцене оживает вековое искусство с доброй мыслью, новым содержанием.

СВИДЕТЕЛИ ДАВНИХ МАЕВОК

В 20 километрах на северо-запад от города Свердловска, в пяти километрах от станции Исеть высится скалистая стена. Причудливые выходы гранита здесь напоминают развалины средневекового замка с башнями, окнами, бойницами. Одни башни от основания и до вершины — одинаковой ширины; у других — вершина шире основания, причем верхние глыбы сильно выдаются вперед, угрожая падением. Издавна

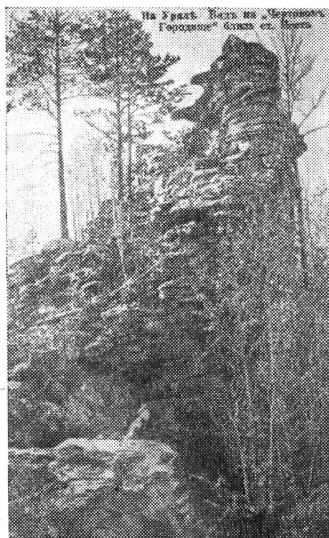

Фото 1. Так выглядели скалы Чертова Городища в начале нашего века. С открытки изд. В. Л. Метенкова.

это место зовется Чертовым Городищем.

Ветры, атмосферные осадки и колебания температуры с годами постепенно разрушали скалы, изменяя их очертания. На старой открытке, изданной около 1906 года известным уральским фотографом В. Л. Метенковым, можно видеть, что в то время в восточной части стены оконечность одной из скал напоминала голову «хозяина» здешних мест — черта (фото 1). Нынешние же туристские справочники утверждают, что скала похожа на профиль старика в высокой шапке.

Другой любопытный геологический памятник — Каменные Палатки (фото 2) — слоистое нагромождение округленных широких гранитных плит. Еще не так давно, в начале нашего века, Каменные Палатки находились в густом лесу, в нескольких километрах от границ города, нынче же они оказались в черте Свердловска и тоже успели изрядно «постареть» и разрушиться.

Оба эти памятника природы Среднего Урала известны туристам давно. Но еще раньше они полюбили уральским революционерам как удобное место для проведения массо-

Фото 2. Каменные Палатки. С открытки изд. В. Л. Метенкова.

Фото 3. Выпускники Уральского горного училища у скала Чертова Городища. Май 1909 года.

Фото 4. Участники нелегального партийного кружка у Каменных Палаток. Май 1906 года.

вок, конспиративных встреч и собраний.

На дошедшем до нас старом снимке запечатлена одна из таких встреч (фото 3). Мы видим группу выпускников Уральского горного училища (ныне Уральский горнометаллургический техникум), собравшихся в мае 1909 года у подножья скала Чертова Городища. Первым слева стоит Сергей Анучин, уже в те годы активный член РСДРП, в 1918 году он стал первым военным комиссаром Уральской области. Оставили свой след в революционном движении и другие участники встречи.

Другой снимок (фото 4) сделан в районе Каменных Палаток в мае 1906 года. Об истории этой фотографии мне рассказал старый большевик, член партии с 1907 года, ныне покойный Анатолий Иванович Парамонов.

На снимке — участники нелегального партийного кружка повышенного типа, которым руководил известный революционер Сергей Чуцкаев. На первом плане лежит «уралец» (так в то время называли учащихся Уральского горного училища) Анатолий Ивойлов, стоит — тоже «уралец», Артем Смоляков, рядом — Капа Фроловская и Нюся Жулина из акушерского училища, а тот, что сидит в фуражке коммерческого училища, — шестнадцатилетний Анатолий Парамонов. Снимал группу Сергей Анучин. В следующем году трое из этой группы — Капа Фроловская, Нюся Жулина и Парамонов были арестованы и посажены в тюрьму за революционную деятельность.

П. МОГУТИН

ТОБОЛЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

Путь А. Н. Радищева в ссылку — от Петербурга до Илимска — занял в общей сложности один год четыре месяца (с 8 сентября 1790 по 3 января 1792 года). Причем почти семь месяцев (с 20 декабря 1790 по 20 июля 1791 года) он прожил в Тобольске.

Пребывание в этом городе явилось важнейшим этапом многотрудной эпопеи его сибирских испытаний. Здесь, где, по словам Радищева, «подле дикости живет просвещение, подле зверства мягкосердие», где значительную часть населения составляли ссыльные и острожный дух чувствовался особенно сильно, в общении с людьми разного сословия и звания, в раздумьях наедине и с друзьями у него появилась возможность реально представить себе свое положение ссыльного и освоиться с ним. Именно здесь, впервые со дня выезда из Петербурга, во всей его сложности для Радищева встал вопрос о смысле и цели дальнейшей жизни.

Письма свидетельствуют, что до приезда в Тобольск ему не раз приходила мысль о самоубийстве. А 8 мая 1791 года Радищев писал Воронцову: «Когда я приехал сюда, мое душевное состояние было совсем не то, что теперь. Полагая, что мне придется жить совсем одному, я, признаюсь вам, совсем не дорожил собою». От невыносимых страданий пропало желание жить, а «отчаяние, с лицом уродливым, но постоянным и неизменным присоединяло свои мрачные доводы к решениям неуверенного разума».

В таком угнетенном состоянии, на грани между жизнью и смертью, Радищев находился до февраля 1791 года, когда получил известие о том, что к нему в Тобольск едет его свояченица и близкий друг Е. В. Рубановская с детьми. Встреча состоялась 2 марта. Пессимистические настроения уступили место желанию отдать всего себя детям, вознаградить вниманием и любовью Е. В. Рубановскую, оставившую родных и подруг, пожертвовавшую всем своим состоянием, пренебрегшую покоем петербургской жизни и мнением света, принявшую героическое решение разделить судьбу революционера.

Жизнь для него снова обрела смысл — и он спешит поведать об этом Воронцову: «Мой добрый друг, моя сестра прибыла сюда 2 числа сего месяца... Видно, судьба хотела, чтобы, приведен-

ный стечением обстоятельств... на край пропасти, что говорю я — на край! — низвергнутый в бездну, тем более ужасающую, что она угрожала мне утратой чувства, я внезапно оказался выплывшим из пучины и способным приблизиться... к счастью... Способен ли я к счастью? — Да, милостивый государь, способен... Да, жить; да, я еще буду жить, я не стану прозябать».

Драматические переживания в период между декабрем 1790 и февралем 1791 года, которые могли завершиться катастрофой, были едва ли не самыми тяжелыми за все время пребывания Радищева в сибирской ссылке. Понятно, в таком состоянии тревожного ожидания он меньше всего думал о знакомствах, связях, развлечениях, тем более, что болезнь вскоре свалила его почти на целый месяц.

Но и после приезда Е. В. Рубановской он должен был взвешивать каждый шаг, чтобы не вызвать недовольства своего столичного покровителя графа Воронцова, который соответствующими письмами-наставлениями как бы предопределял круг официальных знакомств и связей. Ссылный писатель хорошо понимал это и заверял, что ничего лишнего себе не позволит: «С той поры, как приехали мои друзья, я стал большим домоседом и думаю, что поступаю правильно».

Но Воронцов не совсем верил Радищеву, до него доходили сведения, что ссыльный писатель не всегда следует его наставлениям, и настойчиво предлагал ему «раскаяться в содеянном», добавляя, что «раскаяние искреннее и чистосердечное могло бы содействовать смягчению... участи» писателя.

«Но каким должно быть это искреннее раскаяние? — с горечью вопрошал и с достоинством продолжал Радищев. — Нужны ли еще новые унижения? Ах, эти кандалы, если они во мне не убили мою живую душу, не иссушили сердца, не ужели их было недостаточно для толпы?.. Я беру в свидетели всех, надзиравших за мной в тех местах, где я останавливался. Что могут вменить мне в вину? Даже в Тобольске, где вы, ваше сиятельство, полагали, что мне совсем не следует останавливаться, даже там можно собрать сведения о днях моих, проведенных в горести».

Таковы чрезвычайно сложные обстоятельства, которые предшествовали приезду Радищева в

Тобольск и продолжали играть свою роль и здесь. Они накладывали на отношения Радищева ко всему остальному, в том числе и к новым знакомым, отпечаток некоторой вынужденности, принудительности.

Пребывание ссыльного писателя в Тобольске отчасти отразилось в его путевых заметках и письмах, а также в биографическом очерке его сына Павла. Однако и сегодня, спустя 180 лет, мы очень мало знаем о жизни Радищева здесь.

Непонятно, например, что означают в его дневнике такие записи о Тобольске: «Гулянье с карманьяком... Невольники. Сосланные... Происшествие Кремлева. Женский пол».

Другая, тоже не совсем ясная запись сделана им в «Дневнике» на обратном пути из ссылки в апреле 1797 года: «4-е. Был у вице-губернатора. 5-е. У губернатора. 6-е. У вице-губернатора... История о притеснениях, грабежах и пр. Уши в уголовной палате. Проехали много несчастных. Кассир банковый Тетерин и пр.»

Несколько подробнее жизнь в Тобольске описал Павел Радищев, но и его очерк не вполне проясняет приведенные выше записи. Более того, он содержит, в свою очередь, обрывочные упоминания о новых лицах — о каком-то артисте Доримедонте, генеральше Черкашиной, семье Резановых, которых А. Н. Радищев, по свидетельству сына, посещал не раз. До сих пор неизвестно, где именно жил Радищев со своей семьей, кто из «дворовых людей» решил поехать с ним, с кем, когда и при каких обстоятельствах он встречался.

Впервые обнаруженные архивные документы позволяют ответить, прежде всего, на вопрос о месте жительства и найти «ключ» к «дверям», за которыми уединялся Радищев, к его зашифрованным записям.

Исходя из предположения, что Радищев, его семья и дворовые могли быть на обязательной тогда для христианина исповеди в какой-нибудь из тобольских церквей, надо было просмотреть десятки огромных (по тысяче листов) дел, чтобы найти нужные сведения.

Оказалось, что в то время Радищев жил в приходе Михайло-Архангельской церкви. В исповедных росписях за 1791 год, указывающих фамилию и имя, время посещения церкви, в четвертой по порядку записи (в первых трех, как и в любых других росписях, перечисляются священнослужители и члены их семей, проживающие при церкви) читаем перечень 11 лиц, начинающийся с подпоручика Степана Ивановича Тюкина, 60 лет, бывшего у причастия 22 марта. А далее следует: «У них нещастной Александр Николаев Радищев 42 года, 10 апреля. Дети ево: Павел 7 лет, 10 апреля; Екатерина 8 лет, 10 апреля. Своячина ево бригадирская дочь девица Елисавет Васильева Рубановских 35 лет, 10 марта. Дворовые: Петр Иванов 36 лет — не был. Жена ево Марфа Иванова 25 лет, 28 марта. Давыд Фролов 37 лет — не был. Жена ево Марфа Алексеева 27 лет, 10 марта. Дочь их Анастасия 2 года — не была. Тимофей Сергеев 22 года — не был. Захарий Харлампиев 19 лет — не был. Девка Татьяна Ефимова 23 года — не была».

Эта запись важна во многих отношениях. По ней можно предположить, где именно находился дом Тюкина. В нем проживало 23 человека, составлявших шесть семей, для которых нужно было не менее шести-семи комнат. Еще несколько комнат занимали хозяйские «люди» и «дворовые» квартирантов. Ясно, что это был большой, скорее всего двухэтажный дом. То, что его жители перечисляются в росписи сразу же после семей священнослужителей, означает, что он находился рядом с церковью.

В конце 18 века в Тобольске было очень немного больших каменных домов и почти все они сохранились до нашего времени. Рядом с Михайло-Архангельской церковью, как видно из исповедных росписей, находился только один такой дом. На углу улиц Ленина и Кирова, прямо напротив церкви, сейчас стоит именно такое здание. На нем доска с надписью: «Здание гражданской архитектуры конца 18 века». Это и есть, по всем данным, дом Тюкина, в котором жил Радищев.

Запись важна и в том смысле, что по ней мы впервые узнаем, кто именно из дворовых последовал за Радищевым в Сибирь. Среди них мы видим камердинера Петра Иванова, того, что упоминается в «Путешествии из Петербурга в Москву», а также Давыда Фролова, который по приказанию Радищева сжег отпечатанный тираж книги и после допрашивался в уголовной палате.

Дом С. И. Тюкина, в котором жил А. Н. Радищев. Фото В. А. Попова.

Подпоручик С. И. Тюкин, проживавший в том же доме, что и Радищев, служил в подчинении у воезного коменданта Тобольска бригадира И. И. Мещерского и мог много рассказать своему соседу о своей службе, и о своих отношениях со многими чиновниками города.

В послужном списке С. И. Тюкина говорится, что он происходил из солдатских детей, в службу поступил в Кексгольмский полк в 1743 году. В 1765 году его произвели в подпоручики и перевели в Томский пехотный полк, а через пять лет за какие-то проступки он подал в Тобольский гарнизон, где и остался до конца жизни в том же звании подпоручика. В указе военной коллегии о переводе в Томск было сказано, что Тюкина «из Сибири в Россию выпускать не велено».

Не совсем обычное для «солдатских детей» образование, довольно быстрое продвижение по службе в первые ее годы, неоднократные столкновения с полковым и гарнизонным начальством — все это характеризует Тюкина как человека с развитым чувством собственного достоинства, открыто прорывавшимся не только «в нетрезвом состоянии». Очевидно, он был из тех не очень осторожных и расчетливых людей, которые на беду себе слишком несдержанны.

Надо полагать, что во время семимесячного пребывания в Тобольске, сделавшись после приезда детей и Е. В. Рубановской «домоседом», А. Н. Радищев часто и о самых разных вещах беседовал с Тюкиным, к тому времени уже человеком пожилым, но весьма энергичным и интересным своей биографией.

Он мог порассказать ссыльному писателю о своих стычках с местными чиновниками, с комендантом, охарактеризовать тех лиц, по отношению к которым Радищев должен был определить собственную линию поведения. С некоторыми из них он встречался впервые, других знал еще по Петербургу. Ясно, что объективными характеристики Тюкина быть не могли, но определенное представление о людях они давали.

Полуофициальными были отношения Радищева с губернатором А. В. Алябевым, дом которого находился неподалеку от дома Тюкина. Иногда вместе с Алябевым Радищев бывал в театре, где у губернатора была собственная ложа. Трижды посетив театр в конце марта — начале апреля, Радищев писал Воронцову, что на всех трех представлениях в общей сложности было не более 40 человек.

В числе лиц, к которым посещал Радищев в Тобольске, был председатель губернского магистрата Алексей Резанов и его теща, действительная статская советница А. Д. Черкашенинова, «генеральша», как называет ее Павел Радищев. Те и другие жили на горе в приходе Петропавловской церкви (по нынешней ул. Челюскинцев). Здесь же на квартире у советника казенной палаты М. И. Путковского жил вице-губернатор И. О. Селифонтов. Радищев встречался с ним и в Тобольске и в Иркутске, где Селифонтов позже был генерал-губернатором.

Был ли связан Радищев в Тобольске с кем-либо литературными интересами, сказать трудно. Воронцову он дал клятву ничего больше не писать (хотя мы знаем, что многие за-

мысли последних лет возникли у Радищева именно в Сибири: «Письмо о китайском торге», «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», «О человеке, о его смертности и бессмертии», «Ермак» и другие). Высказываемые многими исследователями предположения об участии Радищева в журнале «Иртыш, превращающийся в Илпокрену», не подтверждаются фактами. Он слишком хорошо понимал свое положение, чтобы подвергать себя еще более тяжкому наказанию. Да и никакой редактор (издатель) не захотел бы рисковать собой и журналом, представляя его страницы ссыльному революционеру.

Тем не менее литературными изданиями он интересовался и с некоторыми литераторами был знаком. Без сомнения, ему был известен губернский прокурор Иван Иванович Бахтин, один из самых активных сотрудников журнала. Судя по одному документу, он тяготился жизнью и службой в Тобольске и просил генерал-прокурора перевести его «в которую угодно, из других губерний, но и не столь отдаленную как Тобольская». К 1794 году мы уже находим его в Новгород-Северской губернии.

Очевидно, просьба о переводе была связана с выступлением против незаконных действий губернатора А. А. Волкова, с которым вел решительную борьбу и давнишний приятель Радищева И. Д. Прянишников, бывший председателем пермской гражданской палаты. Используя свое служебное положение и связи, Волков добился снятия Прянишникова с должности и отдачи под суд за «разрушение» установленных порядков. Лишь после двух лет унижительных мытарств Прянишникову удалось оправдаться, доказать свою невиновность. Та же участь могла ожидать и И. И. Бахтина, выступавшего с либеральными идеями в тобольском журнале.

Из писем Радищева можно заключить, что ему была хорошо знакома книга «Краткое описание, составленное из разных известию для пользования людей и скота от болезни, называемой в Сибири ветреною или воздушною язвою». Автором ее, как и некоторых других медицинских наставлений, был тобольский доктор штаб-лекарь Иван Петерсен. Радищев, его дети, Е. В. Рубановская часто и подолгу болели в Тобольске, и конечно, И. Петерсен не раз «пользовал» их, а Радищев бывал в его доме на горе. У Радищева мы находим несколько описаний местных болезней, их симптомов и способов лечения. Надо полагать, он делал это по книгам И. Петерсена, потому что других справочников о сибирских болезнях у него быть не могло (их, просто-напросто, не существовало). 8 мая 1791 года он шутливо замечал: «...Становлюсь в ряды учеников Эскулапа». А 12 мая И. Петерсен получил 1000 рублей гонорара за свой «Лечебник». Вполне возможно, что он подарил свою книгу и Радищеву, интересовавшемуся медициной и, как известно, успешно практиковавшему в Илимске.

Сближению с Петерсеном могло способствовать хорошее знание Радищевым немецкого языка и интерес к немецкой культуре, литературе, возникший у него в годы учебы в Лейпциге.

Встречался ли Радищев и с некоторыми неполитическими ссыльными, трудно сказать. Его сын пишет: «Из ссыльных замечательны были: Миха-

ил Алексеевич Пушкин, сосланный с меньшим братом и еще одним товарищем за делание фальшивых ассигнаций... Другой сосланный, Варлашев, москвич, был человек оборотливый, сделал себе и там небольшое состояние. Он был сослан за какой-то фальшивый акт. С ним прокурор Бахтин часто играл в шахматы, а иногда сажал в острог».

Павел Радищев пишет это явно со слов отца (самому ему было в это время всего 7 лет), который позже, уже вернувшись в Петербург, вспоминал жизнь в Сибири, в Тобольске и, может быть, оставил недошедшие до нас воспоминания, использованные сыном в 1850-х годах.

В своем «Дневнике» одного из этих ссыльных Радищев упомянул: «Пушкин ставит свечку». О другом из рапорта И. И. Бахтина от 12 февраля 1792 года мы находим подтверждение сообщения П. А. Радищева. Прокурор докладывал о махинациях Алексея Варлашева с мукой, которую он предлагал поставить Ширванскому пехотному полку. Он разъезжал «по округам, закупал для поставки немалое количество хлеба и пользовался торгую оным не принадлежащим ему правом».

Все это происходило еще во время пребывания Радищева в Тобольске.

Во время пребывания в Тобольске и встреч с различными людьми Радищев составил, надо полагать, достаточно полное представление о многих сторонах жизни этого города. Судя по заметкам, в его памяти запечатлелись и какие-то факты исключительные, любопытные. Одна из таких заметок — «Происшествие Кремлева».

Кто такой Кремлев, что за происшествие случилось с ним? Новые архивные находки позволяют сделать некоторые предположения.

Федор Федорович Кремлев — именитый гражданин города, самый состоятельный купец первой гильдии. В 1790 году, как говорит обывательская книга, им было «объявлено капиталу 50 000 рублей (у остальных купцов объявленный капитал не превышал 10 000 руб.) Кремлев отдавал деньги в рост и получал большие проценты. Так, 27 марта 1791 года он отдал в Приказ общественного призрения 10 000 рублей, а уже 17 мая получил одних процентов 450 рублей. Не чурался он и «общественной» деятельности: с 1788 года был бургомистром, а с 1791 — ратманом в городском магистрате. Это давало ему возможность легко «узаконивать» те или иные денежные операции. Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Откупив все питейные сборы по городу, он вдруг столкнулся с бесчисленными «тайными» конкурентами. 6 марта 1791 года Кремлев жаловался в управу благочиния на то, что в Тобольске во многих местах «производят варение пива, коему чинят и продажу, равно и виноградные вина продают не обтом, но рюмками и стаканами». Он требовал немедленно запретить эту торговлю «в розницу и на вынос».

Неизвестно, чем кончилось дело, но известно, что позже Кремлев объявлял «капиталу» значительно меньше (в 1800 году — всего 8050 руб.). Может быть, это и имел в виду Радищев. Какое-то отношение к сказанному имеет и другая его запись: «Жизнь кабацкая».

30 июля 1791 года Радищев выехал из Тобольска и вновь остановился здесь ненадолго (с 1 по 22 апреля 1797 года) на обратном пути. В это время губернатором был действительный статский советник А. Г. Толстой, вице-губернато-

ром — бригадир Д. Р. Кошелев, обер-комендантом и городничим все те же П. Я. Мордвинов и И. П. Топорков. По-прежнему жива была «генеральша» А. Д. Черкашенинова (муж ее к тому времени умер), там же жили Резановы, а прежнем месте работал П. И. Блохин, здравствовал «обедневший» Кремлев. В губернском правлении, которое Радищев навестил в первую очередь, советником работал теперь А. Я. Павлуцкий.

Но многое к тому времени изменилось. Уже не издавался журнал, не было его сотрудника И. И. Бахтина, выехал гостеприимный, но осторожный А. В. Алябьев, в другом месте служил И. О. Селифонтов. Кто-то кого-то притеснял и грабил («...история о притеснениях и грабежах»), кто-то на кого-то доносил («...уши в уголовной палате»), келейно обдумывались коварные замыслы («...для чего на пирог созыв у Ушакова»). Архивные документы позволяют ответить более или менее определенно только на два вопроса: что за «уши» были в уголовной палате и кто такой Ушаков.

При просмотре списочного состава уголовной палаты выяснилось, что ее советник А. Е. Нечаев, числясь в списках, в действительности «находился в Москве в следственной комиссариатской комиссии» с 1789 по 1797 год. Через него-то, очевидно, и шли в столицу компрометирующие местных чиновников сведения.

Ушаков же был до 20 декабря 1790 года городничим Тобольска. Судя по тому, что позже он находился не у дел, его сняли с этой должности за какие-то упущения. Вокруг него и группировалась партия, недовольная новым губернатором.

Вторичное пребывание в Тобольске было для Радищева печальным. «В горести свидеться с теми, кого больше всех на свете любишь, или расстаться с ними навеки», — заметил он в «Дневнике», вспоминая приезд Е. В. Рубановской в 1791 году и имея в виду ее смерть в этом же городе 7 апреля 1797 года.

До сих пор не было известно, где останавливался Радищев на этот раз, в чьем доме скончалась эта, по его словам, «героическая женщина», его «подруга по несчастью», «сопутница верная», «дорогой друг». Зная из некоторых дневниковых записей, что на обратном пути Радищев имел обыкновение останавливаться у уже знакомых ему людей, снова обращаемся к метрическим книгам Михайло-Архангельской церкви и сразу находим соответствующую запись от 9 апреля (день погребения Е. В. Рубановской по дневнику Радищева): «Того же числа майорская дочь двца (девица.— А. Т.) Елисавета Рубановская 47 лет помре».

Запись эта не точна (как и запись о ее причастии в 1791 году). Сделавший ее священник Никифор Иванович Пономарев, знавший Рубановскую еще по 1791 году (он был тогда дьяконом в этой церкви), что-то напутал. Подруга Радищева была не майорской, а бригадирской дочерью, и в 1797 году ей было не 47, а 38 лет (она родилась 13 июля 1758 года). Очевидно, во время отпевания он не решился спросить расстроенного Радищева, а потом записал о ней в книге по памяти, приблизительно.

«Сей город навеки будет иметь для меня притяжательность», — записал Радищев в своем дневнике.

А. ТАТАРИНЦЕВ

ФАКТОРИЯ НА МАТЮЙСАЛЕ

Л. СЕДОВ, фото автора

Две-три избенки да столько же чумов на фоне сероватых льдов Карского моря — вот и вся фактория. Такой мы увидели ее с небольшой высоты.

Едва поплавки мягко ткнулись в прибрежный песок и самолет, качнувшись, замер, все население фактории высыпало на берег. Ведь самолет — это вести от родных и друзей, запчати к замолкнувшим двигателям, почта... Самолет — это кусочек Большой земли.

Фактория оказалась чуть больше той, какую видишь с самолета. Есть здесь свой мерзлотник, к которому ведет дощатая лежневка с пирсами. Есть своя пекарня, магазин, медпункт, баня. Есть маяк, вкривь и вкось исписанный вензелями таинственных вань и маш, некогда посетивших этот далекий уголок. Есть море — тихое, соленое, забитое льдами насколько хватает глаз. Есть солнце — и днем, и ночью, если прилетишь сюда летом. Два раза в сутки — прилив. Один раз в год сюда приходит караван судов из Салехарда...

От устья Северной Двины и Печоры сюда в поисках «драгоценной рухляди» еще в конце XV века хаживали лихие поморы. Им уже в те времена был известен остров Вайгач и отделяющий его от материка пролив Югорский Шар. Они «бежали парусом» через «злые места» до полуострова Ямал, поднимались вверх по реке Мутной, впадающей в Байдарацкую губу, волоком тащили лоды к верховьям реки Зеленой, текущей в Обскую губу и, минуя безымянный тогда остров Шокальского, попадали на тупой песчаный мыс.

Может, здесь, а может, южнее, в низовьях Таза, искали русские торговцы пушниной заветную Мангазею, как испанские конкистадоры XVI века искали золотую страну Эльдорадо.

Позднее, в первой половине XVIII века, храбрый лейтенант Овцын на дуль-шлюпке «Тобол» по пути в Туруханск огибал Гыданский полуостров и проходил проливом между островами Олений и Сибиряков. Не суждено было лейтенанту повторить и описать свой беспримерный вояж: за связь с опальными Долгоруковыми он был арестован ищейками Бирона и сослан на Камчатку в распоряжение Беринга.

Годы незримым валом катили через тупой мыс, оставляя в память о себе истлевшие остатки судов, заломы некогда гигантских деревьев, мощные отложения песка и гравия...

Приходили и уходили люди. И невдомек им, искателям приключений, что мыс давно облюбован неторопным коренным народцем и прозывается Матюйсале, что в переводе с ненецкого значит — тупой мыс. А речка утолявшая жажду пришельцев, именуется Салямлебтабда — река, делящая сушу пополам.

Сегодня при впадении этой речушки в море стоит самая северная фактория Гыданского рыбзавода, что в Тазовском районе, Тюменской области.

Зимой немногочисленные служащие фактории заняты заготовкой пушнины и снабжением охотников и оленеводов всем необходимым. Летом — принимают от рыбаков, солят и морожат впрок отменного карского омуля.

Люди на вид обычные, но присядешь с любым из них, поговоришь, послушаешь... Что ни человек — то биография на целую повесть.

Вот мастер рыбообработки Василий Александрович Крюков. Фронтвик, с первых послевоенных лет связавший свою судьбу с тюменским севером. Он лично знал самого Басаргина, основателя фактории.

— Крутой был помор, — вспоминает Крюков, — не любил дознаваться, кто прав, кто виноват. Так распалится, бывало, что хоть святых выноси. А отойдет — нет его милей. Родом он из-под Архангельска, а жизнь прожил здесь, на нашем севере. Он бывал в зимовках на Вайгаче, Белом, в экспедиции ученых на Ямале...

1949 год — наиболее точная дата основания фактории. В начале пятидесятых годов Басаргин скончался и похоронен на здешнем халмере (кладбище). По традиции знакомство с факторией и начинается именно с этого места. Мрачный холмик с замшелым крестом, на котором с трудом разбираешь имя первопроходца, — самая дорогая реликвия Матюйсале.

В Гыде мне рассказывали, что три года назад во время шторма Крюков, рискуя жизнью, снял ненецкую семью с тонувшей рыбницы.

В ночь на 25 августа выдавший виды АМБ

Приводнились

тянул на чалке баржу — рыбницу с грузом стройматериалов — из Гыды в Матюйсале. На борту баркаса — шкипер, моторист и рыбмастер Крюков, на рыбнице — ненец-кормщик с женой и тремя ребятишками. Стояла обычная для того времени штормовая погода — дул ветер на пять-шесть баллов, шел снег. На траверсе мыса Восточный рыбница дала сильную течь по кормовому отсеку и стала тонуть. Ненец с семьей переправился на нос, запалил огонь — сигнал бедствия. На баркасе заметили, подошли к рыбнице настолько, что Крюков сумел спрыгнуть на нее, помог ненцу отвязать тесную колганку, посадить в нее семейство и переправить на баркас.

— Рисковый ты, Василий, — сказал Крюкову шкипер. — Думал, не управишься...

Живет на фактории ненец по имени Хача Явай. Летом бондарит в соленом лабазе, а зимой, когда рыбаки оставляют Матюйсале, Хача вроде завхоза. Об одиссее этого знаменитого ненца вся Гыданская тундра знает.

Собрал однажды Хача свои нехитрые амга-

ри (поклажу с едой да патронами) и отправился по льдам промышлять тюленя. Выследил он зверя и не заметил, как льдина треснула, оторвалась от поля, вышла в открытое море. Спихватился охотник, да поздно: амгари его вместе с ружьем в заливе остались. Больше месяца про-

Хача Явай

вел: Хача на льдине, питаясь мясом убитого тюленя.

Едва живым нашли его охотники и доставили на факторию. Фельдшер вызвал санитарный самолет — спасли охотника. Оправился Хача, набрался сил и по первому льду махнул в Явайскую тундру за семьей. С тех пор и живет он на фактории в своем собственном чуме, что против лавки.

Захворал как-то Крюков. И надо же беде случиться — пурга, лютовавшая в ту пору, в щепы разнесла мачту, нарушила связь фактории с Большой землей. В избушку к больному явился Хача в полном снаряжении — на ногах оленьи кисы, гусь поверх теплой малицы, а за спиной — карабин.

— Куда ты, Хача! — спрашивает Крюков.

— На остров пойду, там станция. Спасать мастера надо...

Сто двадцать верст до Оленьего, зимняя мгла, пурга, стужа, но Хача дошел до станции...

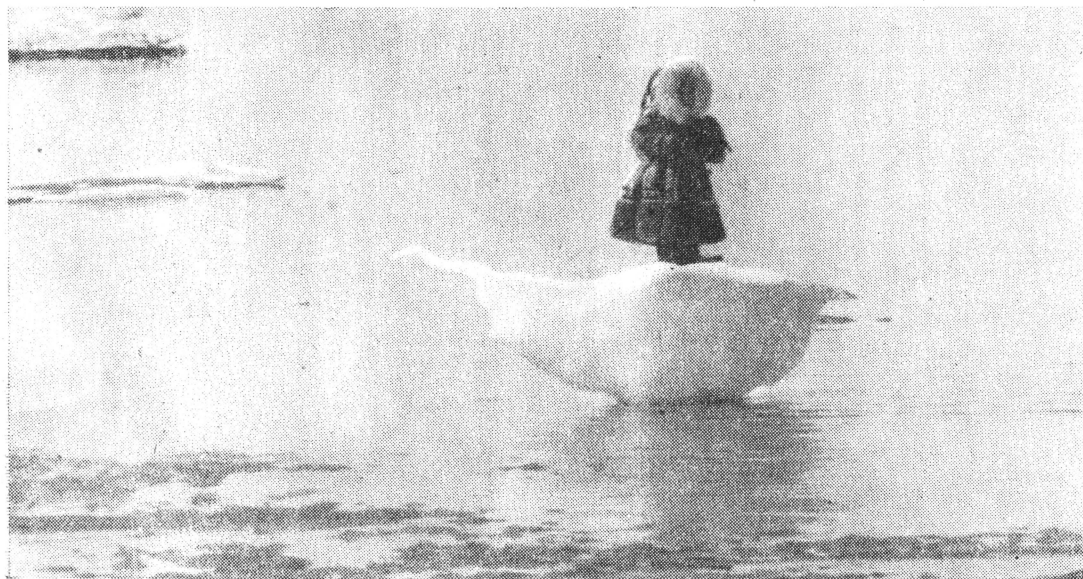
Третий год живет на фактории заведующий торговым пунктом Владимир Петрович Черенков. По всей Гыданской тундре идет добрая молва о молодом продавце. Слухи не преувеличены, ручаюсь. Коммерческий год близок к концу — время ждать караван с новым продовольствием. Что греха таить, скудно вато с провизией на многих

В. П. Черенков

участках, да и в самой Гыде не густо, а на прилавках крохотной матюйсалинской лавчонки — клюква с сахаром, грибной салат, сайра в масле, пастеризованные помидоры и огурцы...

Провожают на Матюйсале, как и встречают, — всем миром. Самолет, набрав высоту, делал уже прощальный круг над Тупым Мысом, а жители фактории все еще толпились на берегу, махали нам руками.

Карское море, белый пароход...

Игорь Роскоховатский
**пугать СЕЯТЕЛЬ
ЗНАЕТ**
фантастическая повесть

Рисунки Е. Стерлиговой

Людмила Николаевна и Валерий на время перестали заниматься с дельфинами, придумав для себя оправдание, что животным необходимо отдохнуть. Вниманием людей завладел Мудрец — его гибкие ловкие щупальцы с коричневыми пятнами и четырьмя рядами присосок, просвечивающие сердца — обычное и два жаберных, двулобая голова — такой вид ей придавали увеличенные глазные выступы и два белых пятна. Люди могли без конца наблюдать, как Мудрец меняет облик, иногда неразличимо сливаясь с аквариумом. Достигал он этого разными способами: расплывался, изгибал тело, прятал глаза, покрывался пятнами. Когда люди играли с ним в прятки, Мудрец подымал со дна аквариума камни и держал их перед собой, закрывая блестящие зрачки.

— А ведь он по крови аристократ, — как-то сказал Валерий, любуясь осьминогом.

— Что вы имеете в виду? — рассеянно спросила Людмила Николаевна, обдумывая вопросы, которые задаст Мудрецу.

— Я недавно прочел, что у осьминогов кровь голубая. В ней содержится не гемоглобин, а гемоцианин, растворено не железо, а медь. Она-то и придает крови синеватый цвет. Так что осьминога можно называть «ваше величество» или «ваше сиятельство», а еще лучше — «ваше мудрейшинство»...

Своими шутками Валерий хотел заглушить неосознанную тревогу, пришедшую неведомо откуда и по какой причине. А в последнее время появилось еще что-то. Казалось, будто чужая враждебная сила вторглась в его голову и давит на мозг, мешает думать. Он постоянно ощущал это давление.

— Мудрец, если мы правильно поняли, ты

научился человеческому языку, слушая наши разговоры? — обратилась Людмила Николаевна к осьминогу.

— Да.

— Ты понимаешь все, что мы говорим?

— Нет.

— Все, что мы говорим дельфинам?

— Да.

— И еще больше?

— Да.

— Ты знаешь, что означают слова: люди, море, пища?

Мудрец молчал.

«Может быть, нельзя в одном вопросе объединить все эти слова?» — догадался Валерий и спросил:

— Ты знаешь, что означает слово «люди»?

Тотчас послышался ответ:

— Да.

— А «пища»?

— Да.

— Море?

— Нет.

— Но это же очень просто. Море — это все, что за стенами нашего дома, там... — он сделал выразительный жест. — Теперь ты понял слово «море»? Попробуй повторить его.

— О-о-о, — с бульканьем произнес осьминог. И одновременно Валерий четко услышал свой собственный голос, повторивший: «море».

— Вы тоже слышали? — повернулся он к Людмиле Николаевне.

— Что именно? Как он протянул свое «о»?

— Сколько раз я сказал «море»?

— Вы — как ребенок!

— Поверьте, я не шучу! Ответьте, пожалуйста, — он сказал это почти умоляющим голосом, — сколько раз я сказал «море»?

— Два раза, конечно.

«Плохо. Потеря самоконтроля или еще хуже,— думал Валерий.— Второй раз я произнес его не потому, что хотел произнести, наоборот — вопреки себе. Если эта психическая ненормальность вызвана давлением, радиацией, температурой — полбеды!...» Наконец он повернулся к Мудрецу:

— Слушай внимательно. Ты знаешь, что где-то здесь близко находятся другие люди? Здесь, в море, за стенами дома?

— Да.

— Они воздействуют на дельфинов?

Валерий хотел уточнить — «понимаешь меня?», но Мудрец ответил на его вопрос раньше, чем услышал следующий:

— Да.

— Ты уверен, что это люди? Люди?

— Да. Да.

«Люди, всегда люди, как во многих мрачных загадках...»

Валерий чувствовал — еще немного, и его голова расколется от боли, как перезревший орех. Он взглянул на растерянное лицо Людмилы Николаевны. «Может быть, и она испытывает то же самое? Надо спросить... О чем? Ах да, о чужом воздействии... О тишине за окнами «колокола». О вечной ночи морского дна... А всплески волн где-то бесконечно далеко — там, где звонят телефоны и кричат чайки... О чем я хотел спросить?»

Он услышал знакомый призывный свист, сток, плеск... Увидел, как Людмила Николаевна распахнула дверь в коридор. Звуки стали громкими. Валерий бросился за ней в дельфинник. Уже с порога увидел Актрису, ее голову с блестящим глазом, чуть приподнятую над водой. Она лежала на боку, казалось, сейчас призывно замашет ему грудным плавником: давай поиграем в мяч! Но что-то в ее позе было необычным, настораживало. То ли опущенный хвост, то ли неподвижность плавников... Валерий почувствовал беду еще прежде, чем услышал отчаянный крик Людмилы Николаевны:

— Она умирает!

Актриса чуть-чуть приоткрывала клюв, приглушенный свист вырывался из дыхала. Валерий разглядел, что она не плышет, что ее поддерживает на поверхности Пилот. Иногда показывалась часть его головы, слышался пронзительный призывный свист.

— Звоните Славе, скорее! — попросила Людмила Николаевна.

Валерий бросился в коридор и остановился от неожиданности. Навстречу ему, оставляя мокрые следы на линолеуме, ковылял на своих щупальцах Мудрец.

Валерий пропустил своего помощника к Людмиле Николаевне и поспешил к телефону. Снял трубку, но гудка не услышал. Он постучал по рычагу, убедился, что телефон бездействует, и побежал обратно, к дельфиннику.

Осьминог стоял над бассейном, недалеко от двери, устремив неподвижный взгляд на Актрису, и постепенно менял цвет — розовый на серый в крапинку. Его длинные верхние щупальцы то вытягивались, то сжимались, словно он не мог прийти к решению, бросаться ли на выручку.

— Сюда! Сюда! Ко мне! — звала дельфинов Людмила Николаевна.

Пилот подтолкнул к ней безжизненное тело своей подруги, издал резкий свист и встал в воде вертикально, работая хвостом. Он посмотрел на

Людмилу Николаевну, на Валерию, будто прощаясь с ними. Потом увидел осьминога, и во взгляде Пилота, показалось журналисту, блеснула и погасла ярость. Прежде чем Валерий успел позвать дельфина, тот опустился в воду, быстро поплыл к месту, где стоял Мудрец.

Раздался гулкий удар — это Пилот изо всей силы ударился головой о пластмассовую стенку. Его отбросило назад. Кровь залила ему глаза, и, закрыв их, он замер в «позе тоски» — с изогнутым вниз хвостом, на боку.

— Пилот! — позвал Валерий, шагнув к ограждению бассейна, готовясь прыгнуть и плыть к дельфину.

Внезапно он почувствовал, будто что-то удерживает его. Взглянул вниз и увидел щупальце, обвившееся вокруг ноги. Валерий попытался освободиться, однако Мудрец не отпустил, а наоборот, еще сильнее сжал ногу журналиста.

— Пилота уже не спасти... — прозвучал голос Людмилы Николаевны.

— Но может быть...

— Для этого надо было спасти Актрису. А она умерла. Он не переживет...

Пилот снова резко бросился вперед. Второй удар, третий... Дельфин еще был жив, но уже с трудом держался на поверхности бассейна.

— Отпусти меня, Мудрец, слышишь, немедленно отпусти! — закричал Валерий.

Мудрец повиновался.

— Стойте! — По лицу Людмилы Николаевны текли слезы, и она даже не пыталась их сдержать. — Ему не поможете, а себя погубите. Он ведь уже не сознает, что делает...

Будто опровергая ее слова, дельфин открыл глаза и посмотрел на людей. Даже сейчас в его взгляде светилась любовь к ним — странным двуруким дельфинам, не вернувшимся в море.

А спустя несколько секунд Пилот опять бросился на стенку бассейна. Удары следовали один за другим беспрерывно. Во всем бассейне вода покраснела от крови. Наконец дельфин затих...

Людмила Николаевна уткнулась головой в грудь Валерия. Он пробовал ее увести, но она не хотела уходить. Боялась посмотреть в сторону бассейна и вспоминала, как Пилот подолгу стоял на хвосте, чтобы лучше рассмотреть, чем она занимается, как защищал ее от резиновой акулы, как злился на свое отражение в зеркале, брызгал на него водой и ругался...

В тишине прозвучали мокрые шлепки и шарканье — это осьминог ушел из дельфинника. Валерий посмотрел ему вслед и сказал:

— Мне показалось, что Пилот хотел напасть на осьминога. Может быть, у него были причины ненавидеть спрута?

Людмила Николаевна не отвечала, и он предпринял новую попытку отвлечь ее:

— Надо еще раз проверить сетку. Возможно, Мудрец ухитрился отстегнуть ее и забрался к дельфинам...

— Ему пришлось бы плохо, — проговорила Людмила Николаевна.

— Но не зря же Пилот ринулся на него...

— Только в ту сторону, а не на него. Если бы Пилот хотел, он мог выпрыгнуть из воды и достать осьминога. А он и не пытался.

Валерий был сражен этим доводом, но поспешил продолжить разговор:

— Необходимо обнаружить тех, кто виноват в гибели дельфинов. Не сомневаюсь, что это лишь часть их замысла.

Он увидел, что его слова достигли цели. Женщина подняла голову, обозначилась морщина между бровей. Валерий заговорил быстро, боясь, что к Людмиле Николаевне вернется прежнее состояние:

— Каков же весь замысел? Что им нужно? Теперь они, очевидно, нацеливаются на нас. Телефон испорчен. Опять они? Надо послать товарищам «торпеду» с запиской.

Он почти силой увлек ее в салон, заставил помогать ему.

— «Торпеду» могут перехватить. Нужно составить такую записку, чтобы, даже прочитав ее, они не поняли, что мы о чем-то догадываемся. Вы не помните, как зовут Жербицкого, командира подводной лодки?

— Олег.

— Значит, пишем так: «Привет со дна морского. У нас все в порядке, вот только не работает телефон. Кажется, Олег был прав, и не мешает пригласить его коллег для совместных исследований. Но сделать это нужно поскорей, так как мы не хотели бы затягивать подводную охоту...»

— «Охоту» писать не нужно. Слишком прозрачно, — возразила Людмила Николаевна.

Валерий с готовностью согласился.

— Ладно. Напишем иначе: «Мы с нетерпением ждем их, чтобы немедленно приступить к работе».

Людмила Николаевна одобрила этот вариант записки, и они стали готовить к пуску «торпеду» — пустотелый цилиндр с водометным двигателем и автоводителем — аппаратом считывания программы.

— А пока придет помощь, мы можем поработать с Мудрецом, — предложил Валерий.

Он с волнением ждал ответа, от которого зависело многое — во всяком случае для нее. Когда Людмила Николаевна согласилась, он с облегчением подумал: «Хоть немного отвлечется».

— Мудрец! — позвал Валерий.

Осьминог сразу же отреагировал, приподнявшись на щупальцах в аквариуме.

— Сюда! Иди к нам. Быстрее!

Осьминог попробовал, как натянута сетка,

убедился, что она не застегнута. Он отодвинул ее и, с силой вытолкнув из воронки воду, перелетел через стенку аквариума. Описав в воздухе дугу, тотчас заковылял к людям.

— А он ползает по полу не так уж медленно, — заметила Людмила Николаевна.

— У какого-то автора, надеюсь, у серьезно, говорится, что осьминоги могут сутками путешествовать по суше. Воду они хранят «за пазухой» — накрепко запирают ее в мантийной полости. А скорость их передвижения будто бы равна скорости человека, идущего средним шагом...

— Нет, — произнес Мудрец, останавливаясь напротив Людмилы Николаевны.

— Ты опровергаешь ученого? — удивился

Валерий.— Осьминоги не могут передвигаться по суше быстро?

— Могут,— проговорил Мудрец, брызгаясь водой из воронки.

— Значит, они не могут долго оставаться на суше?

— Не могут,— подтвердил Мудрец.

Валерия вдруг осенило.

— Здесь неподалеку много таких осьминогов, как ты?

— Нет.

— А где вы еще водитесь? Есть такие места?

— Да.

— Ты знаешь эти места?

— Да.

— Ты согласен нас туда провести?

— Да.

— Удивительно покладист,— поразилась Людмила Николаевна.— Даже как-то несвойственно недрессированному животному... Мудрец,— обратилась она к осьминогу,— если ты будешь выполнять то, что мы тебе скажем, получишь много крабов. Согласен?

— Да.

— Мы выпустим тебя в море. Ты проплывешь вокруг дома три круга и вернешься.

— Да,— отозвался осьминог.

Валерий подумал: «Она молодец. Если Мудрец проделает это и вернется, можно будет выполнить все, что не смогли сделать дельфины...»

Он принялся готовить «окно» для выхода осьминога. Мудрец нырнул в люк, сквозь прозрачную пластмассу было видно, как он изменил цвет, реагируя на изменение давления. Едва открылась последняя заслонка, он сложил щупальцы стабилизирующими выступами наружу и ринулся вперед, сразу же растаяв во тьме.

Людмила Николаевна включила прожекторы. Но их лучи не могли пробиться дальше, чем на пять-семь метров. Словно сказочный единорог, проплыла совсем близко рыба-кузовок, и было отчетливо видно, как она поочередно гребла плавниками, слегка пошевеливая хвостом.

— Вернется ли он? — вырвалось у Людмилы Николаевны.

Валерий бросил быстрый взгляд на ее осунувшееся лицо, отметил припухлость у глаз. Подумал, сколько сил приходится ей тратить, чтобы держать себя в руках. Внезапно в кольцо света, распугав рыб, влетела темная торпеда, развернулась, затормозила перед самой стеной, и Валерий увидел огромный осьминожий глаз, подмигивающий ему. Послышалось: «Раз!»

«Вот тебе и причина слуховой галлюцинации,— сообразил Валерий.— Ведь это я сам, думая о том, что Мудрец сделал первый круг, мысленно произнес это слово. От моря мы отделены звуконепроницаемыми стенами, а микрофоны включены...»

Он потянулся к пульту и включил систему микрофонов, в которой были и ультразвуковые преобразователи. Снаружи донеслась болтовня рыб: хрюканье, свисты, мычанье, похожее на коровье, щелканье креветок. А вот и сами креветки выплыли из темноты, шевеля усами-саблями и настороженно глядя на стену «колокола». Неприятный свет привлекал подводных обитателей, и к странной «скале» собрались рыбы всевозможных форм и расцветок — жемчужно-голубые, ярко-синие, серебристо-красные...

Но вот звуки изменились, рыбы испуганно метнулись в разные стороны. В круг света снова

ворвалась живая торпеда, послышалось: «Два!»

«Я или он?» Что-то мешало Валерию думать, что-то давило на его мозг. Он уже был знаком с таким ощущением и боялся его.

Блеснула новая мысль, как рыба в лунном озере. Валерий быстро спросил:

— Вы ничего не слышали?

— Как же, он считает круги.

«А в первый раз? Тоже он? Но как я мог его слышать при выключенных микрофонах?»

Он увидел, как Людмила Николаевна подняла руки и сжала ими свою голову.

— Мудрец возвращается,— отметил Валерий вслух.

Но Людмила Николаевна не слышала его слов.

«Они хотят уничтожить нас,— думала она.— Начала наш мозг. Вот откуда это непреодолимое давление... Их надо найти. И в этом нам помогает осьминог. Осьминог Мудрец... Будь благословен за то, что ты помогаешь нам! Осьминоги важнее для нас, чем дельфины. Они разумнее, исполнительнее... Это самая важная мысль, к которой я пришла. А вот и Мудрец возвращается...»

Темное ядро, влетевшее в круг света, резко затормозило.

«Сейчас все решится,— думал Валерий.— Он еще может уплыть в море. Зачем ему мы? Что бы я сделал на его месте?.. Осьминоги важнее для нас, чем дельфины. Они разумнее, исполнительнее... Это самая важная мысль, к которой я пришел...»

Он бы очень удивился, если бы ему сказали, что точно так же, даже теми же словами, думает Людмила Николаевна. И он бы начал сомневаться в правильности своей мысли... Но ему никто ничего не сказал.

Мудрец подплыл к наружной заслонке, протянул щупальце и попытался ее открыть. Валерий помог ему.

Батискаф шел над самым дном по спирали. Слава разыскивал «колокол» и попутно осматривал «окрестности». Командир группы водолазов доложил ему, что обрыв кабеля не выявлен и, по всей вероятности, неисправность надо искать то ли в самом телефонном аппарате «колокола», то ли в контактных пластинках на выводах. А раз так, то обитатели подводного дома могли бы и сами исправить неполадки. Почему же они этого не сделали?

Так возник единственный повод для беспокойства, ведь приборы показывали, что механизмы «колокола» работают нормально. Можно было бы еще подождать, но как заглушить тревогу? Она была легкой, но неотступной. Ее можно было бы назвать интуитивной, если бы Слава не понимал, в чем тут дело. Он хорошо знал Люду и Валерию. Не стали бы они сидеть сложа руки. Если они не устранили поломку, то можно предположить, что на это имелись веские причины.

В последнее время Слава, как казалось всем, незаметно подчинил себе сурового командира подлодки Олега Жербицкого. Тот признавал его авторитет, соглашался с разумностью его суждений, почти не спорил. И поскольку умел подчиняться и точно выполнять приказы, то лучшего помощника трудно было найти. Олег стал как бы тенью руководителя экспедиции. Слава называл его своим другом, остальные, за глаза,—

ординарцем. И сейчас «ординарец» находился рядом со Славой. Он вел наблюдение, манипулируя боковыми прожекторами, и, видимо, что-то заметил, так как потушил в салоне свет. В темноте зеленовато светились стрелки приборов и контрольные лампочки. За кормой то вспыхивал, то погасал серебристый снап.

— За нами кто-то плывет,— сказал Олег.— Но прожектор не достает до него.

Погасили прожектор, проплыли несколько десятков метров. Слава почувствовал неприятную тяжесть в голове. Это не была боль, которой обычно сопровождается повышенное давление. Казалось, будто кто-то смотрит неподвижным взглядом тебе в затылок, ты хочешь обернуться и не можешь. Тяжесть усиливалась, мешала думать, приходилось бороться с ней.

— Давай! — сказал Слава, резко останавливая батискаф.

Олег включил на полную силу кормовой прожектор. Темное тело метнулось вправо, но было поймано боковым прожектором.

— Осьминог, черт бы его побрал! — с облегчением сказал «ординарец».

— Кажется, он не хочет, чтобы мы его видели, и не прочь рассмотреть нас,— заметил Слава.

Осьминог вильнул в одну сторону, потом в другую, прикрылся «капюшоном», изменил цвет. Он мог бы просто удрать от корабля, но не делал этого, наоборот — старался выйти из луча света и приблизиться к батискафу.

Слава пересел к переключателям. Он потушил на две трети боковой прожектор, выключил кормовой и зажег свет в салоне, ожидая, когда же осьминог прильнет к иллюминатору. Но тот предпочитал наблюдать за людьми издали. Он маячил примерно в полуметре от иллюминатора и в слабом свете казался бесформенной массой.

— Поведение осьминогов изменилось,— проговорил Слава.— Но почему? Мы ведь не давали поводов...

— Может быть, дали повод другие? — предположил Олег.

— Люда и Валерий?

— Не обязательно они...

— Ты продолжаешь подозревать, что здесь есть враги? Но зачем им эта бухта и мы?

— А ты забыл, что работы с дельфинами имеют военное значение?

— Не путай, старина. Вся эта кутерьма началась задолго до того, как прибыла Люда... Давай лучше попробуем подманить его поближе.

Слава соорудил из носового платка и автुरुчек подобие краба и поднес его к иллюминатору. «Краб» шевелил клешнями, но осьминог не клюнул на приманку.

— Мистификация не удалась,— разочарованно сказал Слава.— Ну что ж, октопус, до свидания. У нас нет времени на игру в прятки.

Он включил двигатель и носовой прожектор, повел батискаф по прямой.

Скоро впереди появилось светлое блюдце — в луче прожектора блеснул «колокол». Слава замедлил ход батискафа и подвел корабль так, чтобы иллюминатор находился напротив «окна» подводного дома. Он увидел Валерия и Люду, прильнувших к прозрачной пластмассе, и успокоился.

— Поздоровайся и спроси у них, как дела,— сказал он Олегу.

Тот замигал боковым прожектором, начиная

световую морзянку. В ответ заговорил прожектор «колокола»:

«Все в порядке. Получили ли письма?»

— Передай — письма не получали,— сказал Слава.— Спроси, почему не наладили связь.

— Они просятся к нам в батискаф,— с недоумением проговорил Олег.

— Вижу,— недовольно сказал Слава.— Можно подумать, что это так просто сделать. Говорят «все в порядке», а меры просят принять по крайней мере аварийной ситуации. Спроси, правильно ли их поняли?

Увидев ответ, он чертыхнулся и стал осторожно разворачивать корабль, чтобы напротив «окна» оказался люк. Одновременно в «окне» раскрылись створки, выдвинулся «рукав» с присосками. Часть корабля вошла в «рукав».

Маневр занял около двух часов.

— Одевайся! — скомандовал Слава и сам, ворча, тоже стал втискиваться в скафандр. Сделать это в салоне батискафа было не просто.

Послышались удары по крышке люка. Слава приоткрыл ее так, чтобы образовалась щель в долю миллиметра.

Губы Олега за пластмассой шлема зашевелились, и Слава понял, что он говорит:

— Порядок! Открывай!

Люк открывался очень медленно. Слава сильно нажал подбородком на пластину блокиратора, шлем автоматически откинулся с его головы. Олег сделал то же самое.

— Хоть бы они догадались снять скафандры в «рукаве», — проворчал Слава.

Оказалось, что Люда и Валерий в нарушение всех инструкций вошли в «рукав» вообще без скафандров. Как только люк открылся, они нырнули в него.

Слава открыл рот, чтобы выразить крайнее возмущение, но увидел их лица с выпученными, почти безумными глазами.

— Что с вами? — закричал он.

— Закрывай люк и гони отсюда! — прошептал Валерий, садясь на пол.

— А дельфины? — спросил Олег.— Вы оставили им достаточно пищи?

— Не забыли включить автоматы «рукава»? — напомнил Слава.

— Не забыли. Быстрей! — шепотом произнесла Людмила Николаевна.

Слава закрыл люк и запустил двигатель, недоверчиво глядя в задний иллюминатор. Но вот пространство за ним прояснилось, черная труба «рукава» медленно отодвинулась, уходя в «колокол».

— Дельфины... — начала Людмила Николаевна, но Валерий жестом остановил ее.

— Что случилось?! — багровея, рявкнул Слава.

— Гони!

Подчинившись не словам, а необычному тону Валерия, Слава больше ничего не спрашивал. Только когда батискаф закачался на поверхности у борта корабля-базы и открылся верхний люк, Валерий сообщил:

— Дельфины погибли.

Слава хотел созвать на совещание всех участников экспедиции, но неожиданно запротестовал Жербицкий. А когда Слава, несколько удивленный самостоятельностью «ординарца», попробовал объяснить, что, дескать, «ум — хорошо, а десять — лучше», Олег сказал:

— Ты этого не сделаешь.
— Опять играешь в командира? — разозлился Слава.
— Пора бы понять, что время игры прошло, и вспомнить об ответственности.

Олег сказал это так, что Слава сразу же понял: Жербицкий только притворялся «ординарцем» и вовсе не так прост, как думалось. Сейчас он открылся, он говорил непрерываемо:

— Я сообщу в штаб. До получения приказа попрошу никому не говорить о том, что произошло.

Приказ Олега не касался лишь Людмилы Николаевны. Пережитое в «колоколе» нашло выход в нервном припадке, и ее пришлось срочно отправить вертолетом в больницу.

Вскоре у входа в бухту появился серый длинный корабль в сопровождении противолодочных катеров и подводных лодок. Над водой повисли вертолеты.

За Славой, Валерием и Жербицким пришел военный катер под флагом командира эскадры. Они прибыли на эсминец, прошли в командирскую каюту. Здесь их ожидало несколько человек: высокий красивый контр-адмирал с курчавыми, как у африканца, черными волосами и два капитана первого ранга. В дальнем углу каюты сидел четвертый — моряк с погонами капитан-лейтенанта, лысый, толстый, притенивший глаза красноватыми веками. Задавая вопросы, контр-адмирал все время поглядывал на него, будто ожидая, не захочет ли и он спросить о чем-нибудь.

Моряков интересовало все, начиная с исчезнувшего контейнера и кончая удивительными способностями Мудреца.

— Не скрою от вас, — сказал контр-адмирал, выслушав объяснения Славы и Валерия, — что в районе бухты в последнее время не наблюдалось посторонних кораблей. Ранее в нейтральных водах сравнительно недалеко отсюда прошла подводная лодка, но она не останавливалась. Это, правда, не исключает проникновения в бухту вражеских водолазов или аквалангистов. Но чтобы находиться под водой достаточно долго, им понадобилось бы убежище типа вашего «колокола» или оборудованная пещера. Однако ничего подобного не обнаружено. На всякий случай мы закрыли выход из бухты. Прочесывание начнем в шесть ноль-ноль. Поиск будет вестись одновременно на разных глубинах. То, чего не заметят с вертолетов и подлодок, разглядят водолазы.

— Мы упустили одно звено, — раздался неторопливый скрипучий голос толстого моряка с погонами капитан-лейтенанта.

Он повернулся к Валерию, посмотрел на него изучающе:

— Вы сказали, что дрессированный осьминог по кличке Мудрец предупреждал вас о врагах. Можно предположить, что ему каким-то образом известно о них. Следовало бы воспользоваться его помощью. Как это лучше сделать?

— Можно опуститься в «колокол», — ответил Слава за Валерия.

— Боюсь, что в «колоколе» этого сделать нельзя, — возразил Валерий. — Очевидно, подводный дом находится под их контролем, хотя мне непонятно, как он осуществляется. Лучше всего было бы побеседовать с Мудрецом в более безопасном месте, например, поднять его сюда.

Лысый одобрительно кивнул, и тотчас контр-адмирал сказал:

— Мы пошлем за ним лодку-малютку.

А вас, — он обратился к Славе и Валерию, — я попрошу остаться здесь и подготовить аквариум, в котором осьминог мог бы находиться. Капитан Жербицкий будет вам помогать.

Валерий с нетерпением ожидал начала операции по прочесыванию бухты. Даже в худшем случае, если не будут обнаружены таинственные враги, все-таки что-то прояснится. Он с восхищением следил за водолазами, оседлавшими небольшие снаряды, в которых размещались мощные водометные двигатели. На таком снаряде водолаз мог под водой развивать скорость до тридцати узлов.

Когда по команде эсминца отряды водолазов одновременно начали погружение, под водой, все удаляясь, вспыхнули десятки огней. Зрелище было красивым. Слава и Валерий следили за огнями, перегнувшись через поручни. Вблизи покачивался батискаф, приготовленный на всякий случай к спуску.

Их позвали в радиорубку. Отсюда контр-адмирал руководил операцией. В рубке находился и лысый капитан-лейтенант.

Контр-адмирал встретил Славу и Валерия кратким сообщением:

— Мудреца в «колоколе» не обнаружили. То ли осьминог покинул его, когда Людмила Николаевна и Валерий перебрались в батискаф, то ли потом ухитрился включить шлюзовую камеру. И то и другое казалось неправдоподобным, но факт оставался фактом: осьминог исчез.

Валерий понимал двусмысленность своего положения, и время для него тянулось мучительно медленно. Он краснел, если ловил на себе чей-то изучающий или недоверчивый взгляд. Ему казалось, что с каждой минутой эти взгляды становятся все насмешливее. Больше того, он сам начал сомневаться, не было ли случившееся игрой больного воображения. Всякий раз он цеплялся за один надежный якорь — гибель дельфинов. Это уж никак не могло померещиться. Но, с другой стороны, гибель дельфинов еще ничего не доказывала, не подтверждала, что Мудрец действительно существует...

— Подводные лодки 03, 72 и 83 всплыли, — докладывал радист. — Они ничего не обнаружили.

Через полтора часа отряды водолазов-«наездников» полностью закончили прочесывание.

Теперь уже и Славе приходилось защищаться.

— Странно, — заметил он. — Вся эта история с контейнером и осьминогами... Я ведь сам их видел!

— Не так уж странно, — откликнулся контр-адмирал. — Игра светотени под водой может создавать всяческие иллюзии.

Он даже попытался утешить Славу, проговорил извинительно:

— Это с каждым может случиться...

Слава закурил губу от обиды и положил руку на плечо Валерия. Тот в ответ лишь горько улынулся.

Когда они вышли на ялубу, Валерий негромко сказал:

— Я вторично поселюсь в «колоколе». На этот раз иллюзии меня не обманут...

Предупреждая возражения друга, добавил:

— Иного выхода у нас нет.

Вместе с Валерием в «колоколе» поселился ихтиолог. Его полное имя было Евгений, но все

называли его Евгом: свою первую статью в научном журнале он подписал «Евг. Косинчук», тем самым давая понять, что ничего общего не имеет с академиком Е. Косинчуком, своим дядей, с которым был к тому же в ссоре.

Считалось, что нужны чрезвычайные обстоятельства, чтобы вывести из равновесия флегматичного Енга. Не моргнув глазом, он выслушал подробный рассказ журналиста обо всем, что происходило в подводном доме, и нельзя было понять, верит ли Евг тому, что слышит, или только притворяется, будто верит. Впрочем, и за это Валерий был ему благодарен.

Сам же Валерий, как только снова очутился в «колоколе», начал сомневаться еще больше, чем раньше. То ему чудились свисты дельфинов, долетающие сквозь закрытые двери, то за «окном» виделась осьминог. Но всякий раз, стоило лишь изменить угол прожекторного луча, он убеждался, что никакого осьминога там нет.

Так продолжалось до тех пор, пока Косинчук однажды не воскликнул:

— Посмотри, кто пожаловал!

Через пластмассу на них смотрели большие выпуклые глаза, пятнистые щупальцы слегка шевелились.

— Это Мудрец! — воскликнул Валерий. Почему-то он был уверен в этом, хотя вряд ли смог бы сразу отличить Мудреца от его братьев.

Зажужжала кинокамера, и Валерий улыбнулся, подумав, сколько метров пленки изведет до тошный ихтиолог. Вдруг испугался: а если это опять иллюзия? Начал манипулировать прожекторами — видение не исчезло. Теперь Валерий еще больше уверился, что это Мудрец, — какой другой осьминог отнесся бы так спокойно к свету?

Он помахал спруту рукой, приглашая его войти, и тот ответил едва заметным движением пары щупальцев.

— Интересно! — выразил свое одобрение Евг.

Обретя уверенность в себе, Валерий стал готовить к пуску шлюзовую камеру. Осьминог терпеливо ожидал. Он даже подплыл поближе к заслонке и сложил щупальцы, готовясь нырнуть в камеру.

— Если бы это был человек, я бы подумал, что он хочет войти к нам, — сказал Евг таким тоном, будто заведомо знал, что осьминог этого хотеть не может.

Валерий включил шлюз-камеру, и через несколько минут октопус уже шлепал щупальцами по полу подводного дома.

— Это ты, Мудрец? — на всякий случай спросил Валерий.

— Да.

Как ни был удивлен Евг, он все же успел включить магнитофон. Валерий только теперь убедился, что ихтиолог раньше не верил рассказам о говорящем осьминоге.

— Значит, ты самостоятельно запустил шлюз-камеру и ушел в море? — допытывался у спрута Валерий.

— Да.

— Почему же ты решил теперь вернуться? Осьминог молчал, надвигая «капюшон» на глаза.

— Он похож на академика Косинчука, — сказал Евг, избегая слова «дядя». — Особенно когда тот уваливает от прямого ответа.

Валерий сделал вид, что пропускает эти слова мимо ушей, и задал Мудрецу наводящий вопрос:

— Потому что люди вернулись?

— Да.

— Ты хочешь быть вместе с нами?

— Да.

— Хочешь помогать нам?

Осьминог несколько секунд размышлял, глядя на Валерия потускневшими глазами. Наконец ответил:

— Да.

— Я снова поселю тебя в бассейне. Там просторно, часто меняется вода. Когда захочешь, будешь приходить к нам в салон.

Осьминог послушно заковылял к двери.

— Постой! — крикнул ему Валерий.

Спрут остановился, обхватив кончиком щупальца пластмассовую ручку.

Глаза Валерия блестели, он явно замыслил что-то важное.

— Ты помнишь, кто находился в бассейне до тебя?

— Да.

— Помнишь, что с ними случилось?

— Да.

— Они погибли?

— Да.

— А тебе не опасно там находиться?

— Нет.

— Там теперь вообще не опасно? И дельфины могли бы там жить?

— Я могу. Они — нет. Меня не могут убить. Мне не опасно. Тебе опасно. Помогу тебе.

Валерий до того удивился такому словесному залпу, что, казалось, потерял дар речи. Он обернулся к Косинчуку, взглядом спрашивая, не ошибся ли, слышал ли и вправду фразы, которые произносил осьминог. С Енга слетела его обычная невозмутимость. Он тоже был взволнован, хотя и в меньшей степени, чем Валерий. К тому же Евг сразу притушил в себе излишнее изумление и только потом признал:

— Здорово разговаривает. Никогда не подумал бы, что такое возможно.

Осьминог расцвел радугой красок. Возможно, он по-своему обрадовался впечатлению, которое произвел на людей.

Знакомая тяжесть давила голову Валерия. — Ты ничего не чувствуешь? — спросил он у Енга.

— Нет, — ответил ихтиолог, с жадным интересом присматриваясь к осьминогу. Внезапно он протянул руку, прикоснулся к щупальцу. Спрут поспешно отдернул его.

— Не нравится? — полувопросительно сказал Косинчук. — А почему?

Осьминог молчал и снова, если верить Евгу, стал похож на академика Е. Косинчука, увиливающего от прямого ответа.

— Ступай! — сказал ихтиолог, и осьминог исчез за дверью.

Евг повернулся к журналисту. До него словно только сейчас дошел вопрос Валерия, и он в свою очередь спросил:

— А что я должен был чувствовать?

— Понимаешь, у меня появилась тяжесть в голове, как тогда... И еще...

Он умолк, не высказав своего подозрения. Эти бородавки на щупальцах... И когда осьминог передвигался, он переваливал свое тело совсем не так, как Мудрец...

Через несколько часов Косинчук начал занятия с осьминогом. Он заставлял его принимать различные позы, рассматривал, делал сотни снимков. Он играл с осьминогом в мяч и очень скоро заметил, что инициативу в игре захватил моллюск. Иногда осьминог задерживал мяч, не отбрасывая его по команде, а начинал перехватывать то одним, то другим щупальцем. Иногда протягивал мяч человеку, но когда тот хотел взять его, быстро отдергивал щупальце, не давая мяча. Казалось, будто он изучает человека, проверяет скорость его реакций.

— Значит, ты согласен помогать людям? Люди тебе нравятся? — прекратив игру, спросил ихтиолог.

— Да, — ответил осьминог.

— Ты сумеешь проводить меня к тому месту, где вы живете?

Глаза спрута полезли на «лоб», он так и впилился взглядом в человека.

— Согласен, — сказал он.

— И ты сможешь мне поговорить с твоими собратьями?

— Да.

— Я тоже пойду с вами, — сказал Валерий, прислушивавшийся к разговору.

Косинчук хотел было возразить, что лучше бы одному из них остаться в «колоколе», но промолчал. Ему и в голову не могло прийти, что, возможно, Валерий просто боится оставаться один в подводном доме наедине со своими воспоминаниями и тревогами...

Они надели водолазные костюмы, приготовили «торпеды», так как эти мощные аппараты позволяли перемещаться намного быстрее, чем двигатели их скафандров.

Валерий включил шлюз-камеру. Оказавшись в море, осьминог начал резвиться, то уносясь вдаль так быстро, что люди не могли его догнать на своих «торпедах», то возвращаясь и кружась вокруг них.

«Словно щенок, которого выпустили погулять, — подумал Косинчук. — Гляди-ка, он пытается и нас вовлечь в свою игру...»

Валерий наблюдал за осьминогом с совсем другим чувством. Он тоже заметил, что моллюск словно бы приглашает людей принять участие в игре. «Нет, не приглашает, — думал Валерий, — а пытается заставить погоняться за ним. То же, что и при игре в мяч. Вот Евг уже поддался. Что из этого выйдет? Ну конечно, он его не поймает. Но... октопус становится слишком фамильярным!»

Осьминог на полном ходу зацепил Косинчука щупальцем, попытался увлечь за собой, но «торпеда» развернулась, мощность двигателя оказалась для моллюска непреодолимой. Косинчук волчком закружился на одном месте, уцепившись за ручки аппарата, а вместе с ним кружился и осьминог. Так продолжалось с минуту, а затем октопус изменил тактику. Удерживая ихтиолога одним щупальцем, он двумя другими уперся в «торпеду», выбил ее из рук Енга и отбросил в сторону. Пока Валерий раздумывал, не рискованно ли оставить товарища и пуститься вдогонку за «торпедой», аппарат, увлекаемый водометным двигателем, скрылся во тьме.

Раздражение охватило Валерия. Он подумал: «Не нравится мне эта игра. Октопус словно изучает нас и наши аппараты. Тут не поймешь, кто же исследователь, а кто исследуемый. В довершение всего мы потеряли «торпеду»...»

Осьминог, держа Енга, подплыл к Валерию

и сделал ему знак щупальцем, будто приглашал следовать за собой. Валерий предложил Косинчуку ухватиться за ручку своего аппарата, но октопус, не выпуская ихтиолога, отплыл подальше. Пришлось следовать за спрутом, который теперь двигался с такой скоростью, чтобы Валерий не терял его из виду, но и не слишком приближался.

Из зарослей навстречу им выплыла большая акула. Глаза-бусинки нацеливались на осьминога, и Валерий уже приготовился защитить его от хищницы. Он вспомнил, что акулы пугаются пузырьков воздуха, вырывающихся из отводной трубки скафандра. Этим нехитрым способом он и решил отвадить врага. Но акула и не помышляла нападать на осьминога. Когда до него оставалось не более трех метров, она круто вильнула в сторону, показав непреременного пассажира — прилипалу, разместившегося на спине за плавником, и позорно удрала.

Валерий переглянулся с Косинчуком: обоих поразило необычное поведение хищницы.

Скоро показалось знакомое ущелье. Они миновали его, и взгляду открылся осьминожий город. Здесь моллюск отпустил Косинчука и скрылся в одной из построек.

Валерий установил рули «торпеды» так, чтобы она перила невысоко над городом. Луч прожектора шарил по камням «домов», не обнаруживая признаков жизни. Но вот из постройки, куда скрылся их проводник, высунулось щупальце, отодвинуло загородку из камней. Затем показался осьминог. Он протаскил свое тело, сплоснув его лепешкой, в узкую «дверь» и направился к людям, подавая какие-то знаки.

Валерию показалось, что он слышит, как осьминог говорит: «Нет. Никого нет. Ушли».

Увидев, что люди медлят, моллюск обхватил щупальцем «торпеду» и развернул ее носом вверх, к выходу из ущелья. Его воронка начала пульсировать быстрее, он сложил щупальцы, поплыл. Валерий включил двигатель на «полный вперед», догоняя осьминога проводника.

Спрут привел их обратно к подводному дому. Повозил щупальцем по пластмассе, словно пытался открыть заслонку. А когда все трое оказались внутри, осьминог проговорил:

— Нет. Никого нет. Ушли.

Он повторил эти слова несколько раз, не отвечая на вопросы.

— Ушли, — твердил он монотонно. — Никого нет. Ушли.

Потом стал добавлять:

— Все ушли. Куда ушли?

— Пластинка оказалась со щербинкой, — пошутил Валерий. — Наш Мудрец сам сейчас оказался в затруднительном положении.

— Ничего, мы найдем твоих собратьев, — медленно проговорил Косинчук, рассеянно глядя то на осьминога, то на приборы. Его взгляд задержался на магнитофоне...

— Иди, Мудрец, отдыхай, — сказал Евг и открыл дверь в коридор, выпроваживая осьминога. Но тот не уходил. Он перестал твердить одно и то же, помолчал немного и произнес:

— Надо найти.

— А ты знаешь, где искать? — спросил Валерий. Он думал сейчас не только об осьминогах, но и о контейнере.

— Нет, — ответил спрут. — Надо искать. Люди помогут нам. Мы поможем людям.

— В чем будет заключаться помощь?

Осьминог приподнялся на щупальцах, вперил глаза в Валерия, и тот почему-то вспомнил отрывки из книг об Океане. В его голове закружился хоровод цифр. Он вспомнил, что масса живого населения Океана составляет двадцать миллиардов тонн, а добывается во всем мире ничтожная часть: пятьдесят миллионов тонн рыбы, несколько миллионов тонн водорослей, примерно полтора миллиона тонн моллюсков... Валерий думал: «Людам предстоит великий штурм Океана. И тут им помогут осьминоги. Они станут друзьями человека, тем, чем на суше когда-то были собаки. Осьминоги — морские собаки... Осьминоги — друзья человека...»

Голову сдавил стальной обруч, цифры кружились все быстрее. Где-то в глубинах мозга, в глубинах памяти тревожно свистели дельфины.

— Иди! — приказал осьминогу Косинчук. Его голос непривычно звенел, казалось, что голосовые связки натянуты, как струны.

Он со стуком захлопнул дверь за восьмируким. По его лбу стекали капли пота. Как видно, то, что пережил только что Валерий, коснулось и его.

— Осьминоги помогут нам освоить Океан, — хрипло проговорил Валерий.

— Посмотрим, — обращаясь к самому себе, сказал Косинчук. Он подошел к магнитофону, включил его. Послышался шелест перематываемой пленки.

Лицо ихтиолога было напряженным. Он спросил у Валерия:

— В море тебе не казалось, будто слышишь слова осьминога?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ответь, пожалуйста, потом объясню.

— Мне показалось, что он говорит «нет»...

— «Нет. Никого нет. Ушли...» Так?

— Значит, и ты слышал?

— Да, — ответил Косинчук. — И сейчас мы проверим, была ли это галлюцинация.

— Но как?

Евг уже забыл о Валерии. Все его внимание сосредоточилось на магнитофоне.

Магнитофон закончил шипеть, раздался голос Валерия: «Это ты, Мудрец?» Сейчас должен был последовать ответ осьминога — «да». Но вместо слова прозвучал звук, похожий на восклицание: «а!» «Ты хочешь быть вместе с нами?» В ответ — тот же невыразительный звук с придыханием.

Валерий подумал: «Конечно, это лучший способ проверки. Аппарат не подвержен галлюцинациям. Как же это я, осел, не додумался?»

С пленки звучал его собственный голос, произносящий: «Постой!.. Ты помнишь, кто находился в бассейне до тебя?.. А тебе не опасно там находиться?»

Спрут ответил «нет», вспомнил Валерий. Он ждал... Но вместо ответа осьминога звучал лишь шелест пленки. Снова голос человека, голос его, Валерия: «Там теперь вообще не опасно? И дельфины могли бы там жить?»

Сейчас должен был прозвучать словесный залп — ответ осьминога. Но вместо него — пустой шелест пленки...

— А где ваши кассеты? — спросил Косинчук.

Валерий бросился к секретеру. Он никак не мог вспомнить, куда Людмила положила кассеты с пленкой, и перекладывал десятки ненужных сейчас вещей, пока не наткнулся на одну из кассет. Вдохнул глубоко, как будто уже нашел

разгадку. Протянул кассету ихтиологу, тот встал ее в магнитофон.

Послышался шум, голос Валерия: «Здесь неподалеку много таких осьминогов, как ты?» Пауза. «А где вы еще водитесь? Есть такие места?» Пауза. Голос Валерия продолжал задавать вопросы через короткие паузы, вместо которых должны были быть ответы.

— Как видишь, он не говорил с тобой, но ты слышал его ответы, — сказал Евг. — И ты, и Людмила. Он и не мог говорить, не имея органов речи. То, что происходило, похоже на телепатию...

— Очевидно, таким образом он и изучил наш язык? Слушал и заглядывал в наши головы, заглядывал и сравнивал. Если он действительно обладает такими способностями, то это именно то животное, которое нужно нам для освоения Океана. Ведь с ним без ультразвукового аппарата можно переговариваться под водой и к тому же на больших расстояниях.

— Верно, — сказал Косинчук. — Но животное с таким качеством — это уже не просто животное. Захочет ли оно служить нам?

— Если верить его словам, то захочет. Вот только как долго?

Евг опустил голову, наморщил лоб, потирая пальцами виски. Подумал вслух:

— Я должен увидеть его собратьев. Изучить их. Тогда я смогу ответить на этот вопрос.

Косинчук начал упорные поиски поселения осьминогов. Он уплывал один, а Валерий оставался с Мудрецом, расспрашивал его о повадках рыб и моллюсков, о течениях, рельефе морского дна. Иногда ответы спрута были четкими и ясными, а иногда такими путанными, что ничего нельзя было разобрать. К тому же осьминог все чаще сам задавал вопросы или отвечал вопросом на вопрос.

Валерий упорно возвращался к тому, что его больше всего беспокоило. Он заставлял спрута вспоминать Людмилу Николаевну и убеждался, что тот не забыл все прошедшее.

«И все же он чем-то не похож на Мудреца, — думал Валерий. — Разве мог за короткое время Мудрец так измениться? Это отяжелевшее туловище и бородавки на щупальцах... Но, может быть, для осьминога такое изменение естественно? Например, в какой-то определенный период его жизни?»

До руки человека дотронулось холодное скользкое щупальце — октопус напоминал о себе. Валерий отдернул руку. «Я слишком откровенно думаю. А что, если он уже знает о моем подозрении?»

Он посмотрел в глаза осьминогу, встретил упорный совиный взгляд. Опять заболела голова, появилась гнетущая тяжесть. «Может быть, причина этого — тоже октопус, его способ общения? Или своеобразный род гипно...»

Нить мысли оборвалась, будто кто-то ее обрезал ножницами. Спустя мгновение Валерий уже не мог вспомнить, о чем только что думал. Он напряг волю, пытаясь сосредоточиться. Глядя на дверь, ведущую в бассейн, мысленно спросил у осьминога:

«Ты помнишь двоих, которые там жили до тебя?»

Осьминог сменил серый цвет на розовый и стал быстро багроветь.

«Помню,— послышался ответ.— Хвостатые, но не рыбы. Дельфины».

«Они любили нас,— думал Валерий, забыв на секунду об осьминоге, почувствовав приступ тоски и раскаянья.— Они любили нас и погибли, вовлеченные в наши дела. Что чувствовали они, бедняги, в последние минуты?»

Он услышал холодные, как щупальцы, слова ответа:

«Они любили рыбу и любили себя. Они считали вас похожими на себя. Они любили рыбу».

С какой-то яростной раздраженностью Валерий вспомнил о своем необычном собеседнике. Его пальцы сжались в кулаки. Он мысленно прокричал:

— Где они теперь? Что с ними случилось?

«Они были. Их нет. Совсем нет».

«Вот я и получил сразу два ответа, два «да»,— подумал Валерий.— Во-первых, он слышит мои слова, даже когда я их не произношу. И во-вторых, он помнит о дельфинах, но думает о них не своими словами. Это можно было бы считать исчерпывающим ответом, и все же я не могу избавиться от подозрения. Почему?» Он проговорил, с трудом выдавливая из себя каждое слово:

— Ты помнишь, как их звали? Как они погибли? Кто первым, кто вторым?

«Пилот, Актриса. Первой погибла Актриса. Вторым — Пилот, самец. Они уже не вернутся. Но у вас теперь есть я. У вас есть я!..»

Валерий подумал: «Да, да, осьминоги важнее для нас, чем дельфины. Они разумнее, исполнительнее. Это самая важная мысль, которую надо запомнить».

Ему показалось, что однажды он уже думал так же, такими же словами, но не мог вспомнить, когда. И вдруг он почему-то решил поделиться со спрутом проблемой, которая стояла перед человечеством, проблемой освоения Океана. В памяти, как на табло, удивительно легко вспыхивали слова и цифры, которые он видел в различных книгах или где-то слышал. Он думал: «Нам надо по-настоящему приручить Океан, чтобы прокормить и насытить всех людей. Пока в нашем меню продукты морей не занимают и одного процента. Но уже сейчас исследования Мирового Океана развиваются так же быстро, как космонавтика, и имеют не меньшее значение. И все же мы не добились здесь настоящих успехов. Мы просто собираем то, что дарит нам море. И наша охота — это тоже собирание даров, неразумное собирание, желание взять больше, чем нам хотят подарить. Но чтобы

взять больше, мало желания взять.. Нам ничего не достается даром. Хотим или не хотим, мы платим за все, что берем у природы. Плата всегда бывает большей, чем то, что берем. Дары превращаются в дары данайцев.. Такова наша участь, Мудрец. Ты понял меня?»

Он прислушался и услышал:

«Не все понял. Продолжай».

«Чтобы не отдавать больше, чем берешь, чтобы цена не была слишком высокой, нужно знать, сколько тебе нужно, что тебе нужно, изучить то, что берешь, и то, откуда берешь. Прежде чем взять, нужно знать. Это ты понимаешь?»

«Понимаю. Продолжай».

«В Океане нужно идти тем же путем, каким человек шел на суше. Ему не хватало диких плодов, и он начал сам выращивать плоды и обрабатывать землю. Он начал сам себе дарить... И в Океане необходимо организовать подводное

земледелие и животноводство. Нужно возделывать поля водорослей и планктона, одомашнить морских животных, разводить и выпасать стада рыб. Но беда в том, что делать все это в Океане нам тяжелее, чем на земле. Мы не можем там свободно жить, нам нужны дорогие и громоздкие сооружения. Однако есть и другой, более легкий путь. Найти верных помощников — посылных и пастухов, разведчиков. Ты бы согласился слушать нам, Мудрец?»

«Да!» — послышалось восклицание осьминога.

«Если разумно пользоваться морем, с одного гектара можно получать больше рыбы, чем с такого же пастбища — мяса. А ведь, кроме рыбы, есть еще креветки и устрицы, мидии и трепанги, икра морских ежей и морские гребешки. И наконец — крабы...»

«Крабы останутся нам», — возразил осьминог.

«Ладно! — щедро согласился Валерий. — Хватит на всех. Морская капуста, например, не уступает по вкусу капусте огородной, но значительно питательнее ее и намного богаче витаминами... А минеральные богатства Океана! В морской воде растворены все известные нам химические элементы, в том числе самые редкие. Как булыжники мостовую, устилают дно уже готовые самородки, состоящие наполовину из марганца и железа, наполовину — из никеля, кобальта, меди и других металлов. Таких булыжников на дне Океана больше пятисот миллиардов тонн. А поваренная соль, если извлечь ее из Мирowego Океана, покрыла бы всю сушу панцирем толщиной в 160 метров... Люди уже пробуют пользо-

ваться всеми этими богатствами, но настоящие успехи достигнуты лишь в таких областях, как добыча нефти или опреснение морской воды. Там, где нас подгоняет жестокая необходимость...»

«Чем она более жестокая, тем больше вас подгоняет?» — послышался вопрос.

Валерий улыбнулся: «Почти так, близко к правде. Но есть и вторая сторона вопроса — наши возможности. Иногда приходится просто потуже затягивать пояс, довольствоваться малым. Ведь, например, чтобы вывести некоторые растения и животных, нам понадобились тысячи лет. И, конечно, для того, чтобы вывести высокоурожайные сорта водорослей или новые породы рыб, тоже понадобится немало времени...»

«Насколько я понял, самое дорогое для вас — время? Вы всегда спешите. Почему? Вас слишком много или вы слишком много едите? Те, кого ты называешь дельфинами, тоже очень прожорливы. Если бы вы помогли им справиться с акулами и размножиться, они съедали бы так много рыбы, что стали бы вашими врагами... А без крабов вы сумеете обойтись?»

«Сумеем, — успокоил Мудреца Валерий. — В Океане ведь много другой пищи, особенно водорослей. Не очень далеко отсюда на дне одного из заливов уже возделаны обширные плантации морской капусты. На Черном море мы разводим стада рыб на подводных пастбищах. А под Владивостоком созданы подводные огороды для выращивания водорослей».

«Это хорошо, — заметил Мудрец. — Тот, кто

МОЙ ДРУГ- ФАН- ТАС- ТИКА

«—В то время, о котором у тебя сохранились воспоминания, т. е. в конце XIX века, социальная революция собственно уже начиналась... Лучшие умы ясно предвидели ее. Все корни старого строя уже сгнили, и он держался только потому, что толчок, от которого он должен был рассыпаться прахом, еще медлил...»

Приведенный отрывок взят нами из лекции, прочитанной человеку из прошлого, чудесным образом перенесшемуся на много лет вперед. Потомки рассказывают ему о сложных социально-экономических причинах, которые неизбежно должны были привести старый мир к катастрофе, о ходе этой величайшей социальной революции, о том, что «была гражданская война, и даже местами очень кровавая», ибо «без жестокостей дело не могло обойтись». Что же касается деталей этой борьбы, то...

«...— Ты можешь прочесть в

наших книгах подробное изложение войн, происходивших во время переворота. Они наполняют историю первой половины великой социальной революции, начавшейся в 1918-м году...»

Тут читатель вправе удивиться: почему — «в 1918-м»? Ведь всякому известно, что...

Однако справедливое возмущение неточностью, надо полагать, тотчас сменится у читателя удивлением, когда мы доведем пояснение до конца: свой роман «Заброшенный в будущее», который мы здесь цитировали, австрийский писатель-фантаст Теодор Герцка написал задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, еще в... 1895 году. Разумеется, далеко не все в его книге соответствует нашему представлению о социальных революциях, однако в некоторых своих прогнозах фантаст оказался близок к истине.

питается водорослями, не враг нам. Тем более — булыжниками, о которых ты думал».

«Нет, булыжниками мы не питаемся. Металлы нужны нам для создания кораблей, аппаратов...»

Осьминог вдруг насторожился, приподнял голову и защелкал клювом. Он уставился в «окно».

— Что там? — спросил Валерий.

«Сюда плывет человек. Спешит. Еще больше, чем вы спешите всегда. Он думает не о тебе. Обо мне».

Валерий покрутил ручку яркости бокового прожектора, но никого в море не увидел. Спросил мысленно: «Он далеко?»

«Далеко и недалеко. Ты не увидишь, приборы не помогут».

«Он плывет в корабле? Ты знаешь, что такое подводный корабль?»

«Знаю. Я видел его. Но это не такой корабль, как ты сейчас думаешь. Он меньше. Подумаешь еще...»

Валерий стал вспоминать различные типы подводных лодок, батискафов...

«Еще!» — требовал Мудрец.

Валерий перебрал все подводные корабли, которые знал, и только тогда осьминог уточнил: «Нет. Другой корабль. Знакомый тебе. Один из двух, которые были здесь».

Валерию показалось, что он видит точку, которая быстро увеличивается. Он уже мог различить фигурку человека, плывущего на каком-то снаряде. Да это же Косинчук на «торпед»!

«Мудрец мог сразу подсказать мне ответ. Зачем же он спрашивал меня? Случайно? Играл? А может быть, хотел получить информацию о различных родах кораблей?.. Господи, я уже думаю о нем, как о каком-нибудь шпионе!»

Изображение все росло и росло, затем исчезло, а спустя мгновение Валерий и впрямь увидел Евга. Тот развернул аппарат, тормозя, медленно подплыл к «окну». Он, как видно, действительно спешил, так как перевел шлюз-камеру на ускоренный режим и, едва откинув шлем, сразу спросил у Мудреца:

— Ты знаешь, где поселились твои собратья?

«А ты знаешь?» — услышали ответ Косинчук и Валерий.

— Теперь знаю, — сказал Евг. Он произносил слова не потому, что забыл о свойстве Мудреца, а для того, чтобы их слышал и Валерий.

«Где поселились?» — спросил Мудрец.

— В подводных пещерах, — ответил ихтиолог. «Ты был там?»

— В сами пещеры я не мог проникнуть. Входы завалены камнями, обломками скал.

«Хочешь, чтобы я пошел с тобой? Впереди тебя? Я, потом — ты?»

— Да. Ты можешь мне расчистить один из входов. Мы войдем туда вместе.

«Нет. Сначала — я. Расскажу о тебе. О вас. Восьмирукие потом скорее поймут тебя».

— Ладно. Так, пожалуй, лучше. Иди сейчас. Договорись и возвращайся за мной.

Осьминог направился к шлюзовой камере, и люди услышали команду: «Включай!»

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Увидеть прошлое — кого из фантастов не увлекала такая идея? Достаточно вспомнить повести И. Забелина «Записки хрониста» и Г. Голубева «Огонь-хранитель»...

Увы, пока это так и остается фантастикой. Но вот услышать прошлое — уже по плечу науке и технике наших дней. Сейчас ведутся исследования по воспроизведению реальных звуков прошлого: голосов, музыки, шумов и т. д., когда-то случайно «записанных» на поверхности или внутри материала различных предметов. Для этого применяется звуковоспроизводящая аппаратура с пьезоэлектрическим датчиком такого же типа, что и в обычных звукоснимателях. Конечно, работа еще только начинается. Но принципиальная возможность расшифровки и воспроизведения подобных «записей» экспериментами подтверждена.

Так удастся ли увидеть прошлое? Кто знает? Но стоит вспомнить, что передаче на расстоянии изображения — телевидению — предшествовала передача звука...

Стращная тяжесть придавила каждого. Как после тяжелой болезни, люди едва могли приподняться». Так описывает И. А. Ефремов ощущения экипажа звездолета «Тантра», совершившего посадку на планету, где сила тяжести превосходит земную больше чем в два с половиной раза.

Чтобы дать людям возможность передвигаться в этих трудных условиях, автор «Туманности Андромеды» изобретает «прыгающие скелеты» — стальные, обшитые кожей каркасы с электродвигателем, пружинами и амортизаторами. Эти аппараты вполне пригод-

ны для индивидуального передвижения при увеличенной силе тяжести.

Это — фантастика. Но спустя всего тринадцать лет после выхода в свет романа, в 1970 году, были выпущены первые экспериментальные образцы «прыгающих скелетов», — одновременно несколькими фирмами США и Англии. Правда, предназначаются они пока что для сугубо земных нужд — для увеличения мышечной силы человека при работе в трудных условиях. И назвали их гораздо прозаичнее: вместо образного «прыгающий скелет» появилось новое слово — «экзоскелетон», то есть «внешний скелет».

Но уже сейчас поговаривают и об использовании экзоскелетонов при полетах на Луну...

ВСТРЕЧА В ТАЙГЕ

Фото М. Рафикова (г. Свердловск)

БАБУШКИНО ВАРЕНЬЕ

Фото А. Горькова (г. Фрунзе)

ШПЦОН

Геннадий МАШКИН

Рисунки В. Сыкова

После Сталинграда мы решили, что отдохнем на славу. Ну как после таких боев не дать солдату оклематься?!

Подогнали нам эшелон под покровом темноты, а мы, как дети, рады:

— Должны в тыл отвезти, не иначе.

— Пусть другие повоюют.

Но Тарануха, наш помкомвзвода, быстро все на места расставил. Усы потрогал свои обгорелые и захрипел простуженно:

— Взвод! К выступлению на новый рубеж готовься!

Забряцали мы в темноте котелками, скинули на плечи винтовки, пэтээры, подсумки с патронами, другие принадлежности и пошли штурмовать теплушки. Набился снова полный эшелон, будто и не выкашивали нас немецкие пулеметы и мины со снарядами. Перегруппировали, соединили — и все в порядке: воюйте, ребята, дальше! Подвезем вас потемну и все заново начнем!

— Нет, это в корне неправильный подход, — говорю я Таранухе, — что целевших так используют.

— В чем ты видишь неправильность, Гвоздилин? — прищуривает помкомвзвода зеленые глаза.

— Выживших на отдых надо было отпустить, — высказываю свою мысль. — А нас опять в пекло!

— Теперь-то нас не так легко перещелкать, — отзывается Тарануха. — Врас-

плох нас не взять... Воевать теперь как по маслу начнем!

Я уже не возражаю Таранухе. Опасно затевать спор даже с маленьким начальством. Эту солдатскую мудрость я хорошо уяснил. А насчет остального сильное сомнение колобродит, бьется со стуком колес в виске: «Ой ли...» Понятно, раз враг не сдается — новые извороты жди. Мстить за сталинградское поражение начнет, отыгрываться будет. За те штабеля своих трупов, которые остались в степи, за нами охотиться начнет. Да с ухищрениями разными. Охотник знает, на что пускается раненый медведь, чтобы отомстить.

А Тарануха все объясняет, почему мы теперь легко погоним немца:

— Главный позвонок ему повредили — теперь весь хребет начал трещать, — хрипит помкомвзвода на весь вагон. — Будем гнать их не сходя с колес...

«Ой ли... Ой ли!..» — колеса в ответ.

Сморило наконец Тарануху. Храп разнесся по вагону. К помкомвзвода прилегли бойцы, чтоб теплей было да и безопасней вроде с уверенным человеком.

А мне почему-то не до сна. Стою у двери, глотаю ледяной ветер, звезды разглядываю. Больше ничего не видно: ни огонька на земле. Сплошная светомаскировка. Только звездам война не страшна. Играют себе в вышине при веч-

ном мире. «Эх,— думаю,— мир, как этим звездочкам».

«Ой ли... Ой ли!..» — колеса звоном в ответ, и вроде замедленной стал ихний выговор. Семафор впереди зажегся, как кошачий глаз в темноте. Вроде станция должна показаться, но темь, хоть глаз выколи. Из паровозной трубы только искры чуть освещают первые наши вагоны. А так ни зги. «Полустанок, что ли? — пялю я глаза в темноту. — Да разбит, наверно, дотла...»

И в самом деле, по обочинам, как привидения, темные вагоны стали появляться: кверху колесами, на боку, у третьих каркас один чернее ночи. И зда-

ния привокзальные такие же в основном. И гарью пахнет, серой, пропастиной... «Неужели и здесь все раскурочено до основания? — думаю. — Есть ли хоть одна живая душа?»

И вдруг вижу — вдалеке огонек. Маленький, но веселый такой. Вертится по-разному, подмигивает, будто приветствует наш эшелон.

«Надо днем сходить на этот огонек, — решил я и прикинул, где примерно светит тот фонарь. — Не окажут ли солдатику приют после ратных трудов?»

И только подумал я так, загудело под звездами. Задрожало небо от воя моторов. Двинул я плечом дверь и крикнул:

— Немцы! Воздух! Подъем!

Уверенности нет, что нас летят бомбить, но на всякий случай поднять стоит.

В один момент повскакивали все. Бросились из теплушки, а немец уже осветительную бомбу фуганул. Весь эшелон осветился, как медленной молнией. И тут я в мертвом свете том увидел станцию, вернее, что от нее осталось. Вывеска на одном гвозде висит «Станция Лиски», колокол на перекладине, каким-то чудом уцелевшая урна для мусора...

А на эшелон уже пикирует «Фокке», за ним еще снижаются.

— Воздух! Прячься!

Да разве всем спрятаться при такой неожиданной встрече! Некоторые и выбежать из вагонов не смогли. Хорошо, я свой вагон оповестил. Кинулись наши под насыпь, в развалины.

Я заметил бетонную трубу под насыпью и нырнул в нее. Слышал, как Тарануха последних выталкивал из вагона.

— Быстрее! Быстрее!

И тут ахнуло над головой, будто бомба прямо в мою трубу угодила. Звон разнесся, точно кто по рельсам, как по струнам, ударил. Треск вагонов, скрежет и вопль человечий! Один вход в трубу привалило вагоном, в другой волна горячая ударила. Швырнуло меня, как щепку, по трубе, и сознания я лишился.

Очухался — не вспомню, где я. В склепе каком-то. Гарью нос забило, в голове шумит, как на похмелье, во рту кровь кислая.

Ощупал себя я — вроде цел, царапины, синяки не в счет. Многие, может, как спали, так и не проснулись. Ловко налетел немец, будто кто подсказал ему время нашего прибытия.

— Стой, — хлопнул себя я по лбу, — а фонарик тот не на нас ли наводил немецкую авиацию?!

Забыл я мигом про ссадины, пополз к свету. Выскочил из трубы — глазам больно стало. От солнца и от того, что увидел. Весь наш состав искорежен, паровоз на боку лежит, а вагоны — всякий по-разному. Уцелевшие бойцы расчищают пути, сносят раненых в одну кучу, убитых в другую.

— Гвоздили! — кричат. — Товарищ лейтенант, Гвоздили нашелся!

Скатываются ко мне с насыпи круглые камешки, а за ними лейтенант наш Михеев. Шинель нараспашку, под глазами круги, как у старика.

— Гвоздили, черт, откуда ты взялся? Я ему на трубу показываю.

— А Таранухи там нет случаем?

— Он в вагоне оставался, когда я выпрыгнул...

Дернулся кадычок на шее Михеева, снял он шапку со своих русских кудрей и говорит:

— Значит, прямым попаданием...

Я тоже сдернул шапку. А Михеев уже натянул свою на голову и кивает мне.

— Ну, давай, Михаил, о живых думать... В порядок все привести надо, пока снова гады не налетели...

И тут я вспомнил, как началась бомбежка.

— Товарищ лейтенант, — говорю, — разрешите мне пойти на разведку?

Михеев бровки свои подбросил над переносьем.

— На какую разведку, Гвоздили? У нас задание — восстанавливать насыпь.

— Товарищ лейтенант, у меня подозрение есть на сигнальщика, — и объясняю, как заметил я блеск фонарика. — Вот в тех целых домах мигал свет... Похожу, может, что засеку подозрительное...

— В штабе тоже есть подозрение на шпиона, — отвечает Михеев. — Особый отдел разбирается... А нам насыпь надо укреплать.

— Пусть особисты себе, а я себе, — говорю, — у меня собственное соображение...

— Ладно, поразведуй, — разрешил Михеев, — если наведешь на след, вторая медаль обеспечена...

— Сам бы свою отдал, кто бы паскуду накрыл, если он есть! — ответил я и плюнул кровавой слюной.

Зашагал я по обломкам туда, где огонек ночью мерцал. А там домов целых много. Это возле станции развалины сплошные. А ближе к окраине — только стекла на фанеру заменены. А еще дальше и стекла в домиках есть, правда, все оклеены бумажными полосками. И жизнь возле этих домов идет своим чередом: хозяйки несут воду на коромыслах, какой-то железнодорожник с позевом смотрит на разбомбленную станцию, дедушка пасет кур, ребятишки пускают кораблики.

Пристроился я к одной молодойке с ведрами.

— Разрешите помочь, молодая-красивая.

Она скосила на меня подсиненные глазищи и отвечает:

— Эх, солдат, не до любви, когда ноги отекли...

И забузала дальше сапогами мужского размера. Пришлось вынуть кисет и подсаживаться на завалинку к замшелому дедушке. Сначала я думал, он куриц пасет, а пригляделся — вроде куры на нем обклеивают блошек.

— Угощайся, деда! — протягиваю ему кисет.

— Ни, сынку, ни, — отмахивается дедушка.

— Не куришь? — удивляюсь я.

— Бросив, — скрипит дедушка.

— Больной? — спрашиваю.

— Усе для фронту, усе для победы, — поясняет дедушка.

— Ясно, деда, — говорю и подвигаюсь ближе к нему. — А не замечал ли ты, отец, кто тут у вас против?

— Ни!— курицы с дедушки в разные стороны.— Усе для фронту трудаятся, усе для победы робят!

Понял я, от дедушки толку не добьешься, и понес кисет железнодорожнику. Лицо у него опухлое, глаза сонные, краснинка в уголках и улыбка стариковская от усталости.

«Достается беднягам, хуже, чем нам,— подумал я,— ни днем, ни ночью покою...»

— Кури, дядя,— предлагаю ему кисет.

А он улыбнулся и достает пачку «Беломорканалу».

— Угостись моими, солдатик.

Взял я папироску и боюсь ее в зубы засунуть — отвык от хрупких вещей. А железнодорожник зажигалку мне под нос. Блестящая зажигалочка, под его молоточки в самый раз. У нас были трофейные зажигалки, но я не успел обзавестись. «Нет, все же им лучше,— решил я, прикуривая от этой роскошной зажигалки.— Не воюют, а трофеев больше перепадает».

— Из ночного эшелона?— спрашивает меня железнодорожник.

— Из него самого,— отвечаю.

— Посчастливилось, значит, спастись,— говорит железнодорожник.

— Повезло,— отвечаю.— Бессонница спасла.

— Теперь переформировка,— улыбается железнодорожник,— и дальше?

— Да уж в тылу не оставят,— отвечаю.— Хотя сталинградцев на расплод бы не грех оставить.

— В каком же направлении вас, сердечных, перебрасывают?— спрашивает добродушно железнодорожник.

— Нам, пешкам, не говорят, куда везут,— отвечаю.— Вам на железной дороге больше известно.

— Мы тоже пешки,— говорит железнодорожник.— Только и знаем, что за станцию свою.

— А вот меня как раз интересует вопрос один на вашей станции,— придвигаюсь к железнодорожнику.— Не замечал ли ты, дядя, кто тут ночью фонариком балуется?

Поскущнул мой собеседник, зевнул и говорит:

— Э-э, солдатик, да тут до тебя пять раз особисты были... Не тебе одному шпионы мерещатся!

— Да я видел явственно огонек!— стал я доказывать ему.— Вроде как в на-

шу сторону помигивал — то загорится, то гаснет...

— Повоюем еще с год — черти мерещиться начнут,— заявляет мне железнодорожник.— Ну, дай тебе бог и дальше удачи, солдат!

Повернулся он к луже, где ребяташки пускали кораблики из щепок, и крикнул:

— Матюша, ножки не замочи!

— Не замочу, пап!— откликнулся мальчонка.

Отец наострил козырек над глазами, кивнул как бы сам себе и пошел домой. Дом у него в защитный цвет выкрашен — от завалинки до трубы, на окнах аккуратненькие полосочки из газет: по-хозяйственному человек войну переживает.

«Все же лучше железнодорожникам,— решил я,— хоть на переднем крае, но с семьей...»

Забегали у меня по сердцу колючки, когда подумал про семью. Жену не так вспомнил, как ребяташек своих, Славку и Люсю. Подошел к луже, не могу глаз оторвать от ребятни.

А они гомонят, как грачи. Для них вроде никакой войны нет на свете. Сопят над своими деревяшками, запускают их в лужу наперегонки. Смех, визг. Вдруг рев.

Смотрю, два кораблика столкнулись и один перевернулся. Как раз Матюшин парусник не выдержал. Справный мальчик, этот Матюша, разревелся, как сирена воздушной тревоги.

— Чего реवेशь?— спрашиваю.— Достать нельзя, что ли?

— Да-а-а,— натирает он кулаками пухлые щечки,— папа за сапоги ругать будет.

Сапожки у Матюши в самом деле новенькие: жалко в луже марать. А на других ребяташках ватные бурки с опорками — в них и по давню не достанешь кораблик. Приходится самому лезть в своих растоптанных.

Подмигнул я Матюше и побрел за его парусником.

— Сейчас достанем, Матвей, не реви...

Вода, конечно, быстро портянки мои пропитала. Но иду, как в атаку, к кораблику, солдату поворачивать нельзя, особенно на глазах ребятни. «Может, там, далеко, в Сибири, и моим кто-нибудь достает вот такой же кораблик...» Поднял я тот парусник за мачту и принес его на берег.

— Ну, теперь чуток подсохнет на солнышке,— говорю,— и снова можно залу-
скать.

— Спасибо, дядя,— отвечает Матюша, и в глазах у него, как в озерцах, за-
сияло.— Можешь запускать, пока я руки грею...

Поднес он свои ручонки ко рту и на-
чал дуть на них. Пошли у меня опять по
сердцу оскэлки от вида этих скрюченных
синих пальчиков.

— Нет, Матюша, надо мне возвра-
щаться на станцию,— говорю.— Да и те-
бе бы лучше домой пойти греться, сынок.

— Сегодня можно гулять весь день,—
запротестовал Матюша.

— А самолетов немецких не боишься?

— Сегодня не прилетят!

— Откуда известно?

— Папка гулять отпустил, значит, не
прилетят.

— Хм!

— Не бойтесь, дядя, не прилетят.

— Это почему же?

— Папка не допустит.

— Он же не колдун, твой папка?

— Не колдун, а самолеты его боятся.

— Хм... Чего же им бояться?

— А фонарика!

— Вот как!— вырвалось у меня.

Матюша мое удивление воспринял как
недоверие.

— Да, вы, дядя, знаете, какой у папки
фонарик законный!— выпалил он.

Я промолчал.

— Не верите?

— Да как сказать... Значит, не приле-
тят сегодня самолеты?

— Не прилетят!

— Ну, ладно, Матюша... Пока...

Побрел я в ту сторону, откуда звяк
лопат и кувалд доносился. Увидел я все
разрушенное и снова кровь к глазам при-
хлынула.

«Выходит, не такая уж он пешка, этот
железнодорожник». И пока я дошел до

станции, стало казаться мне, что это и
есть шпион. Конечно, ребенок мог что-
нибудь напутать и вообще бы не вмеши-
ваться в это дело мне. Но война есть вой-
на, все идет в ход, лишь бы скорей кон-
чилась она. «Хочешь увидеть своих ребя-
тишек, не пренебрегай показаниями этого
мальца!— произнес свой приговор мой
внутренний Особый отдел.— Твое дело
доложить, а там разберутся!»

— Ну, как твоя разведка, Гвозди-
лин?— встретил меня Михеев.— Нашел
шпиона?

— Подозрительный есть,— отвечаю
ему.— Больно уж много совпадений
получается...

И рассказал про свои наблюдения.

Почесал под шапкой Михеев, скривил
черные губы и говорит:

— Черт его знает, конечно, да, ду-
маю, Особый отдел разберется...

Повернулся и зацокал он по шпалам
к зеленому вагончику в тупике.

А я взял лопату и принялся подсы-
пать гравий в насыпь. Но не столько ра-
ботал, сколько вслушивался в небо.
А там как назло ни одного самолета.

И до самой ночи не прилетели. Вид-
но, был железнодорожник и в самом
деле не малая пешка.

Наградили меня после Лисок медалью
«За боевые заслуги».

— За проявленную бдительность,—
объяснил мне Михеев.

— Выходит, шпион был?— обрадо-
вался было я.

— Зря бы не наградили, наверно,—
буркнул он и сам свесил голову над сво-
им орденом, как бы за поддержкой.

Его самого к ордену Красной Звез-
ды за станцию Лиски представили. На-
значили вдобавок командовать развед-
ротой. Он и меня с собой захватил.
И много было у нас еще разных случаев.

Но мне до сих пор снятся мальчишка
со скрюченными от холода ручонками.

СИЛЬНЫЕ- ВСЕГДА ДОБРЫЕ

Борис РЯБИНИН

Рисунки В. Бубеницкова

Иногда говорят, желая похвалить кого-нибудь: «Это сильный человек!»

Хорошо быть сильным! Но что значит «сильный»?

Как-то об этом заспорили несколько подростков. У одного выходило, что сильный — это самый выносливый, неутомимый; у другого — что сильный обязательно должен быть спортсменом и хорошо учиться; третий на первое место ставил волю, в чем бы она ни проявлялась. А я, слушая их, вспомнил один случай.

...Тонула собака. А двое здоровых, крепких парней стояли на берегу и покатывались со смеху.

Оказалось, они и бросили собаку в воду. Она бежала мимо, полуголодная, поджав хвост и боязливо поглядывая по сторонам; они подманили ее, и когда она, преодолев инстинктивное недоверие, подошла к ним, схватили и швырнули в реку. И теперь потешались, видя, как она беспомощно бьет лапами по воде.

Перед тем, люди видели, парни свалили урну, перевернули скамейку: силушку некуда девать. А тут, глядя, собака, — почему бы не покуражиться над нею? Смешно, не правда ли?

Неожиданно рядом с ними возникла низенькая фигурка мальчугана лет десяти-одиннадцати. Несколько секунд он напряженно всматривался в собачью голову с выкаченными от ужаса глазами, которая то появлялась, то исчезала, затем вошел в воду и побрел к тонущей, осторожно щупая ногами дно.

Он был уже недалеко от нее, как вдруг оступился... яма! — и начал тонуть. Оказывается, он не умел плавать. И все-таки пытался вызволить собаку из беды.

Хорошо, что неподалеку оказался отец мальчика. Он прибежал и вытащил обоих — сперва сына, потом собаку.

— Молодец, — сказал он сынишке.

Домой они пошли втроем: впереди, гордый поступком сына, отец, за ним — мокрый, но тоже довольный мальчуган, и позади — собака. Она признала этих добрых людей за своих хозяев.

— Нет чтобы всыпать ему как следует... — осуждающе качая головой, проворчала им вслед какая-то женщина.

Она по-своему оценила поступок мальчика, не поняв в сущности ничего.

Этот мальчик был добрым. Он пожалел собаку. И это сделало его сильным. Не умея плавать, он, тем не менее, превозмог страх и бросился на выручку. Сочувствие к животному пересилило в нем естественное чувство самосохранения, боязнь утонуть самому. Не из таких ли поступков рождаются подвиги? С уверенностью можно сказать, что мальчик в будущем, выросши и сделавшись мужчиной, не сробеет и тогда, когда потребуется подать руку помощи человеку, товарищу.

Поступок подростка пристыдил и виновников происшествия. Они перестали смеяться и, стараясь не встречаться глазами друг с другом, поспешили ретироваться.

«Слабого только слабый бьет», — говорят в народе. Не про них ли это было сказано?

Как-то на улице стояли трое юношей, разговаривали. Один — щеголеватый, в выутюженных брючках, с бледным узким лицом и темным пушком на верхней губе — стоял, привалившись плечом к фонарному столбу, в небрежной свободной позе и победоносно поглядывая вокруг себя. Он выглядел мужественным, подтянутым, даже, скажу, красивым. Девушки, наверное, заглядываются на таких.

Мимо бежала собачонка. Обыкновенная, тщедушная, куда-то спешившая с озабоченным видом беспризорная дворняжка. Не ожидая никакой беды для себя, она хотела прошмыгнуть мимо беседующих. Как вдруг тот, с пушком, развернулся и эдак безразлично, лениво, как, вероятно, попинывал мяч на футбольной площадке, но натренированно поддал собаке ногой под брюхо. Пинок был настолько силен, что она, отлетев на несколько метров, перевернулась в воздухе; вскочив, завизжала и, скрюченная от боли, потрусилась скорей прочь. А ее обидчик, как ни в чем не бывало, продолжал беседу.

— Что ты делаешь! Как тебе не стыдно?! — крикнула ему шедшая впереди меня пожилая женщина. А я... я закипел весь: не могу видеть, когда бьют животных.

Какая низость — ударить ни в чем неповинное существо, ударить только потому, что оно

попалось на глаза! Такое холодное жестокосердие хуже всего, ему нет прощенья.

— Ты же изверг! — вне себя кричала женщина ему в лицо. — Тебя надо судить! Ты понимаешь это?

С чего начинаются всякие отщепенцы, подонки, разное человеческое отребье? Всегда с издевательства над тем, кто не может дать сдачи. Максим Горький говорил, что от хулиганства до фашизма расстояние короче воробьиного шага... Все это я высказал щеголеватому. Но мои чувства оказались недоступны ему. Скроив презрительную гримасу, он окинул меня взглядом сверху вниз, равнодушно передернул плечами и отвернулся.

Ему бросили самое страшное обвинение. А он?.. Откуда это у него? От элементарной невоспитанности.

Наверное, он думал, что показал свою силу, удаль. А показал ничтожество, подлость. Он опозорил себя. Можно ли было назвать его сильным?

Нет! Ведь он, как и те парни, что бросили собаку в реку, испробовал свою силу на слабом.

Двое здоровых, сильных парней бросили собаку в реку... За что? Читали ли они рассказ Чехова «Каштанка»? В годы Великой Отечественной войны такие Каштанки спасали людей от верной смерти. Собаки в специальных подразделениях советских войск искали мины, заложенные гитлеровцами, вывозили из-под огня тяжело раненых солдат и офицеров с их вооружением, взрывали вражеские танки, переносили боевые донесения. Овчарка Дик доставила на Ленинградском фронте двенадцать тысяч боевых приказов и депеш. Двенадцать тысяч мин и различных вражеских взрывающихся ловушек отыскала другая овчарка, колли, тоже Дик. Никакой сапер не сможет похвалиться таким рекордом. Сколько человеческих жизней — жизней советских бойцов — сохранили эти два Дика?

В Ленинграде в блокаду исчезли все животные. Не стало ни кошек, ни собак, ни голубей. Тут уж, как говорится, ничего не поделаешь, время было такое: у порога врага, люди умирали с голоду. Жители настолько истосковались по собачьему лаю, по ласковым пушистым созданиям, что когда, вскоре после войны, в Ленинград привезли два вагона кошек (да, да, целых два вагона!), они шли нарасхват.

Вскоре состоялась в Ленинграде и первая послевоенная выставка собак. В основном это были военные собаки — те, что помогали защищать Ленинград. Но было несколько и «гражданских», переживших трехлетнюю блокаду, правда, невероятно худых, но целых и невредимых... Скажете: удивительно! И да и нет. Лично меня не удивляет. Золя говорил: любовь к животным — любовь совсем особенная...

Повторяю: животные — наши друзья. Можно ли обращаться с ними дурно! Поэт Сергей Есенин писал:

...и зверье,
как братьев наших меньших,
никогда не бил по голове...

Он называл животных «братьями нашими меньшими»!

Любили животных (и всегда становились на сторону слабой бессловесной твари) мои земляки — известные уральские писатели А. П. Бондин и П. П. Бажов.

Алексей Петрович Бондин — в подлинном смысле человек из народа — в прошлом был рабочим, испытал нужду, гонения при царском режиме, изведал тяжелый физический труд и бесправие. В советское время он стал признанным литератором. О книгах его одобрительно отзывался Горький.

Однажды, вспоминает жена, он сидел за столом, работал. Вдруг поглядел в окно, поспешно отложил ручку и бросился во двор. Там приставил лестницу к сараю и полез на крышу. Что случилось?

Оказалось, на крыше, в щели между досками, увяз воробей. Алексей Петрович услышал его отчаянный писк и кинулся на помощь с той же поспешностью, что и мальчик, спасавший собаку.

— Эх ты, — говорил он, поглаживая пичужку. — Храбрость-то у тебя львиная, а сила воробьиная...

Вольготно жилось четвероногим в доме Бажовых.

Как-то я пришел к Павлу Петровичу. Он сидел на крыльце во дворе и курил, около его ног нежилась большой пес. По его позе было видно, что им не привыкать быть так вдвоем.

— Слушай-ко, сними-ко меня с Ральфом, — попросил Павел Петрович, увидя в моих руках фотоаппарат, и наклонился к собаке.

Он разгладил бороду, чтоб «лучше вышло». — Люблю ихнюю братию, пакости не сдает...

И пока я наводил аппарат, он ласково щекотал брюхо Ральфа, выщипнул репейник из хвоста, а потом, беседа со мной, долго задумчиво водил рукой по мягкой собачьей шерсти.

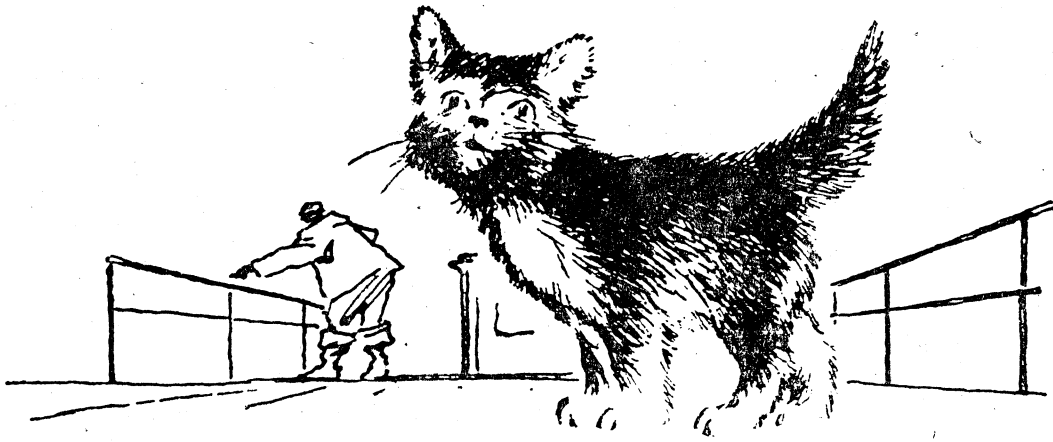
Старая собака Слива — беззубая, глухая, почти слепая — доживала век в бажовском доме. Павел Петрович уверял, что Слива — «когда была в полных силах» — обладала особой способностью безошибочно различать людей добрых и злых, потому ей такой почет.

Но я думаю — дело было совсем не в том, ибо все четвероногие жили у Бажовых до глубокой старости и умирали своей естественной смертью: если заболели — их лечили, звали ветеринара... Просто в доме Бажовых считали, что с животными нужно обращаться по-человечески.

А как рассердился уральский сказочник (хотя сердиться было совсем не в его характере), когда его любимый внук Вова записал кошку в самоварную трубу! Вова полагал, что он проделал интересный научный эксперимент; и вообще — что тут такого, если он немного потискает кошку. Иначе отнесся к этому дед.

Павел Петрович долго не хотел разговаривать с озорником. Молчание оказалось весьма чувствительным наказанием. Мало того, именно тогда появилась у Бажова особая «стенная газета» — лист бумаги, подвешенный под потолком (чтоб его нельзя было содрать), и на нем крупными буквами были написаны все прегрешения Вовы — совершенные и еще не совершенные, но которые он может совершить, если будет и впредь вести себя так плохо.

Думается, старый сказочник добился своего.

Газета провисела очень недолго — всего до вечера. Утром повесили, вечером сняли. Но этого было достаточно. Вова получил урок на всю жизнь.

Верно, потому, что животные были добрыми друзьями мудреца Бажова, им так повезло и в бесценных бажовских сказках. Посмотрите, как тепло изображены в сказе «Серебряное копытце» волшебный олень Серебряное Копытце, выбивающий ногой драгоценные камни-самоцветы, ласковая Муренка-подаренка... Читая их, я всегда вспоминаю приветливый бажовский дом, ныне Дом-музей.

Неправда, что доброта расслабляет, делает малодушным, безвольным... Наоборот! Добрые чувства часто ведут к подвигу.

Помню, как уже после войны приехал я на земснаряд, намывавший плотину Камской гидроэлектростанции, и первым встретил меня там... крошечный пушистый котенок.

Право, это было очень неожиданно. Кругом вода, сырость, попасть на земснаряд можно только на лодке, гудят и грохочут машины, которыми управляют большие серьезные люди в серых брезентовых робах; и тут же — котенок?! — Да чем вы кормите его тут?

— Как чем? Ловим рыбу в Каме...

И вправду — ловят. Вот и «снасть» — удочка, крючки, наживка, все — специально для котенка. Успевают и план намыва перевыполнять и порыбачить (опять же — дополнительное удовольствие, посидеть с удочкой). С ним, с этим сереньким ласкухой, гидромеханизаторам домовитее, уютнее. Присутствие пушистого существа, казалось, согревало весь земснаряд.

Строителями новой «электрической» Камы были сильные люди. Они воздвигали гигантскую электростанцию, которой стоять века. И у них находилось время и желание позаботиться о котенке.

...И тут я вспомнил лейтенанта-танкиста, который, рискуя собой, вытащил из огня щенка и спас горевшую машину. На своей «тридцатьчетверке» он дошел до Германии.

Чем безнадежнее становилось положение фашистов и ближе исход войны, тем ожесто-

ченнее они сопротивлялись. Шел горячий уличный бой. Танк лейтенанта ворвался в город одним из первых. И вдруг — неожиданное препятствие.

Откуда она взялась, эта девочка, дитя немецкой матери?! Она выбежала на середину мостовой, белокурая, чистенькая, в аккуратном клетчатом костюмчике, села и, растирая слезы кулачком, принялась плакать. Танк мчался прямо на нее. Внезапно гусеницы заскрежетали, танк, задрожав всем своим могучим стальным телом, качнулся и остановился. Открылся люк, в нем показалась фигура в комбинезоне и черном шлеме.

Спрыгнув на мостовую, смельчак бросился к ребенку. Вокруг тотчас зацокали, завизжали зло пули. Но лейтенант продолжал бежать, пригнувшись. Лишь оказавшись около девочки, он плюхнулся на брусчатку, прикрывая малютку собой.

На какие-то считанные секунды обстрел прекратился. И в это время около лежащих появилось еще одно живое существо — собака. Это был тот самый щенок, которого когда-то вызволил из беды лейтенант. С тех пор прошло более чем полгода, щенок вырос, превратился в крупного лопухого пса. Но он все так же повсюду сопровождал гвардейцев-танкистов, стал членом боевого экипажа. Воспользовавшись остановкой, он тоже выпрыгнул из люка и последовал за хозяином.

Снова заговорили автоматы, затакал пулемет.

Фашисты не щадили детей, даже своих, немецких детей.

Пес повалился и больше не встал, пробитый пулями. Но лейтенант и спасенная им девочка остались невредимы — тело животного послужило им щитом...

Говорят, добро никогда не пропадает. Так животное отплатило за добро, проявленное человеком.

Всю войну, от первого дня до последнего, провоевал бывший колхозный бригадир Иван Иванович Микрюков.

Не слишком громкая должность — кашевар.

Но если к походной кухне всегда прислонена винтовка, которую нет-нет да приходится брать в руки, чтоб стрелять по врагу, а готовить неприязнительный солдатский обед надо и под обстрелом и под бомбежкой, в дождь и пургу, в холод и зной, на марше и после утомительного броска вперед, то, пожалуй, скажешь о кашеваре совсем другие слова... Необходимая должность!

Войсковая часть, в которой служил Микрюков, остановилась в пригороде немецкой столицы. Кругом стреляют, бой идет, а Микрюков с поваренком обед готовят: кончится бой — кормить бойцов надо. Горячих щец похлебают, каши поедят — сразу и сил прибавится. Могут снова сражаться. Жизнь веселее. Недаром ложка у бойца всегда при себе, как личное оружие.

Дымит походная кухня. Рядом, среди деревьев, скотина бродит — коровы, лошади. Немецкие коровы, немецкие лошади. Хозяева бросили, убежали. Коровы давно не доены, мычат, волнуются, вымя у каждой полное, раздулось, вот-вот лопнет. Тяжко коровушкам!

— Давай-ка ты за варевом пригляди, — командует Микрюков поваренку, — а я пойду, ребят скличу, пропадет скотина-то...

Настоящий хозяин разве может допустить такое?

Легкораненые под деревьями сидели, в парке. Кто курит, кто просто так сидит, отдыхает. Микрюков их позвал, народ тертый — принялись коров доить. Коровам облегчение и людям неплохо: парное молоко — добавка к армейскому пайку. С устатку-то как хорошо! Слать!

Раненая лошадь прискакала на трех ногах — Микрюков и ей помощь оказал: ногу перебинтовал, рану йодом залил. После отломил краюху хлеба, протянул ей: на, ешь.

Жива лошадь. Говорить не умеет, не может благодарить, а по глазам видно — понимает добро. Умные люди утверждают, что собака да лошадь в своих отпущенных природой пределах способны понимать даже человеческую речь...

Кто-то тронул Микрюкова за рукав. Мальчонка. Драный, в лохмотьях, чумазый, белобрысенький. Лопочет по-своему, руки сложил молитвенно, глаза как у загнанного зверька, еды просит. Наверное, отца-мать убили при бомбежке, он прятался по подвалам; уцелел, но давно не кормлен, позаботиться некому.

— А ну-ка, черпани разок, — распорядился Микрюков.

Помощник его в алюминиевую чашку бух полнехонький черпак каши. Сыт парнишка. Теперь не помрет!

Глядь, откуда-то из щелей появились и другие беспризорные немецкие дети. Дети врагов. Но разве дети бывают врагами!

Что в это время думал бывший колхозный бригадир?

Может, думал про то, как враги спалили его родное село, порушили колхоз, людей — кого казнили, кого угнали на каторгу в фашистскую Германию. А может, вспоминал, как пал в бою его собственный единственный сын, и, кто знает, не от руки ли отца одного из тех малолеток, которых он кормил сегодня...

Но не было ныне чувства мести в щедром сердце русского солдата. Он победил. Считанные часы отделяли его от того исторического момента, когда советский кумачовый флаг взвился над разгромленным рейхстагом, логовом фа-

шистского чудовища. Он победил. Он, Микрюков, оказался сильнее всей гитлеровской империи, всех своих врагов, которые так желали ему смерти. И, безусловно, он оказался милосерднее их, добрее. Может, потому и победил, что был добрее? Простой человек, из мирной жизни шагнувший в жесточайшую из войн, проявил неслыханное мужество и стойкость, и — доброта в нем не исчезла, нет! Годы пройдут, но не забудется, как в старом парке под Берлином, советский чудо-солдат кормил голодных немецких ребятшек.

Памятник в берлинском Трептов-парке: советский солдат с мечом, у ног рассеченная гадина — фашистская свастика, а на руках — ребенок, доверчиво припавший к своему спасителю. Идею памятника подсказала жизнь.

...Я читаю свежее газетное сообщение: правительство Германской Демократической Республики, государства, возникшего на развалинах разбитой гитлеровской Германии, наградило почетными грамотами группу советских военнослужащих за спасение жителей Республики, в том числе детей, во время стихийного бедствия. Советские воины верны себе.

Перед глазами у меня фотография: улыбчивый кучерявый паренек в полуспортивной одежде, присев на корточки, гладит собаку. Снимок опубликовал журнал «Огонек». Вторично я увидел его в кинофильме «Огненный след», снятом киевскими кинодокументалистами.

Володя Грибиниченко работал на Макеевском металлургическом заводе имени Кирова мастером мартеновского цеха. И там же, в родной Макеевке, Володе воздвигнут памятник...

Володя погиб. Надпись на гранитной плите сообщает, что он повторил подвиг Александра Матросова.

Нет, Володя не был на фронте. Володе не пришлось воевать. Его не было на свете, когда фашисты пришли на нашу землю. И все же сравнение с Матросовым вполне закономерно.

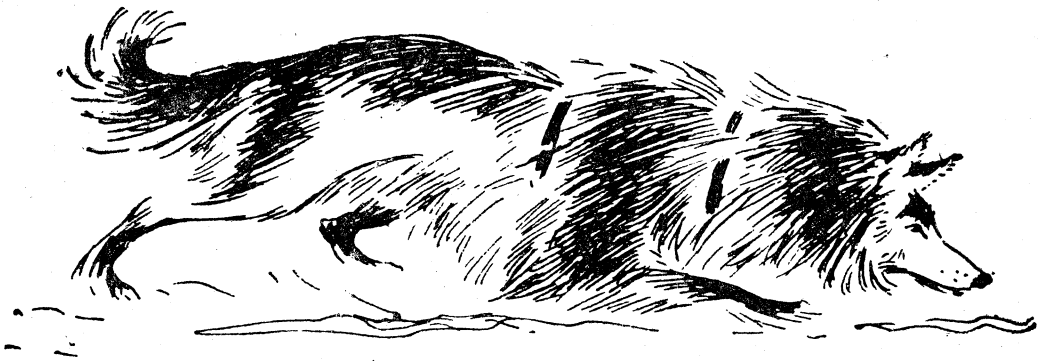
Александр Матросов в бою грудью закрыл амбразуру вражеского дота. Он отдал свою жизнь за то, чтоб жили другие. Володя Грибиниченко тоже пожертвовал собой ради других: он умер, сгорел в потоке расплавленного металла, спасая товарища.

Авария на мартене. Миг решал все. Гибель грозила друзьям. Володя не медлил. Он кинулся остановить огонь...

Как вспыхивает внезапно неукротимый порыв героизма, в ослепительном пламени которого мгновенно испепеляется без следа страх перед огнедышащей струей кипящей лавы и человек бросается на выручку товарища, не думая, забывая о себе?

Сам Володя никогда не сможет рассказать нам об этом.

За него это делают теперь кинематографисты, воспроизводящие на ленте черты его короткой, но славной биографии, делают журналисты, литераторы, посвящая ему свои произведения. Известно, как он жил, кого любил, чем увлекался. И остался этот снимок. На нем — добрая, ясная улыбка, волосы из кольца в кольцо, веселый прищур глаз. И — собака. Одной рукой он проводит по ее спине, другой щекочет под шеей, там, где белое пятнышко. А она даже прижмурилась от удовольствия, вся замлела.

Вспоминается мальчишка, спасавший собаку с опасностью для собственной жизни. И рядом — Володя, его подвиг. И хоть два поступка эти несоизмеримы, в них есть нечто общее. И это нечто — огромной нравственной силы.

Доброта нашего народа известна исстари. Доброта всегда была чертой русского национального характера.

Во всех народных сказках животные — надежные товарищи и пособники человека, приходят к нему на помощь в трудный час, выручают из беды. Даже злой волк, даже многие другие хищные звери... если только сам он, человек, тоже добр и справедлив с ними.

Живая сказка наших дней — полет собаки Лайки, проложившей дорогу в заатмосферное пространство советским космическим богатырям. И кто знает, может быть, первым земным существом, ступившим на Марс, будет тоже собака. Говоря по чести, я даже уверен, что именно так и будет: человек — ученый, исследователь — часто посылает разведчиком впереди себя собаку...

Гениальный ученый наш, академик Иван Петрович Павлов поставил памятник собаке. Он ценил в собаке помощника и друга и завещал грядущим поколениям с любовью обращаться с нею. О том, что мы должны поставить монумент Лайке, не раз говорили летчики-космонавты по возвращении из полетов, открывших эру орбитальных путешествий...

Вот и ныне: начинается эпоха трансплантации, ученые ищут способы пересадки сердца, и уже сейчас говорят — для этого будут использованы сердца животных, специально выращиваемых для этой цели... Даже их сердца служат нам, людям.

Человечнейшим из людей назвала история великого кормчего нашей революции — Владимира Ильича Ленина.

При упоминании имени Ленина трепетали и бледнели враги нашего народа и Советского государства. А в обыденной жизни, с друзьями Ленин был совсем простым — сердечным, отзывчивым.

Владимир Ильич страстно любил природу,

Старые большевики, товарищи Ленина по ссылке, вспоминали: в ссылке, на которую его осудило царское правительство, у Владимира Ильича была собака; когда срок ссылки истек, он не бросил ее, а в лютой сибирский мороз, укрыв от стужи теплым войлочным кожаном, сделал изрядный крюк, отвез в кошеве и передал товарищу, любившему животных... А уж как наверное торопился — скорей домой, «в Россию», снова к революционной деятельности!

Недаром и в наказах пионеру — члену Ленинской пионерской организации, говорится: будь великодушен, жалея животных.

Ведь они — **братья твои меньшие**. Так будь им старшим братом!

Животные помогают нам стать лучше, чище, добрее.

Мы живем в таком обществе, в такое время, когда любовь к живому стала важной социальной задачей, одним из насущных вопросов.

Тысячи лет люди выращивали в себе чудесное качество — доброту, крупца по крупце собирали и копили ее от поколения к поколению. Сейчас, в век небывалого развития техники и поистине неограниченных возможностей человека, это свойство необходимо более, чем когда-либо.

Доброта поставит заслон необузданной жестокости, поможет избавиться от многих бедствий, продолжающих терзать человечество. Великая, неиссякаемая доброта — в нашем социалистическом государстве, самом могучем государстве мира.

Так кто же сильный?

Сильный — это большой, добрый человек. Сильный — тот, кто умеет помочь слабому, всегда готов встать на его защиту, широк душой, не обидит напрасно и букашки.

«Сильные — всегда добрые», — говорил Максим Горький.

ГОРЬКА С МАЛОЙ ЯМСКОЙ

Вот уже который день жителей Перми интриговал непобедимый борец «Красная маска». Он приезжал в цирк на извозчике уже в маске. И даже сам хозяин Изако, говорят, не знал его имени. Раззадорило это одного циркового завсегдатая, знавшего всех известных борцов мира наперечет. Правда, по фотографиям.

Он решил выследить и «разоблачить» таинственного незнакомца.

Шатер цирка стоял на Кунгурской улице, близ Дровяного базара. Парнишка дождался выхода «Красной маски» и скользнул за ним. Тот вошел в темноту и долго стоял, привыкая к ней. Потом двинулся через сад. На закраине сада, у выхода на Сибирскую улицу, незнакомец поставил чемодан к ногам, снял маску и тряпичей вытер лицо. Тут-то и выскочил парнишка со стороны фонарей, взгляделся в незнакомца и быстро выпалил:

— Я вас знаю!

— Тш-ш! — прошептал борец и приложил палец к губам.

Он обнял мальчишку за плечи и, ни о чем не спрашивая, повел вниз по Сибирской. Пришли в

номера Пьянкова. Борец попросил коридорного подать чаю.

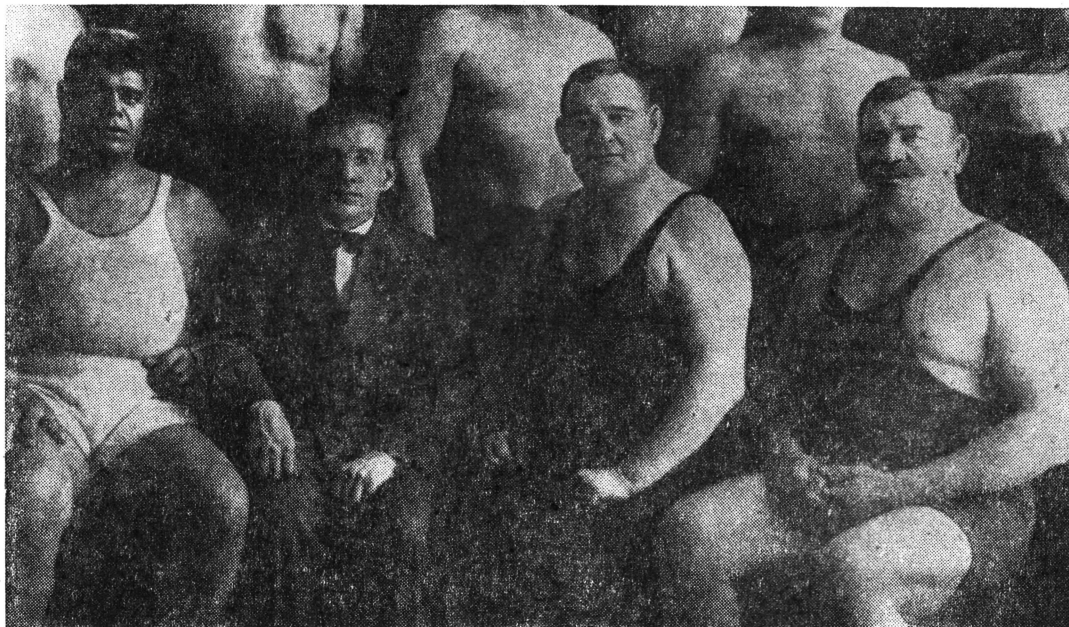
Вот так они и познакомились — богатырь Иоганн Тигане и мальчишка с Малой Ямской Горька Полянин.

Тигане плохо говорил по-русски, но понимал отлично. И Горька рассказал ему про всю свою маленькую жизнь и единственную громадную любовь...

Физически сильный человек никогда так не симпатизирует равному себе, как может быть влюблен в богатыря слабый замухрышка. Именно так получилось и с Горькой Поляниным. Слабее всех он был на улице, и только ленивый не костылял ему шею. Но вот однажды он попал в цирк, поглядел на борьбу богатырей — и все...

А посмотреть в ту пору в Перми, действительно, было на кого. В гастрольное лето здесь собирались русские Михайлов и Снежкин, эстонцы Лорд и Крафорд, поляк Пастушевский, негр Али Абдул, мавр Хаджи Мурзук.

Однажды, проходя по Сибирской мимо писчебумажного магазина братьев Шиляевых, Горька увидел в витрине фотографические карточки бор-

Г. Полянин среди борцов, крайний справа Иван Поддубный. Снимок 1938 года.

цов. Зашел, спросил у приказчика цену. Каждая стоила пятак. А где их взять, хоть несколько пятаков? Три пятака все же скопил и приобрел у Шилиевых первые три портрета — Поддубного Збышко и Харченко.

Потом Горька ножиком вырезал из заборных афиш фото заезжих борцов и наклеил на паспорт. Коллекция росла.

А дома он стал упражняться с чугунными утюгами. Потом к черенку метлы привязал кирпичи — получилась штанга. И на улице ввязывался в любую потасовку, всегда бывал бит, всегда в синяках. А тем временем все надвигивал по кирпичику на свою штангу. Ребята, наконец, признали его. Тогда уж на полянках стали бороться взаправду.

Вот это-то все и высказал он в гостиничном номере Иоганну Тигане. И хотел получить ответ на один вопрос:

— Могу ли я стать борцом?

Иоганн засмеялся. Потом пощелкал языком и, коверкая русские слова, сказал примерно так: «Нет у тебя данных, никак не можешь быть борцом. Но если хочешь стать вообще спортсменом, вот тебе мой главный совет — не пей, не кури, не распутничай».

И еще одно напутствие было ему на заре жизни — от матери:

— Встретишь, сын, хорошего человека — подумай, есть ли в тебе то же, и если нет — перейми. Встретишь плохого — опять подумай: нет ли и в тебе того же, и если есть — избавься.

Вот этим двум заповедям он и был верен всю жизнь.

Все гастрольное лето Горька таскал чемодан Тигане, и тот, шутки ради, что ли, учил мальчишку профессиональным приемам французской борьбы.

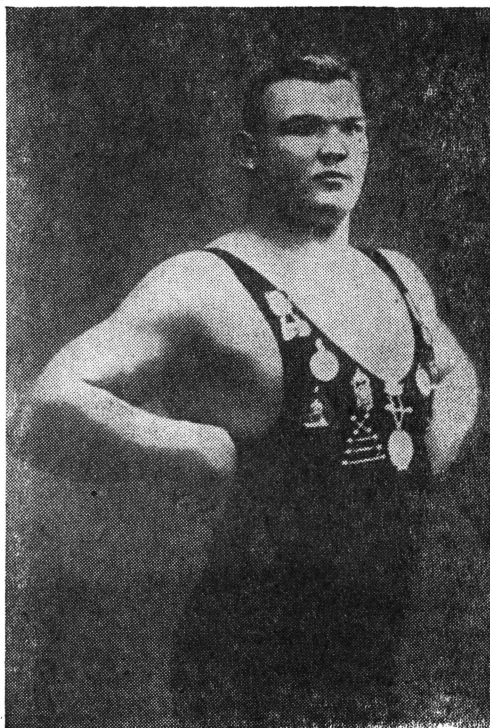
Когда Горька подрост, дерзнул не поверить Иоганну — сделался борцом. Стал ходить по балаганам, где выступали не шибко-то сильные заезжие борцы. Когда на ковер вызывали желающих из публики, выходил Полянин и, бывало, припечатывал профессионала на лопатки. Сконфуженный владелец балагана вынужден был выкладывать обусловленную сумму Горьке.

Это было отличной тренировкой. И на первом же состязании пермских борцов в 1913 году Юрий Полянин (на афишах, среди друзей Георгий Полянин более известен как Юрий) стал чемпионом города в своей весовой категории.

А в 1914 году, испросив разрешение губернатора, Полянин открыл в доме Балахонова свою так называемую атлетическую арену и организовал первые в истории Перми соревнования по тяжелой атлетике. И тоже стал первым чемпионом города в толчке штанги правой рукой — 162 фунта, в жиме двумя руками — 160 фунтов. Год спустя он установил новый рекорд в жиме — уже 4 пуда 10 фунтов, толкнул двумя руками 4,5 пуда и одной рукой — трехпудовую гиру.

А затем — армия. Петроград. Москва. Иногда ему, солдату, удавалось выбраться на званые обеды к знаменитому борцу дяде Ване — Ивану Владимировичу Лебедеву, о котором не менее знаменитый журналист Доросевич писал: «В Москве три достопримечательности — царь-колокол, царь-пушка и дядя Ваня». Здесь Полянину посчастливилось встречаться с Горьким, Куприным, Аверченко, Москвиным.

В дни Октябрьской революции Полянин принял участие в боях. Во время вооруженного восстания брал Ильинские ворота, был ранен.

Первый учитель Г. Полянина Иоганн Тигане

Вскоре ему снова довелось встретиться на соревнованиях с Иоганном Тигане. Полянин выступал в своем весе «пера» и занял призовое место. Тигане восхищенно и растроганно обнял его: «Карош малшик стал, о, карош, Поляша!»

Полянин возвратился в Пермь в конце 1917 года и снова в старом каретнике организовал свою арену. Губвоенком С. Я. Окулов поручил ему заниматься с бойцами. После гражданской войны Полянин работал во Всеобуче, за что был премирован кожаным костюмом.

Соревнования по классической борьбе возобновились лишь в 1920 году. На губернской олимпиаде вновь победителем был Полянин. И в 1932 году на первенстве Урала по классической борьбе Полянин стал чемпионом.

С 1937 по 1940 год Г. А. Полянин работал в цирках — начальником борцовских команд, арбитром. Познакомился он тогда и с кумиром своих мальчишеских лет, с самим «чемпионом чемпионов» Иваном Максимовичем Поддубным. Разрасталась и его коллекция портретов выдающихся борцов, афиш, таблиц разных соревнований, которые он ведет и собирает с 1897 года.

В прошлом году Георгию Ананьевичу Полянину исполнилось 75 лет. У него уже правнуки в школу ходят, а он — все такой же непоседа. Сделает утром десятиминутную зарядку — и снова весь день в хлопотах. Встретить его можно за судейским столиком соревнований, на заседаниях областной федерации борьбы, на спортивных вечерах, на лекциях...

А. ОЖЕГОВ

ЗАПАСЛИВЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Однажды след крупного колонка привел нас к занесенному снегом стогу сена на лесной полянке. По обе стороны от следа тянулись две ровные черточки. Видно, хищник поживился кем-то и теперь таскал добычу в зубах. Мы заметили, как колонок не раз останавливался передохнуть, кладя свою ношу на снег. Добыча, верно, была крупная.

Кого же поймал колонок? В стоге была нора, в которой лежал мертвый... горноста! Жертвой колонка стал смелый и превосходный охотник.

Обследование норы показало, что она была превращена колонком в настоящую кладовую. В ней кроме горноста оказались две ласки, пять кротов, десятки полевков и землероек.

Запасы пищи впрок, и весьма обильные, делают многие

животные. Так, в норе корсика — небольшой красивой лисички — однажды нашли 90 различных мертвых млекопитающих, а у степного хорька — 50 сусликов. Интересно, что запасы свои этот хорек помещал в разных кладовых последовательно, по мере улова: нетронутые убитые зверьки находились в одной кладовой, остатки — в другой, а шкурки съеденных сусликов — в третьей.

В кладовых норки можно найти мелких грызунов, рыбу, лягушек. Любопытно, что запасы лягушек норка делает часто прямо под водой. У другого вида норки, американской, как-то обнаружили 16 килограммов рыбы да еще одну кряковую утку.

Значительные запасы пищи делает и самый маленький хищник — ласка. В одной из юрт под ящиком, где жила ласка, хозяева нашли 40 мелких грызунов. Известен и другой случай: разбирая скирду немолоченного хлеба, колхозники увидели целую кучу умерщвленных мышей — несколько сот штук в одном месте. Это была кладовая ласки.

Каждое животное запасает корм в соответствии со своими вкусами. Небольшие пищевые заготавливают сено, складывая его в стожки. Иногда эти стожки достигают 50 сантиметров в диаметре и 35—40 в высоту; вес каждого достигает 3—3,5 килограмма.

А чего только не таскает в свои норки бурундук! Кедровые и лесные орехи, семена лиственницы, диких трав, зерна пшеницы, ячменя, подсол-

нечника, кукурузы, древесные почки, грибы. Но прежде чем делать запасы, он приводит в порядок кладовые, выстилает пол сухими листьями. Каждый продукт бурундук складывает отдельной кучкой, и качество корма у него всегда безупречное. Вес запасов порой доходит до 8 килограммов, а ведь сам-то зверушка с детскую рукавичку, да зимой еще спит.

Запасают пищу и беспозвоночные животные. Правда, не для себя, а для своего будущего потомства. И тут тоже наблюдаются удивительные вещи.

В южных странах обитает особая группа термитов, ведущих, подобно муравьям, колониальный образ жизни. Они устраивают громадные гнезда в виде холмов, а в разветвлениях разводят... грибные огороды. Грибы развиваются на питательном материале, приготовленном из переработанных кусочков растений, и служат кормом для личинок термитов.

Жук-кравчик для питания

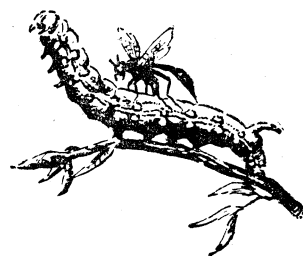

своего потомства использует свеклу, лен, люцерну, горчицу, но особое предпочтение оказывает подсолнечнику и кукурузе. Ранней весной самка вырывает в земле глубокую норку с несколькими овальными камерами и в эти камеры затаскивает срезанные растения. Приготовив из этих расте-

ний довольно плотный ком, она откладывает на нем одно яйцо. Через 10—12 дней вылупляется личинка и начинает питаться этим комом.

А вот как запасает пищу оса — желтокрылый сфекс. Она строит в земле гнездо, представляющее собой ход глубиной в несколько сантиметров. От него идут ответвления к ячейкам, предназначенным для хранения корма. Число таких гнезд, приготовленных одной самкой, обычно достигает десяти. В каждую ячейку оса затаскивает три—четыре парализованных ею сверчка. Через три дня после откладки из яйца выходит личинка, которая прогрызает кожу сверчка и начинает им питаться. Потом переходит ко второму, к третьему сверчку, пока не закончит свое развитие. Подсчитано, что одна самка для снабжения своего потомства уничтожает до сотни сверчков. Подобным же образом другие виды ос, например тахиты, затаскивают в свои гнезда кузнечиков, кобылок, богомолов.

Осы других групп для своих личинок парализуют мух, пауков, гусениц. Обратите внимание: не убивают, а только парализуют! (Иначе пища испортится)! А вот оса-филант, так называемый пчелиный волк, нападает на домашних медоносных пчел, убивает их и, выдавив мед, поедает его, а жертву уносит в гнездо. Как видите, мед не всем полезен.

В. ПАВЛИНИН,
доктор биологических наук

Рисунки А. Бойченко

ГРАЧИНАЯ СТРАНА

Мне с детства запомнились эти черные птицы. На бугре за речкой стояли высокие березы. Вот здесь и была грачевня — место, где каждую весну селились птицы. Мальчишками мы бегали смотреть, как они строят гнезда, высиживают птенцов, выкармливают свое потомство.

Теперь я живу в городе, но как и прежде, жду весны с грачами. А несколько лет назад черная, беспокойная птица грач стала мне еще дороже.

В редакцию, где я работал, пришло письмо: «У нас в городе есть грачевня. Но вот какие-то взрослые дяди срубили несколько тополей, на которых были гнезда. Так жалко птиц! На земле у свежих пеньков валяются гнезда. А в некоторых остались яички. И вот теперь в грачиной стране переполох...»

В ответ на это письмо в газете появилась небольшая заметка в защиту грачей. На нее горячо откликнулись читатели. Люди просили газе-

ту встать на защиту пернатых, рассказывали интересные подробности из жизни птиц.

«У нас, в селе Троицком,— написала Раиса Николаевна Осколкова из Богдановичского района,— есть колония грачей. Больше двухсот гнезд. Поселились грачи здесь недавно, но с каждым годом птиц прилетает все больше и больше. Прошлой весной был как-то сильный ветер, много гнезд сорвало с деревьев. Беспомощные грачата ползали по земле. А взрослые птицы несколько дней тревожно кричали...»

Я внимательно читал каждое письмо, пополняя свои сведения о грачах. Есть в их жизни много любопытного и странного. В городе Невьянске напротив цементного завода с высокими кирпичными трубами, из которых день и ночь идет густой серый дым, стоят большие крепкие тополя. На них и расположились в несколько этажей грачиные гнезда.

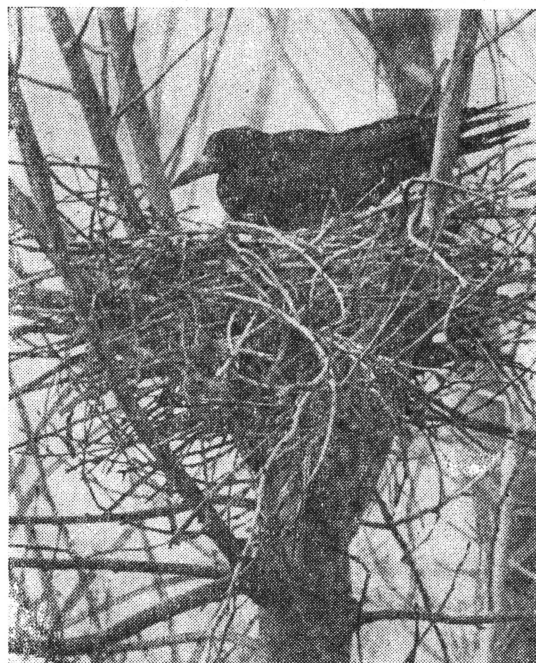
Что же заставляет птиц жить в такой пыли?

Неужели не нашлось для них за городом местечка получше? Конечно, нашлось бы. Но видно, грачевня была основана раньше того, как вырос завод. И птичий инстинкт заставляет грачей, по примеру их предков, давным-давно освоивших это место, селиться именно здесь. Таков закон птиц.

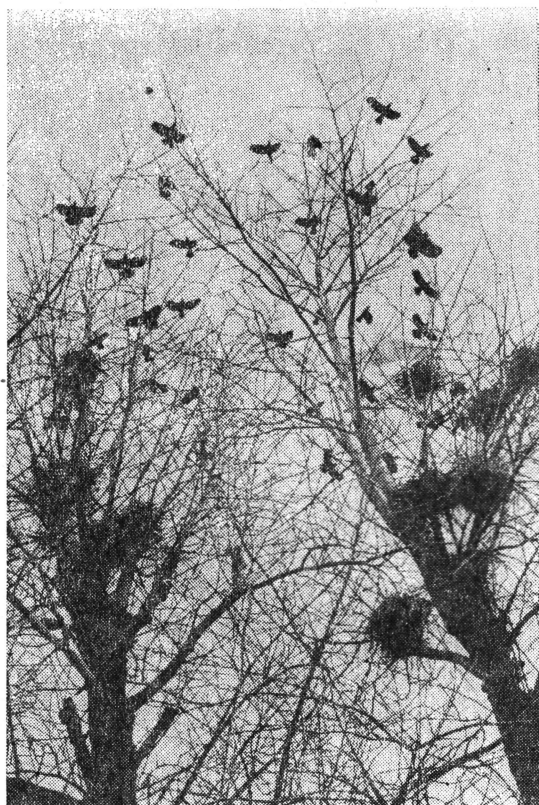
Многие из свердловчан, наверное, помнят колонию грачей в нашем городе. Она размещалась неподалеку от Привокзальной площади. Но вот уже несколько лет птиц не видно. Почему? Лишь упорное и постоянное разорение гнезд может заставить колонию откочевать. Так, всего вероятнее, и случилось с почти единственной грачевней в Свердловске: человек выжил птиц.

И все-таки каждый год нет-нет да и появится ранней весной несколько грачей в районе вокзала. Может, они ищут свою старую колонию?

Грачиная страна многосемейна. И как во всех больших семьях, тут бывает всякое: и ссорятся, и мирятся. И все это шумно. Особенно говорливы птицы по прилете из теплых краев

Гнездо готово — можно высидывать птенцов.

Вот она, грачиная страна.

ранней весной. «Беседуют» по-деловому, из самой злободневную тему: как быть с жильем. Из-за этого порой случаются ссоры. Каждый стремится оказаться хитрее другого, занять выгодное для себя и будущего потомства гнездо. Но есть и «сознательные» птицы: в чужие гнезда не лезут, спокойно заняты ремонтом, носят себе палочки-веточки, помогая друг другу.

Иногда случается, какой-нибудь нахал заметит оставленное без присмотра гнездо и попытается завладеть им. В таких случаях дружная грачиная пара вступает в бой с непрошеным гостем, криком отгоняя его.

Недолгая тишина наступает в грачиной стране лишь тогда, когда в гнездо положено по несколько яиц. Самки сидят на гнездах, самцы, подобно рыцарям, охраняют их. И не дай бог, если в это время появится кот — не поздоровится ему! В минуту опасности птицы забывают о своих старых ссорах и дружно бросаются на врага.

Но вот появились первые грачата, и вся колония ежедневно с самого утра отправляется на окрестные поля. Добывая корм для птенцов, птицы уничтожают несметное количество вредных насекомых и червей. Особенно достается от них майским жукам. Стоит грачам обнаружить жуков на деревьях, как тут же налетает целая стая. Птицы тотчас разделяют между собой рабо-

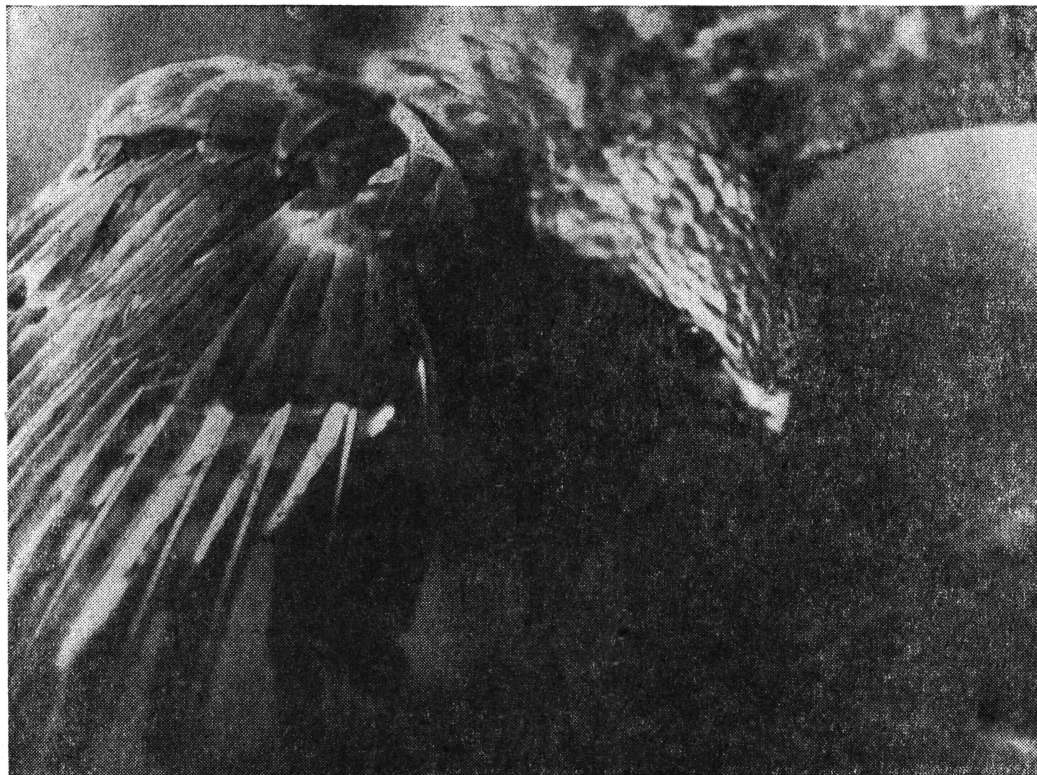
ту: одна часть трудится на деревьях, другая — на земле.

Многими талантами наделены грачи. Одним их обидела природа — плохо поют. Зато в неволе быстро приручаются, быстро запоминают простые команды, усваивают кличку. Мне пришлось однажды держать дома маленького грачонка, который выпал из гнезда. Птенец был довольно бойким, везде совал свой нос. Делал маленькие перелеты по комнате. Однажды чуть не утонул в кувшине с водой, в другой раз упал в кастрюлю с холодным супом. Фомка — так я назвал грачонка — через каждые три часа громко кричал, требуя пищи. Ел все: хлеб, сыр, вареное мясо, пил молоко.

Скоро грач окреп, и я отпустил его. Фомка пошел по перилам балкона, повертел головой, потом издал победный крик и улетел.

...Наступает осень. Грачи сбиваются в стаи. В их обществе порой можно встретить галок, скворцов, ворон. Однажды в Курганской области мне довелось наблюдать пролеты огромных грачиных стай. В то время, когда первые птицы уже скрывались за горизонтом, последние только еще показывались с противоположной стороны неба. Они летели так густо, что казалось, будто весь небосвод затянут черной сеткой, движущейся с севера на юг.

О. КАПОРЕЙКО
фото автора

Совершил посадку.

фото Н. Яковлева

КОЛЛЕКЦИЯ ИНЖЕНЕРА

Как пополняются ряды беспокойного племени коллекционеров? Когда и каким образом просыпается в человеке страсть к картинам, значкам, монетам, спичечным этикеткам? У каждого, видимо, по своему. У Ивана Степановича Мелешко это было так.

Работал он грузчиком на Новокузнецком металлургическом комбинате. Шла война. Страна нуждалась в угле, металле, хлебе и в деньгах. Каждый отданный государству рубль приближал победу над фашизмом. Мелешко, как и другие, был активным участником денежно-вещевых лотерей. Билеты, на которые не пал выигрыш, хранил — на память, как свидетельство трудных военных лет. Вскоре к ним присоединилась последняя хлебная карточка. В груде металлолома изредка попадались старинные монеты — грузчики несли их Мелешко, прослышав, что он их собирает. Это увлечение скорее было именно собирательством — интуитивным, неосознанным.

Шли годы. Мелешко закончил техникум, переехал в Магнитогорск.

В 1959 году в городе образовался кружок коллекционеров. Иван Степанович зашел туда разок-другой и скоро стал одним из самых активных членов его.

Мелешко — коллекционер, так сказать, широкого профиля. Помимо монет, увлекается значками, главным образом, спортивными: дочь, Наташа, любит фигурное катание. Сын, Владимир, с детства мечтал о полетах, сейчас он летчик. Отец помог сыну составить обширную коллекцию марок о становлении и развитии советской авиации и космонавтики.

Но главное богатство коллекции магнитогорского инженера — лотерейные билеты. Это своеобразная летопись многонационального советского государства.

...Начало двадцатых годов. Страна восстанавливает разрушенное хозяйство. Нужны деньги, много денег, чтобы вдохнуть жизнь в заво-

ды, фабрики, шахты. Петроградское государственное объединение выпускает билеты. Стоимость билета — один миллион, главный выигрыш — пятьдесят миллиардов рублей. Цифры по нынешним временам диковинные, но надо учесть, что деньги в те годы были обесценены войной и разрухой. Советский рубль только набирал свою силу.

...Большие районы страны охвачены голодом. Терская губерния распространяет билеты, весь доход от которых, как заявляют учредители, поступает тем, кто недоедает. Лаконичен, выразителен эпиграф «Враг голодающему тот, кто не делится последним».

Жизнь входила в нормальное русло. Первое в мире государство рабочих и крестьян готовится к штурму высот экономики, науки, культуры. Разные по характеру и масштабности задачи встают перед страной и это накладывает свой отпечаток на лотереи. Билеты Северной краевой лотереи изданы от имени общества «Долой безграмотность». Интересен билет «Книга вместо водки». Это ярко оформленная политическая агитка, призывающая покончить с алкоголизмом, быть активным подписчиком двухнедельного иллюстрированного журнала «Трезвость и культура». Создается общество развития автомобилизма и улучшения дорог РСФСР, которое также обращается к населению поддержать материально его деятельность.

Обладатель счастливого билета тех лет мог выиграть трактор «Фордзон», племенного жеребца, семена для посева 10 десятин, банно-прачечное оборудование, примус и... туалетное мыло, которое числилось тогда в разряде дефицитных товаров.

В мире все отчетливее пахло порохом. Фашизм поднимал голову. «Крепи оборону СССР» — призывали на лотерейных билетах моряк, летчик и пехотинец. Скоро этот призыв сменился другим «Все для фронта, все для победы». Лотереи военных лет...

В коллекции И. С. Мелешко хранятся билеты лотерей последних выпусков: художественной, книжной, спортивной, журналистской и т. д.

В канун пятидесятилетия образования СССР особый интерес представляют денежно-вещевые лотереи союзных республик. Билет — своего рода визитная карточка. Эмблемой Белоруссии стал большегрузный автомобиль, Азербайджа-

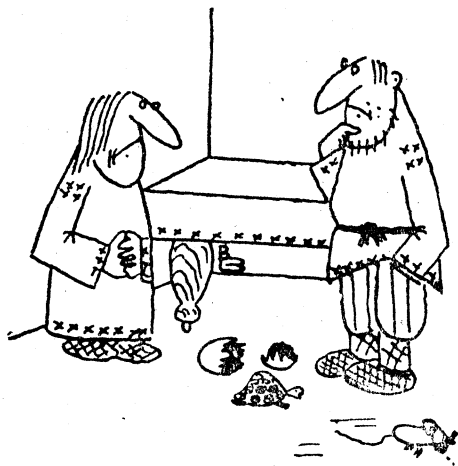
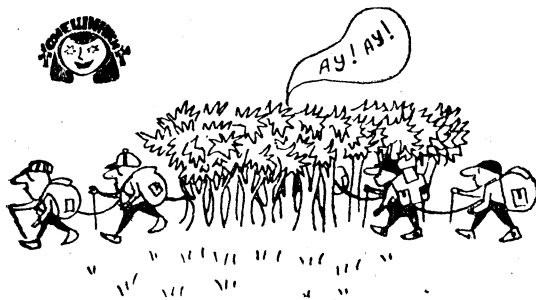

И. С. Мелешко.

на — нефть, Украины — металл, хлеб, Грузии — чайные плантации, виноград, Узбекистана — хлопок. Комбайн на пшеничном поле, гидроэлектростанция, а вдали контуры могучих заводов — так выглядит билет, выпущенный министерством финансов РСФСР.

Полтора месяца экспонировалась в Магнитогорском музее коллекция лотерейных билетов старшего инженера металлургического комбината, заслуженного рационализатора РСФСР Ивана Степановича Мелешко. В книге отзывы благодарные слова посетителей, которым выставка помогла полнее понять этапы большого и трудного пути, пройденного нашей страной.

С. ФЕДОРОВ

Рисунки В. Петюкича
и В. В. Васильева

ПИОНЕРИИ — 50 ЛЕТ

ПИОНЕРСКАЯ — ВЕСЕННЯЯ

Музыка М. ГАЛЬПЕРИНА,
слова Л. РУМЯНЦЕВА

Цвети страна, земля весенняя,
И вместе с нами песню пой.
Свой пионерский день рождения
Мы празднуем всегда весной.

ПРИПЕВ:

Мечты большие нам доверены.
Пусть будет тверже шаг,
В руках обветренных,
руках уверенных
Всегда вперед,
вперед
Мы, пионеры,
пронесем свой стяг.

Нам быть умелыми и смелыми
И выполнять отцов завет.
Ведь красный галстук пионерами
При жизни Ильича надет.

ПРИПЕВ.

Умножим мы ряды искателей,
Нам по душе горячий труд —
Недаром первооткрывателей
Всех пионерами зовут.

ПРИПЕВ.

**В следующем номере читайте повесть Владимира Зуева
«ТЕЧЕТ НАВЛЯ»**

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова. Корректор В. Бурангулова.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 48068. Подписано к печати 22/III 1972 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,6 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 10.1. Тираж 185 000. Цена 30 коп. Заказ 70.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Радостно, подвижно

Piano introduction in 2/4 time, featuring a rhythmic melody in the right hand and a supporting bass line in the left hand.

Хор

mf

Vocal line for the chorus, starting with the lyrics: Цве - ти, стра - на, зем - ля ве - сен - ня - я, и вместе сна - - ми пес - ню пой.

Цве - ти, стра - на, зем - ля ве - сен - ня - я, и вместе сна - - ми пес - ню пой.

Piano accompaniment for the first chorus line, marked *mf*.

Vocal line for the chorus, starting with the lyrics: Свой пи - о - нерский день рож - де - ния мы празд - ну - ем всегда бес - ной.

Свой пи - о - нерский день рож - де - ния мы празд - ну - ем всегда бес - ной.

Piano accompaniment for the second chorus line.

Припев

тепо

Vocal line for the chorus, starting with the lyrics: Мечты больши - е нам до - ве - ре - ны, пусть бу - дет твер - же шаг!

Мечты больши - е нам до - ве - ре - ны, пусть бу - дет твер - же шаг!

Piano accompaniment for the third chorus line, marked *тепо*.

Vocal line for the chorus, starting with the lyrics: В ру - ках об - вет - рен - ных, ру - ках у - ве - ренных всегда впе - ред,

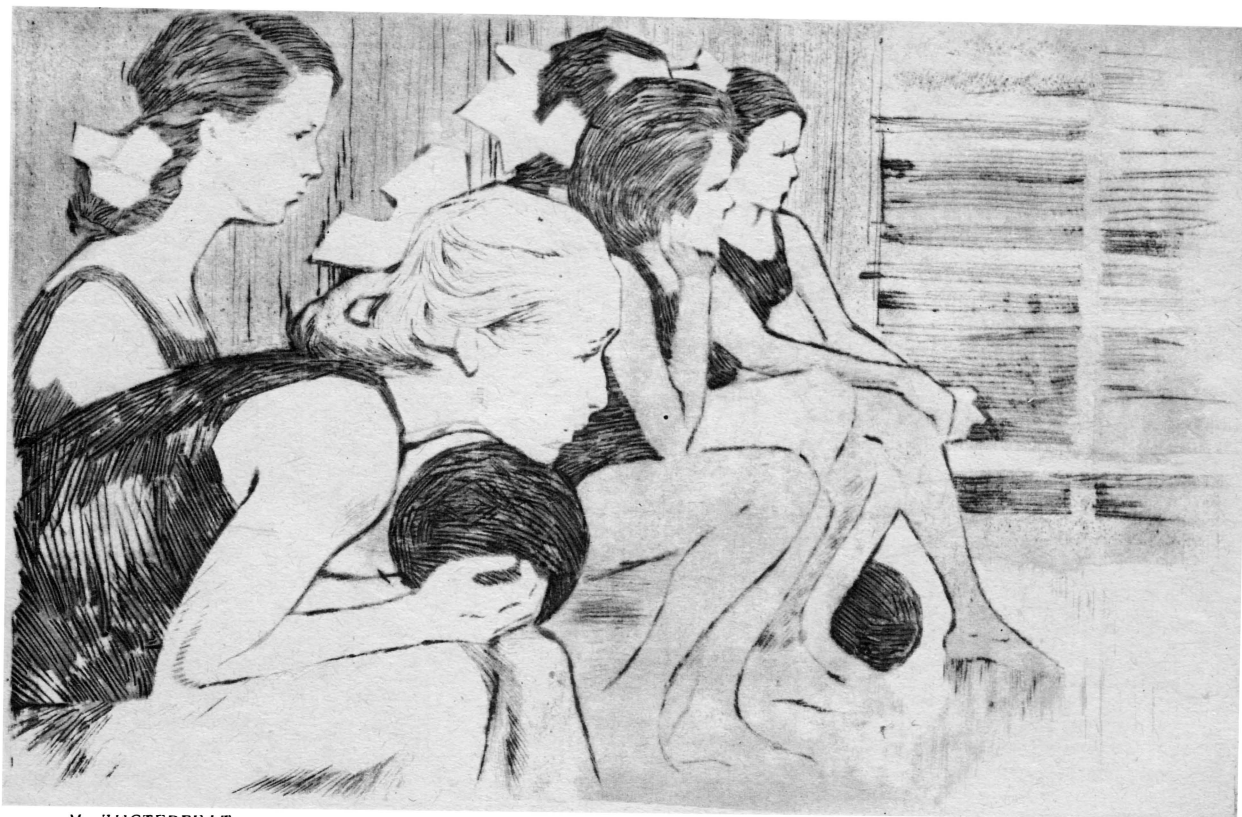
В ру - ках об - вет - рен - ных, ру - ках у - ве - ренных всегда впе - ред,

Piano accompaniment for the fourth chorus line.

Vocal line for the chorus, starting with the lyrics: впе - ред мы, пи - о - не - ры, про - не - сем свой стяг! Нам быть у - // стяг!

впе - ред мы, пи - о - не - ры, про - не - сем свой стяг! Нам быть у - // стяг!

Piano accompaniment for the fifth chorus line, marked *mf*.

М. ДИСТЕРГЕФТ

ЗАПАСНЫЕ

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), МУСА ГАЛИ,
А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН,
Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь),
В. ШУСТОВ